

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2025 Vol. 8 № 2 (28)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикации макрорегиона этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

“Caucasian Science Bridge” journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 09.09.2025. Подписано в печать 20.09.2025. Выход в свет 01.10.2025.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 550 экз. Заказ № 10136

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	7
Ковалев В.В., Беспалова А.А. Качество высшего образования и менеджери́зм: есть ли польза от новой модели управления?.....	8
Ракитина И.С. Эффективный контракт как инструмент финансового обеспечения университетов.....	22
Рачипа А. В., Янкина И. А.	
Отношение к организации и её менеджменту: гендерная дифференциация оценок работников (на примере г.Таганрога).....	33
СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ	45
Сериков А.В., Скуднова Т. Д. Институциональные ресурсы молодежного экстремизма как фактор воспроизводства и роста экстремистских практик.....	46
Шахбанова М. М. Терминальные и инструментальные ценности дагестанской молодежи.....	59
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА	71
Загирова Э. М. Свадебный подарок «махр»: восприятие и оценка в общественном сознании дагестанского населения (по результатам социологического опроса).....	72
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	86
Романов Е.В. Содержание социально-экономических исследований в контексте дискуссии о системных деформациях в социальных науках.....	87
Матвиенко Е. А., Штофер Л.Л., Шевченко О.М. Трансформация общественно-политической коммуникации в цифровом социуме: тенденции, риски, перспективы.....	104
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	111

CONTENT

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT	7
Kovalev V.V., Bepalova A.A. Quality of higher education and managerism: is there any benefit from the new management model?.....	8
Rakitina I.S. Effective contract as a tool for financial support of universities.....	22
Rachipa A. V., Yankina I. A. Attitude to the organization and its management: gender differentiation of employee assessments (using the example of Taganrog).....	33
SOCIOLOGY OF YOUTH	45
Serikov A.V., Skudnova T. D. Institutional resources of youth extremism as a factor of reproduction and growth of extremist practices.....	46
Shakhbanova M. M. Terminal and instrumental values of Dagestan youth.....	59
SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD	71
Zagirova E. M. Mahr wedding gift: reaction and evaluation in the public consciousness of the dagestani population (according to the results of sociological survey).....	72
DISCUSSION TRIBUNE	86
Romanov E.V. The content of socio-economic research in the context of the discussion of systemic deformations in the social sciences.....	87
Matvienko E. A., Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Transformation of socio-political communication in digital society: trends, risks, prospects.....	104
INFORMATION FOR AUTHORS	111

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.344.34:378.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>

EDN XALRJP

Качество высшего образования и менеджеризм: есть ли польза от новой модели управления?**Виталий В. Ковалев¹,**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Анна А. Беспалова²²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anna_isir@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы представленной статьи обосновывается негативным влиянием менеджеристского управления на качество высшего образования. Речь идет о росте имитационных практик, индифферентности администрации к проблемам образования, приоритете количественных показателей над содержанием реальных образовательных процессов.

Методы. Статья написана в опоре на неинституциональную теорию и концептуально выстраивается в русле менеджеристского подхода. Для практических выводов привлекаются вторичные эмпирические данные, взятые из опросов социологов, изучавших социальные эффекты от менеджеристского управления на качество высшего образования.

Результаты и их обсуждение. Разработана авторская концепция качества, вбирающая в себя следующие компоненты: 1) содержательные признаки качества (эталон, польза, согласование, доверие); 2) способы обеспечения качества (совокупность методов и форм образовательного процесса); 3) условия обеспечения качества (ресурсообеспеченность и управленческая модель). Сопоставление последнего компонента качества – менеджеристской управленческой модели – с элементами логического объема качества позволяет сделать вывод о наличии большого количества вызванных ею негативных эффектов в системе управления университетами. Действующая управленческая модель становится важнейшим фактором снижения качества образования.

Ключевые слова: качество; высшее образование; менеджеризм; менеджеристское управление; неинституционализм; цели образования; мотивы образования; ресурсообеспеченность.

Для цитирования: Ковалев В.В., Беспалова А.А. (2025). Качество высшего образования и менеджеризм: есть ли польза от новой модели управления? *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>.

Quality of higher education and managerism: is there any benefit from the new management model?**Vitaly V. Kovalev¹,**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Anna A. Bepalova²²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: anna_isir@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic of the presented article is justified by the negative impact of managerial management on the quality of higher education. We are talking about the growth of imitation practices, the indifference of the administration to the problems of education, the priority of quantitative indicators over the content of real educational processes.

Methods. The article is based on neo-institutional theory and is conceptually aligned with the managerial approach. For practical conclusions, we use secondary empirical data taken from surveys of sociologists who have studied the social effects of managerial management on the quality of higher education.

Results and its discussion. The study examines the author's concept of quality, which includes the following components: 1) substantive features of quality (standard, benefit, agreement, trust); 2) methods of quality assurance (a set of methods and forms of the educational process); 3) quality assurance conditions (resource availability and management model). Comparing the last component of quality, the managerial management model, with the elements of the logical scope of quality allows us to conclude that there are a large number of negative effects caused by it in the university management system. The current management model is becoming the most important factor in reducing the quality of education.

Keywords: quality; higher education; managerism; managerial management; neo-institutionalism; educational goals; educational motives; resource availability.

For citation: Kovalev V.V., Beshpalova A.A. (2025). Quality of higher education and managerism: is there any benefit from the new management model? *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P.8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.1>.

Введение

Менеджеризм триумфально входил в систему высшего образования в образе идеологии повышения качества и роста эффективности. С ним связывалось множество надежд и ожиданий. Под ростом эффективности предполагалось снижение финансирования, но при этом увеличение объема социально полезного продукта: больше научных публикаций, участия в конференциях, материальной отдачи и т.п. Эффективность – категория сложная, особенно в социальном управлении, но худо-бедно конвертируемая в числовые измерения. Всегда можно посчитать, сколько подготовлено научных работ, каково количество проведенных конференций, выигранных грантов, функционирующих научных обществ. Поэтому с ее оценками обычно неразрешимых трудностей у руководства не возникает. Если научного продукта по реализуемому валу (ключевым показателям эффективности) недостаточно, всегда можно простимулировать процесс его создания. В худшем случае рост эффективности обосновывается через приписки, фальшивые отчеты, в целом через игры с показателями. Но предполагая реальность фальсификаций, логично поставить вопрос: неужели сомнения в эффективности управления не влекут за собой и опасения в снижении качества? Ведь если мы допускаем высокую вероятность имитационных практик, то насколько их реализация не затрагивает те стандарты качества, которые в научном сообществе признаются нерушимыми и незыблемыми?

Ответы на эти вопросы на самом деле простыми не назовешь. Ведь мы должны ясно и отчетливо понимать, что такое качество и через какие оценочные позиции фиксировать его рост или снижение. В противном случае любые суждения об ухудшении качества автоматически отождествляются с частным, сугубо субъективным мнением, которое не опирается на строгие научные основания. Таким образом, поднимаемая нами проблема имеет как теоретический, так и социальный ракурс. В последнем случае речь идет о том, что наличие имитаций в обеспечении эффективности неизбежно вызывает и упадок качества. Но чтобы это должным образом описать, нужны научно обоснованные представления о качестве. Следовательно, цель исследования формулируется как

разработка теоретической модели качества, применимой к науке и образованию как инструмент эмпирического измерения состоятельности профессиональной деятельности в указанных сферах.

Обзор литературы и методологические основы

В научной литературе мы можем выделить по меньшей мере три подхода к пониманию содержательной природы качества.

Первый подход – качество как эталон. Он основывается на представлении профессионалов о том, что имеется некий стандарт качества, которому необходимо следовать в ходе своей профессиональной деятельности. Неважно, какова история появления этого стандарта: он мог быть сформирован предыдущими поколениями ученых (Андреев, 2002; Полонский, 1995), обретен во время обучения в университете (Анализ факторов..., 2021), получен из какого-либо источника через самообразование (Медведев, 2015), задан профессиональными стандартами (Солодова, 2019). Самое главное, что он действует реально и должен быть правильно понят.

За перечисленными выше истоками его возникновения стоит богатая научная традиция, имеющая давнюю историю. Еще в Средние века самый ожесточенный диспут мог в любой момент закончиться победой одной из сторон, если ей удавалось найти подходящую цитату из трудов Аристотеля. В данной интерпретации качество увязывалось с эталоном авторитета. В этом же роде вполне допустимой считалась ссылка на любой другой авторитет, безусловно значимый в научном сообществе. С годами подобное понимание качества теряет свою популярность, но частично сохраняется, все больше сводясь к авторитету руководства, что вряд ли идет на пользу науке и образованию.

Второй подход – качество как удовлетворенность результатом. Он пришел в науку в значительной степени под воздействием менеджеристских идей (Ковалев, 2024). Основные цели менеджизма состояли в привязке категория качества к двум дополнительным переменным: конкуренции и коммерциализации. Инициаторы реформы исходили из того, что преобразования пойдут на пользу качеству, применяя по аналогии ценности коммерческого сектора, где конкуренция – безусловный фактор обеспечения качества, а коммерциализация – его приоритетная цель. Наличие индикатора в форме удовлетворенности предполагает, что во главе угла помещены клиент-сервильные отношения. Студент в такой модели качества отождествляется с заказчиком услуги, а преподаватель (университет как организация) – с актором, призванным исполнить клиентские пожелания (Шимановская, 2013). Такая конструкция покоится на убежденности, что студент ясно и точно понимает представление о качестве, а исполнитель принимает на себя обязательства это представление воплотить в приемлемый для заказчика результат.

Сформулированный концепт породил в социологии множество публикаций, цель которых состояла либо в поиске индикаторов, способных измерить удовлетворенность студентов качеством полученного образования (Галлямов, 2017; Землянухина, 2019; Соколов, 2009), либо в эмпирических замерах искомой удовлетворенности по конкретным университетам (Игнатъев, 2016; Покровская, 2018). Признание полученного образования качественным со стороны студентов отождествлялось с самим качеством. Третий подход – качество как продукт коллективного согласия признавать качеством достигнутый результат, который соответствует как универсальным представлениям преподавателей и администрации вузов, так и удовлетворенности самих студентов, выступающих в статусе уже не клиентов, а соакторов оцениваемых достижений. На наш взгляд, наиболее оптимальной методологической платформой для этого подхода следует считать неинституциональную теорию Д. Норта. Она позволяет понять, насколько ценности, интересы, цели разных социальных акторов в границах одного социального

института интегрированы для достижения институционального равновесия. Иначе говоря, действует ли институт высшего образования в своих ориентациях на качество как единая общественная корпорация или он представляет собой совокупность антагонистичных акторов, имеющих субъективно несовместимые мнения о качестве. Этот подход в науке разработан слабо. Имеются лишь некоторые выходы на решение теоретической проблемы (Тамбовцев, 2020), но как такового решения еще нет.

Результаты исследования

Как нетрудно заметить, третий подход вполне допустимо назвать интегративным. Он концептуализируется на идее, в соответствии с которой качество не может быть только эталоном или субъективно интерпретируемыми результатами. От эталона отказаться невозможно, потому что мы теряем реальность качества и переводим его в плоскость субъективистских умозрений. Для анализируемого понятия это губительно, так как в таком социальном бытии оно просто растворится во мнениях, которые даже не потребуются согласовывать между собой. Это разрушит твердые основания, на которых зиждется любая профессиональная коммуникация, и сделает качество эфемерным, симулятивным понятием. Также нельзя не принимать к сведению аспект удовлетворенности. В противном случае качество трансформируется в навязываемый феномен и рассубъектит студенчество как оценивающего актора. Разумеется, мы не принимаем менеджеристскую модель клиент-сервильных отношений и не допускаем вероятности, будто студенты способны без руководящей помощи преподавателя понять качество образования во всех его проявлениях. Но их акторность не должна подвергаться сомнению, потому что подлинно осмысленное обучение обеспечивается через диалоговые формы коммуникации.

С учетом всех предварительно высказанных пояснений мы считаем, что теоретический конструкт качества образования должен включать в себя следующие позиции: содержательные признаки, способы обеспечения и условия достижения.

Содержательные признаки. Выделение признаков – это стандартная логическая операция, которая называется делением. Ее задача состоит в установлении объема понятия. Следовательно, разделив категорию «качество образования» на ряд понятий, раскрывающих его логический объем, мы поймем его содержание. На наш взгляд, качество можно описать посредством таких признаков, как эталон, польза, согласование, доверие.

Эталон выступает квинтэссенцией любого качества, независимо от сферы деятельности. Данное понимание предоставляет возможность сопоставить полученный результат с вынесенным во внешние рамки нашего сознания образцом, который был некогда создан и признан как объект соизмерения с любыми другими результатами. Ориентация на образец, с одной стороны, позволяет соединять в качестве субъективное и объективное, а с другой – формирует профессиональную этику, задача которой – насытить профессиональную деятельность элементами должествования, позволяющими снижать элемент субъективности у изготовителя качества и его оценщика. Эталонность ставит всех акторов в строгие рамки. Выйти за их пределы означает подвергнуть оценку своей деятельности угрозе восприятия ее как девиантной. Источниками эталона способны выступать авторитет великого ученого, сложившиеся неформальные нормы и выработанные принципы, получившая особое признание со стороны сообщества научная (учебная) работа. В настоящее время безусловное свойство эталона приписывается федеральным образовательным стандартам.

Концепт *пользы* объясняет смысл обременительных рамок, устанавливаемых эталоном. Прежде всего, это важно с точки зрения актуализированных общественных задач. Ориентация на жесткие стандарты необходима потому, что их соблюдение обеспечивает искомую социумом полезность. Каждая профессиональная деятельность может иметь социальный смысл лишь в том случае, если работник обладает заданным

набором качеств, посредством которых реализуются его общественные функции. Поэтому качественным позволительно считать лишь то образование, которое приносит обществу ощутимую пользу. Здесь, в отличие от первого признака, элемент субъективности уже более выражен. И именно это вынуждает экспертов по качеству придумывать эмпирические индикаторы, чтобы очевидность пользы обозначить как можно сильнее. В числе наиболее известных можно вспомнить реализуемый в наше время компетентностный подход к оценке качества, в рамках которого польза достигается через процесс усвоения образовательных компетенций. В ракурсе менеджеристского понимания публичная декларация компетенций (например, во время размещения РПД на сайтах университета) позволяет придать больший потенциал субъектности студентов, так как предварительная ознакомленность с компетенциями расширяет когнитивные представления о качестве образования. Правда, эти ожидания на практике оказываются тщетными: РПД и ФГОСы обучающиеся не читают.

Согласование как признак качества фиксирует способность основных акторов прийти к единому пониманию всех или, во всяком случае, большинства интеракций, которые должно совершать для обеспечения качества. Это внутренне осознанная готовность действовать определенным образом. Это также непротиворечивость намерений между актерами социального института высшего образования солидарно выполнять предписанные правила, принятые в целях регуляции образовательного процесса. Указанное согласование эмпирически устанавливается по целям, ценностям, интересам и вполне может быть осмыслено в таких категориях неонституционализма, как трансакционные издержки, ограниченная рациональность, институциональное равновесие, контрактная экономика. Выявление готовности действовать солидарно – важнейший показатель качества итогов профессиональной деятельности.

Доверие в той же степени, что и предыдущий признак, допустимо отнести к субъектно-коммуникативным аспектам качества образования. В этом аспекте свидетельства качественной деятельности проявляются в умении выстроить образовательный процесс так, чтобы совместный труд был максимально эффективным. Доверие необходимо в первую очередь к основным исполнителям образовательной нагрузки, т.е. к преподавателям. Без его наличия взаимодействие со студентами и администрацией во многом превращается в фикцию. Так, есть мнение, что менеджеристская идеология была введена в высшую школу как управленческий инструмент по причине утраты доверия со стороны администрации по отношению к преподавательскому корпусу (Дятлов, 2023). Мы имеем в виду проблему переориентации от внутренней оценки качества академическим сообществом к внешней оценке качества посредством формализации достигнутых результатов на основе специально разработанных КРІ. То есть менеджеризм с его новыми представлениями о качестве возник как реакция на потерю субъектности академическим сообществом, что предопределило необходимость создавать новое качество, где узкий профессионализм уступает место многозадачности. Подобное утверждение следует признать как минимум, спорным, так как достаточность профессионального уровня преподавателей соответствовать старому качеству не измерялась и подвергается сомнению умозрительно, а вред образованию от перехода на управление менеджеристскими инструментами мы считаем безусловным.

Проведенный анализ признаков позволяет утверждать, что нами найдено оптимальное решение главной теоретической проблемы, связанной с эмпирической оценкой качества образования: соотношение объективного (эталон), субъективного (согласование, доверие) и находящихся на стыке между ними иных аспектов (польза).

Способы обеспечения качества. Этот элемент качества образования крайне важный, но останавливаться на нем мы долго не будем. Сюда закладывается многообразный спектр, состоящий из методов и инструментов, посредством которых преподаватели

обеспечивают эффективность образовательного процесса. Традиционные инструменты в системе высшего образования – лекции и семинары. По всей видимости, они же остаются ведущими, наиболее часто применяемыми и сейчас. Это не очень хорошо для обеспечения качества, так как в иной информационной парадигме по сравнению, например, с прошлым столетием, преподаватель утратил монополию на трансляцию знания. Возникли совсем иные инструменты. Например, онлайн-обучение, которое может реализовываться любым актором в порядке самопрезентации себя специалистом. Новые технологии передачи информации радикально диверсифицировали работу информационных каналов. Это еще один вызов традиционному понимаемому качеству, так как онлайн-обучение становится мощной угрозой самому существованию университетов как специализированных учреждений, в функционировании которых общество привыкло видеть институции, фактически монополично ответственные за обучение высокопрофессиональных специалистов. Надо заметить, что проблема эта вузовским руководством хорошо осознается. Однако нельзя сказать, что принимаются какие-то особенные меры. Это далеко не так. Более того, в условиях менеджеристского управления, как показали исследования, проведенные А.В. Дятловым и В.В. Ковалевым, образование для администрации университетов уходит на второй план по сравнению с наукой, так как его крайне сложно формализовать в целевые показатели эффективности, которые в единственном роде имеют значение для сложившейся системы отчетности (Ковалев, 2024). И тем не менее университетская администрация через стандарты составления РПД ориентирует преподавателей на приоритетную роль интерактивных форм проведения занятий: лекции-беседы, дебаты, диспуты, деловые игры, коворкинги и иные виды коллективной деятельности. Делается ли это формально или методические усилия преподавательского корпуса в самом деле стали более разнообразными – сказать способны только студенты. Но, насколько нам известно, полномасштабных исследований по данному вопросу не проводилось. Поэтому оставим его открытым. В завершение же отметим, что новые поколения студентов действительно нуждаются в коренной перестройке способов обеспечения качества, но с сохранением прежнего объема аудиторной работы. Это наш ответ многочисленным сторонникам онлайн-обучения, которые, как мы предполагаем, сильно переоценивают внутреннюю мотивацию студентов к образовательной деятельности. Роль преподавателя по обеспечению качества по-прежнему остается ведущей.

Здесь самое время перейти к последнему элементу нашей концепции, на который выходят все выявленные выше проблемы, связанные с обеспечением качества в системе высшего образования.

Условия обеспечения качества. Они могут быть внутренними или внешними. К внутренним следует отнести цели, мотивы, ценности, иными словами – все, что в структуре личности обучающегося побуждает его к получению высшего образования. К внешним – ресурсное обеспечение и управленческую модель.

Внутренние условия. Начнем анализ с *целей образования*. Цель – важнейший атрибут любой деятельности. Не случайно жесткая привязка поведения к способности осуществлять целевую рефлексию названа М. Вебером высшим типом рациональности (Вебер, 1990). Без установления целевых приоритетов при получении образования природу качества понять невозможно. Цель позволяет установить, во имя чего студенты стремятся к образованию, а преподаватели выбирают свою профессию. Качество – категория не только конвенциональная, но и целерациональная. В этом ее проявлении нам и понадобится применять оценочные ориентиры неинституционализма, где цель – условие интеграции всех акторов в единый социальный институт. Если цель общая, то возникает понимание не только того, куда двигаться, но и того, какие ресурсы для этого тратить (транзакционные издержки). Очевидно, что если у актора цель не связана с решением каких-то значимых общественных задач (овладеть новыми технологиями

обучения, получить профессию, создать необходимые условия для плодотворной научной деятельности), то вряд ли сложится единство намерений и интересов, а значит, и готовность к совместной деятельности. Поэтому любые эмпирические исследования, предметно связанные с оценкой качества, не смогут обойтись без установления отдельных целевых приоритетов у обучающихся и их сопоставления с пониманием целей у иных акторов высшего образования.

С целями тесно сопрягаются *ценности*. Если цель – категория стратегического порядка, то ценности выступают инструментом, обеспечивающим принятие решений в отношениях с множественным выбором. Ценности делают действия релевантными, выполняя функцию разъяснения (саморазъяснения) актору того, почему он должен поступать определенным образом, а не иначе. Следовательно, роль ценностей та же, что и у цели, – обеспечивать синхронность институциональной коммуникации. Но эта роль исполняется не на начальной стадии вхождения в институт, а на всех этапах его функционирования, пока сохраняются единые целевые ориентиры. Так, студенты учатся в университете только до той поры, пока не получают диплом, подтверждающий приобретенную ими специальность. Пролонгация институциональных контактов возможна в случае появления новых целей: углубления профессиональных знаний (магистратура или ДПО), стремления стать преподавателем (аспирантура), намерения стать кандидатом наук (аспирантура или соискательство) и т.п. Поддержка сделанных целевых выборов обеспечивается признанием их релевантной ценности.

Мотивацию студентов на получение образования можно рассматривать как качественно новый уровень, на котором происходит осмысление целей и ценностей образования. Кроме того, это психологическая готовность тратить разнообразный репертуар ресурсов на достижение целей и осмысление ценностей, которые отражают конкуренцию мотивов, стимулирующих определенный вид деятельности – в высшем образовании или за его пределами. В эмпирических исследованиях, ориентированных на оценку качества образования, очень важно установить готовность студентов делать выбор именно в пользу образовательной деятельности. Только так получится выявить реальные мотивы к получению образования, а не его потенциальные симулякры.

Таким образом, внутренние условия, позволяющие измерить качество образования, целиком и полностью находятся в структуре личности студента. Впрочем, все то же самое вполне допустимо перенести в адрес преподавателей и руководства университетов. Применительно к этим группам акторов выводятся аналогичные эмпирические индикаторы.

Внешние условия. В их число мы включили ресурсообеспеченность и управленческую модель. Это искомая вероятность качества и одновременно императивно-волевые рамки его обеспечения.

Под *ресурсом* мы будем понимать реально возможный и готовый к использованию потенциал. Соответственно, ресурсообеспеченность университетов – это совокупность ресурсов, которые потенциально можно использовать для обеспечения качества высшего образования. Для проведения эмпирических исследований следует осуществить типологию ресурсов, которыми располагают университеты как образовательные организации. Наиболее продуктивным считаем их разделение на три группы: информационно-технические, материальные и социальные.

Легче всего оценить первые два вида. Информационно-технические складываются из наличного оборудования, компьютерных программ, учебной, научной и учебно-методической литературы. Материальные ресурсы состоят из аудиторий для учебной и научной работы, библиотек, заработных плат ППС и студенческих стипендий, лифтов и помещений неспециального назначения. Все перечисленное имеет осязаемые и визуальные проявления. Социологические исследования для фиксации ресурсного потенциала по отмеченным позициям не требуются. Хотя по некоторым аспектам

субъективные представления акторов могут иметь значение. Поэтому вполне допустимо включать их в ранге переменных в соответствующие опросники. Однако чаще всего проверка ресурсообеспеченности, а значит, и ожидаемого уровня качества высшего образования проводится в рамках особых процедур, наиболее известная из которых – система менеджмента качества (СМК).

Социальные ресурсы в большей степени относятся к духовной сфере общества. Это интеллектуальные возможности акторов, их мотивационный потенциал, ориентация на творческое отношение к работе или учебе, наличный объем времени, который они готовы уделить образовательной деятельности. Эти внутренние компоненты качества посредством СМК и похожих на нее формально-бюрократических мероприятий установить невозможно. Сверх того, выявить их способны только профессионалы, которые по своим объективным характеристикам имеют достаточный потенциал для качественной оценки данных социологических опросов. При этом итоговое измерение качества будет зависеть от субъективного уровня самого исследователя, так как в реальных практиках качество сопоставляется с теми значениями эталона, которые приняты в статусе значимых в конкретном профессиональном сообществе. Поэтому одним исследователем качество образования по общему изучаемому объекту может быть признано низким, другим – средним, третьим – высоким. Такой подход по совокупности отражает качество самого академического сообщества как носителя потенциальных возможностей по его обеспечению. В этом отражается едва уловимая диалектика субъективного и объективного во внутреннем содержании качества, которая гения способна опустить до уровня посредственного девианта, а посредственность превратить в выдающийся талант.

Управленческая модель, с которой в настоящее время связывается рост качества высшего образования, – это тот самый менеджериизм, описанием которого мы начали свою статью в ее постановочной части. Менеджериизм напрямую не декларирует стремление к качеству и даже его поддержку. Это, скорее, управленческая идеология эффективности. Ее социальный смысл состоит в обеспечении роста производительности труда при одновременном уменьшении издержек на производство. Главная цель применения менеджериизма была сформулирована П. Друкером еще в 1954 г. в книге «Практика менеджмента» (Друкер, 2015), и сводится она к тому, что основа управления – это поиск оптимальных форм мотивации персонала. Для ее улучшения следует уменьшить до самого допустимого минимума базовую заработную плату и, наоборот, увеличить премиальную часть за достижение эффективности. Под последним подразумевается выполнение ключевых показателей (KPI), которые по своей сути отождествляются с целевыми фрагментами направлений профессиональной деятельности. Все остальное в менеджериизме – рейтинги, баллы, эффективные контракты и пр. – действует именно в угоду этой ведущей цели. Внешне может показаться, что сторонники менеджериизма даже не замечают существования качества как средства измерения результатов труда. Но это не так. Просто не-качество даже не допускается как некая фантазия оппортунистов. Ошибочность подобного рода представлений подтверждается социологическими исследованиями (Вольчик, 2019; Осипов, 2023; Романов, 2024), согласно которым в реальных практиках, сложившихся в сфере науки и высшего образования, фиксируется резкое снижение качества. И это напрямую связывается с применением менеджеристских управленческих инструментов. Отчасти менеджериизм превратился в квинтэссенцию всех недостатков высшего образования, а само слово насытилось однозначно отрицательными коннотациями. Чтобы понять причины этого процесса, нужно обратиться к созданной нами модели качества высшего образования. Она, напомним, состоит из следующих компонентов: 1) содержательные признаки качества (эталон, польза, согласование, доверие); 2) способы обеспечения качества (совокупность методов и форм образовательного процесса); 3)

условия обеспечения качества (ресурсообеспеченность и управленческая модель). Мы исходим из того, что заявленная последней в перечне операционально значимых признаков менеджеристская управленческая модель является одним из наиболее значимых факторов, способных трансформировать другие компоненты качества. Это свойство приписывается ей в силу ее нормативно-императивного статуса. Сообразно канонам неоинституционализма управленческая модель не выбирается добровольно акторами, ответственными за обеспечение качества, а действует как предзаданная и обязательная доминанта, поддерживаемая совокупностью формальных ограничений. И если ранее представления преподавателей о качестве складывались в условиях управления по концепции академической автономии, то в настоящее время они претерпевают эволюцию, преобразуясь под новые адаптационные потребности, создаваемые менеджеристской идеологией. Эти преобразования можно отследить по представленным элементам качества, опираясь на исследования оценочных суждений преподавательского сообщества относительно менеджеризма.

Эталон, как мы уже отмечали, является содержательным ядром понятия «качество». Отрицание этого автоматически ведет к отмене качества как научной категории. Но эталон не существует сам по себе. В столь сложных видах деятельности, как преподавание и обучение, его нельзя свести лишь к образовательным государственным стандартам. Он должен регулярно воспроизводиться в реальных образовательных практиках, а источниками таких побудительных мотивов должны быть не ФГОСы, что бы ни думали на этот счет эффективные менеджеры, а система ценностей, побуждающая ППС постоянно обращаться к созданным предыдущими поколениями ученых и педагогов концептам качества. В повседневной профессиональной рутине это непросто. Людям свойственно стремление к упрощению. Стало быть, высокие стандарты качества способны воспроизводиться только в условиях постоянного давления коллективных представлений. Стремление к качеству – это солидарные действия по правилам, предписывающим качество. Эффективность от них обеспечивается полным признанием обязательств действовать определенным образом со стороны всего корпуса ППС. Это, в свою очередь, возможно лишь при наличии обладающего субъектностью академического сообщества. В текущий же период субъектность преподавателей разрушается из-за негативного влияния менеджеристских установок, толкающих к упрощению создаваемого эталона. Причем воздействие имеет опосредованный характер. Прямо администрация вузов не призывает снижать качество. Оно падает потому, что новые условия работы не совместимы с систематичностью, фундаментальностью, основательностью. Борьба за сиюминутный результат здесь и сейчас есть альфа и омега менеджеристской идеологии, вследствие чего качество образования падает как бы само по себе, без чьего-либо злого умысла. Но в конечном счете именно отсутствие условий работать систематично, фундаментально, основательно ведет к провалам в кадровой политике, падению мотивации, к имитации всех видов работ и пр.

Вопрос о *пользе* в контексте менеджеристского управления также нужно признать интересным. Ракурс восприятия пользы произведен от признания своего поведения целерациональным, т.е. от достижения целей наиболее разумным способом. Если основная цель менеджеризма – рост эффективности, а под ним понимается увеличение объема производства с одновременным снижением затрат на него, то очевидно, что качество при таких раскладах для администрации вузов не приоритетно. Это особенно важно понимать, если существует дилемма: либо сохранение качества, но снижение (или низкий рост) количества, либо рост количества с вероятным снижением качества. Объективно означенное противоречие должно породить конфликт между администрацией и ППС. Так на практике и происходит. Однако большей частью этот конфликт уже ушел из внешней сферы во внутреннюю. Открытый оппортунизм стал латентным – не в последнюю очередь ввиду того, что резко усилилось административное

давление на преподавателей, вплоть до акцентированных угроз увольнения. Действующая же система срочных контрактов, подкрепленная политикой государства форсированно «омолаживать» профессорско-преподавательский состав, предоставляет легитимный рычаг создавать «послушный» преподавательский корпус, который признает только менеджеристское понимание *пользы* от собственной деятельности. Вначале преподаватели превращаются в безропотный инструмент выполнения бессмысленных действий, а далее и сами обесмысливаются, будучи преподавателями единственно по внешним проявлениям своего профессионального статуса. Что касается студентов, то в такой системе отношений они используются как манипулятивный инструмент оценки качества через удовлетворенность результатами образования. Кажущаяся внешне безупречной практика обращения с анкетированием к обучающимся в действительности имеет смысл исключительно при опросах одаренных и высокомотивированных студентов.

Третий признак – *согласованность* позиций основных акторов относительно понимания качества образования – в контексте менеджеризма логически вытекает из только что проанализированной *полезности*. Данный аспект с применением неинституциональной методологии подробно изучался А.В. Дятловым и В.В. Ковалевым в инициативном исследовании (Дятлов, 2023). Социологи пришли к выводу, что в настоящее время внутри института высшего образования существует по меньшей мере три разных институциональных пространства: студенческое, преподавательское и менеджеристское. Причем сепарация первого и второго случилась именно по причине возникновения третьего. Принятая модель управления объективно ведет к распаду единства институциональных оснований высшего образования, что делает чрезвычайно затруднительным достижение универсальных представлений о целях, ценностях и смыслах поведенческих практик в этом социальном институте. Менеджеры проявляют индифферентность к традиционным целям образования, преподаватели ведут себя оппортунистически (в неинституциональной терминологии), а социальное поведение студентов настолько дифференцировано, что о них все более сомнительно говорить как о какой-то цельной социальной группе.

И наконец, четвертый признак – наличие *доверия* между акторами. Его влияние на качество безусловно, но оценить воздействие на него менеджеристских инструментов довольно проблематично. Поскольку эмпирические исследования по этому аспекту не проводились, то выводы могут иметь лишь умозрительный характер. Главным негативным фактором, способствующим утрате доверия, мы видим распад классического университета. Само слово «университет» означает союз преподавателей и студентов. Однако появление новой, экзогенной группы в виде эффективных менеджеров должно рассматривать как провокацию к разрушению привычных паттернов коммуникации между учителями и обучающимися. Преподаватель низведен до уровня исполнителя клиентских пожеланий, а студент воздвигнут на пьедестал заказчика образовательных услуг. По меньшей мере это одно способно быть источником роста недоверия. В остальном требуется дополнительная проработка вопроса.

Способы обеспечения качества (совокупность методов и форм образовательного процесса) прямой корреляции с менеджеристским управлением не имеют. И здесь мы вновь оказываемся на зыбкой почве предположений и прогнозов относительно того, какие еще идеи могут применять реформаторы в системе высшего образования. Ясно одно: все переустройства будут ориентированы на сокращение расходов, а под этим предлогом – оптимизацию качества. Что касается уже прошедших реформ, то позволительно вспомнить о попытках перевести образование в региональных университетах на онлайн-обучение. Одной из причин данной инициативы было стремление получить более «дешевые» университеты, что вполне вписывается в менеджеристскую логику снижения издержек на высшее образование. Но дешевое

образование – не значит качественное. В общественном и научном дискурсах во времена «социального дистанцирования» поднялась настоящая волна протестов против намерений ряда государственных чиновников и аффилированных с властью «частных лиц» (например, печально известный в академических кругах Г. Греф) перевести образование в онлайн-формат (Иванова, 2020; Касьянов, 2020; Ольшанникова, 2020). Вне всяких сомнений, такие формы высшего образования, как лекция и семинар, нуждаются в изменениях. И студенты сейчас не такие ориентированные на обучение, как в индустриальную эпоху, и источников информации в последнюю пару десятилетий стало несоизмеримо больше. Но преобразования образовательных практик должны решаться внутри академического сообщества, а не в фантазиях далеких от образования людей. Также пагубность роли менеджизма обостряется стремлением возложить на всех преподавателей не свойственные им ранее виды деятельности (наука и воспитание) и, что особенно важно, сделать последние приоритетными. Такого рода инициативы сужают до минимума временной ресурс ППС, вынуждая тратить его на периферийные для высшего образования цели. Едва ли вообще чиновничество, выполняющее в России функции эффективных менеджеров, способно решить проблему методов и форм образования как способов повышения его качества. Создание креативных моделей в педагогике высшей школы по силам выполнить лишь людям творческого склада. Бюрократия же настроена исключительно на формализацию педагогических усилий, что позволяет делать качественные отчеты и предоставлять в верхние инстанции красивую картинку, но вредит подлинно качественной работе.

Одно из условий обеспечения качества – *ресурсообеспеченность* профессиональной деятельности преподавателя. Самые разрушительные последствия от менеджеристского управления связываются в первую очередь с недостатком ресурсов у ППС для решения поставленных эффективными менеджерами задач. Круг этих задач резко расширяется, интенсивность работ увеличивается, а ресурсная база или остается прежней, или, наоборот, сужается. Вокруг этой проблемы образуется целая комбинация разнородных интересов и целей. Так, университетская администрация ориентирована на карьеры и получение премий по эффективным контрактам. И первое, и второе возможно в случае выполнения KPI, основная масса которых складывается от профессиональной деятельности преподавателей. То есть возникает некая форма зависимости карьер и доходов управленцев от работы преподавателей. Последние, в свою очередь, находятся на срочных контрактах и в состоянии их продлить лишь в случае удовлетворения своими результатами администрации университетов. Успешность студентов, в свой черед, оценивается преподавателями, оценки которых могут стать основанием для отчисления. Но в то же время преподаватели сами ставят оценки, которые затем частично формируют их рейтинги. В этой системе сдержек и противовесов слабым звеном оказывается профессорско-преподавательский состав. Студентов нельзя отчислять, так как действующая модель нормативно-подушевого финансирования делает эту процедуру экономически невыгодной, а университетское руководство находится на вершине административной иерархии, назначается сверху и не может быть переизбрано. Преподаватели же в условиях менеджизма представляют собой наемных работников, профессионализм которых идет, скорее, во вред действующей модели управления, поскольку объективно обязывает тратить больший объем ресурсов на обеспечение качества, чем это допускается в границах менеджеристских представлений об эффективности. Поэтому постепенно главным условием выживания в новой организационной среде выступает лояльность, которая позволяет уменьшить расход ресурсов, чтобы поддержать рост объема выполняемых работ, но при этом резко снижает качество образования.

Заключение

Качество, как бы ни пытались представить его с позиции локального

субъективизма, за которым скрываются карьерные интересы бюрократии, выступает феноменом объективного порядка. Оно сложилось не только в формате индивидуализированных представлений или размытых оценочных суждений, а как нечто незыблемое, существующее реально. Отказ от такой интерпретации качества приведет к полному развалу системы образования, так как именно качество следует считать ядром, базовым центром, который удерживает вокруг себя индивидуализированную субъектность разных акторов, имеющих порой диаметрально противоположные относительно друг друга цели, задачи и способы их решения.

В исследовании создана авторская концепция качества, вбирающая в себя следующие компоненты: 1) содержательные признаки качества (эталон, польза, согласование, доверие); 2) способы обеспечения качества (совокупность методов и форм образовательного процесса); 3) условия обеспечения качества (ресурсообеспеченность и управленческая модель).

Сопоставление последнего компонента качества – менеджеристской управленческой модели – с элементами логического объема качества позволяет сделать вывод о наличии большого количества вызванных менеджеризмом негативных эффектов в системе управления университетами. Действующая управленческая модель становится важнейшим фактором снижения качества высшего образования.

Литература

- Анализ факторов, влияющих на качество образования в вузе / Г.А. Грибина, Н.А. Дубровин, А.А. Жидков [и др.] // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 1. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/01/93800>.
- Андреев, А.А. Прикладная философия открытого образования: педагогический аспект / А.А. Андреев, В.И. Солдаткин. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2002. – 168 с. – EDN RZJXWX.
- Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–633.
- Вольчик, В.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // Terra Economicus. – 2019. – №17. – С. 146–162. – <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>.
- Галлямов, Р.Р. Качество высшего образования в представлениях его акторов: эволюция ведущих трендов в российском регионе (теоретический анализ проблемы) / Р.Р. Галлямов, Ю.А. Кузнецова // Экономика и управление. – 2017. – № 3. – С. 51–56.
- Друкер, П. Практика менеджмента / П. Друкер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 416 с.
- Дятлов, А.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. – EDN: RGIKSM.
- Землянухина, С.Г. Противоречия интересов субъектов системы высшего образования (в аспекте влияния на оценку качества образования) / С.Г. Землянухина // Стратегии и современные тренды регионального туризма и гостеприимства. – М.: Русайнс, 2019. – С. 244–250.
- Иванова, А.Д. Онлайн-образование глазами студентов и преподавателей / А.Д. Иванова, О.В. Муругова // Открытое образование. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 4–16.
- Игнатъев, В.П. Привлечение студентов к оценке качества образования / В.П. Игнатъев, Л.Ф. Варламова, П.А. Степанов // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 12–1. – С. 141–145.
- Касьянов, В.В. Кризис высшего образования в России и депрофессионализация студентов / В.В. Касьянов, С.И. Самыгин, К.С. Мухина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 59–63.
- Ковалев, В.В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Oriental Studies. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 849–869. – <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>.
- Медведев, И.Ф. Категориальный анализ самообразования / И.Ф. Медведев // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 6. – С. 96–99.

Ольшанникова, Н.А. Новые формы высшего образования с использованием современных онлайн-технологий / Н.А. Ольшанникова // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 3688–3694.

Осипов, А.М. Концепция бюрократизации: к пониманию менеджериализма как тупика управления и развития / А.М. Осипов // Caucasian Science Bridge. – 2023. – № 4. – С. 16–23. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.1>.

Покровская, Н.Н. Анализ результатов изучения мнения субъектов образовательного процесса о качестве образования в вузах Санкт-Петербурга / / Н.Н. Покровская, С.О. Снисаренко // Прикладная социология в системе управления общества (по итогам деятельности научной школы). – СПб.: СПбГУ, 2018. – С. 37–44.

Полонский, В.М. Словарь понятий и терминов по законодательству Российской Федерации об образовании / В.М. Полонский. – М.: Моск. ин-т развития образовательных систем, 1995. – 78 с.

Романов, Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов в контексте проблемы кадрового воспроизводства / Е.В. Романов // Образование и наука. – 2024. – № 10. – С. 12–47. – <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47>.

Соколов, И.И. Методологические аспекты оценки качества высшего профессионального образования: проблема человекосоразмерности / И.И. Соколов // Экология человека. – 2009. – № 9. – С. 3–6.

Солодова, Е.А. Компетенция – синергетическая характеристика нового качества образования / Е.А. Солодова, В.А. Харитоновна // Человеческий капитал. – 2019. – № 4. – С. 98–102.

Тамбовцев, В.Л. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование»? / В.Л. Тамбовцев, И.А. Рождественская // Управленец. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 2–14. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-1>. – EDN: [BDMNMJ](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-1)

Шимановская, С.В. Образовательные услуги как инновационный продукт / С.В. Шимановская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 2. – С. 100–102.

References

Andreev A.A., Soldatkin V.I. Applied philosophy of open quality: a pedagogical aspect. Moscow: Alfa; 2002. 168 p. (In Russ.)

Drucker P. Practice of management. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2015. 416 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023;14(2):70-91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. (In Russ.)

Gallyamov R.R., Kuznetsova Yu.A. The quality of higher education in the views of its actors: the evolution of leading trends in the Russian region (theoretical analysis of the problem). *Ekonomika i upravleniye = Economics and Management*. 2017;3:51-56. (In Russ.)

Gribina G.A., Dubrovin N.A., Zhidkov A.A. et al. Analysis of factors affecting the quality of education in higher education institutions. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Research and Innovations*. 2021;1. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2021/01/93800>. (In Russ.)

Ignatiev V.P., Varlamova L.F., Stepanov P.A. Involvement of students in assessing the quality of education. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii = Modern High-Tech Technologies*. 2016;12-1:141-145. (In Russ.)

Ivanova A.D., Murugova O.V. Online education through the eyes of students and teachers. *Otkrytoye obrazovaniye = Open Education*. 2020;24(2):4-16. (In Russ.)

Kasyanov V.V., Samygin S.I., Mukhina K.S. The crisis of higher education in Russia and the deprofessionalization of students. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2020;5:59-63. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Professional culture of teachers in the context of managerial management (on the example of universities in the South of Russia). *Oriental Studies*. 2024;17(4):849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. (In Russ.)

Medvedev I.F. Categorical analysis of self-education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, and Education*. 2015;6:96-99. (In Russ.)

Olshannikova N.A. New forms of higher education using modern online technologies. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire = Vocational Education in the Modern World*. 2020;10(2):3688-3694. (In Russ.)

Osipov A.M. The concept of bureaucratic pathology: towards understanding managerialism as a dead end of management and development. *Caucasian Science Bridge*. 2023;4:16-23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.1>. (In Russ.)

Pokrovskaya N.N., Snisarenko S.O. Analysis of the results of studying the opinion of subjects of the educational process on the quality of education in St. Petersburg universities. In: *Applied sociology in the management system societies (based on the results of the scientific school)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2018. P. 37-44. (In Russ.)

Polonsky V.M. Dictionary of concepts and terms on the legislation of the Russian Federation on education. Moscow: Moscow Institute of Educational Systems Development; 1995. 78 p. (In Russ.)

Romanov E.V. Evaluation of the effectiveness of Russian universities in the context of the problem of personnel reproduction. *Obrazovaniye i nauka = Education and Science*. 2024;10:12-47. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-12-47>. (In Russ.)

Shimanovskaya S.V. Educational services as an innovative product. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2013;2:100-102. (In Russ.)

Sokolov I.I. Methodological aspects of assessing the quality of higher professional education: the problem of human proportionality. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*. 2009;9:3-6. (In Russ.)

Solodova E.A., Kharitonova V.A. Competence as a synergetic characteristic of a new quality of education. *Chelovecheskiy kapital = Human Capital*. 2019;4:98-102. (In Russ.)

Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Quality management of higher education: What does "quality" mean and what does "higher education" mean? *Upravlenets = Manager*. 2020;11(1):2-14. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-1>. (In Russ.)

Volchik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, implicit knowledge and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*. 2019;17:146-162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>. (In Russ.)

Weber M. Basic sociological concepts. In: *Selected works*. Moscow: Progress; 1990. P. 602-633 p. (In Russ.)

Zemlyanukhina S.G. Contradictions of interests of subjects of the higher education system (in terms of influence on the assessment of the quality of education). In: *Strategies and modern trends of regional tourism and hospitality*. Moscow: Rusains; 2019. P. 244-250. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 10.07.2025

Дата окончания рецензирования: 15.08.2025

Дата принятия к публикации: 28.08.2025

Информация об авторах

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anna_isir@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vitaly Vladimirovich Kovalev – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Anna Alexandrovna Bepalova – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anna_isir@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:355

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.2>

EDN CYQNAV

Эффективный контракт как инструмент финансового обеспечения университетов**Инна С. Ракитина¹**

¹Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова
e-mail: rakitina.inna@list.ru

Аннотация

Введение. Эффективный контракт – это не просто новый инструмент мотивации преподавателей к повышению производительности труда в науке, образовании и воспитании студентов. Это составная часть глобальной менеджеристской политики, вместе с которой в образовательные организации пришли новые способы финансирования. Мы предполагаем, что вместе с ними среди ППС распространилась повсеместная практика имитации результатов трудовой деятельности, одним из факторов чего стало применение эффективных контрактов. Цель исследования: установление готовности профессорско-преподавательского состава к трудовой деятельности через ее финансирование по достигаемым количественным показателям (на основе эффективного контракта).

Методы. Методологические основания статьи выстроены на платформе менеджеристской теории, в соответствии с которой управление университетами происходит с ориентацией на количественные показатели. Их выполнение отождествляется с достижением социальной эффективности, а значит, и состоятельности общей концепции управления. В качестве конкретно-прикладных методов применялись экспертный опрос и анализ документов, принимаемых органами государственной власти и администрацией университетов.

Результаты и их обсуждение. Профессорско-преподавательский состав не проявляет должной готовности для исполнения трудовых функций под стимулирующим воздействием эффективного контракта. В лучшем случае выполнение действий, за которые предусмотрены выплаты, рассматривается как способ получения дополнительного дохода. Однако наука, ориентированная исключительно на монетарные ценности, теряет социальную полезность. Это следует из потери сообществом профессионалов, работающих в университетах, субъектности. Преподаватель оказался инструментом для достижения целей, которые содержательно не коррелируются с традиционными университетскими целями. В новых управленческих условиях эффективность измеряется через ставшие обыденностью имитационные действия.

Ключевые слова: университет; эффективность управления; имитация; цели университетов; эффективный контракт; академическое сообщество; менеджеризм.

Для цитирования: Ракитина И.С. (2025). Эффективный контракт как инструмент

финансового обеспечения университетов. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 22-31.
<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.2>.

Effective contract as a tool for financial support of universities

Inna S. Rakitina¹

¹M.I. Platov South-Russian State Polytechnical University (NPI)

e-mail: rakitina.inna@list.ru

Abstract

Introduction. An effective contract is not just a new tool for motivating teachers to increase productivity in science, education and upbringing of students. It is an integral part of the global managerial policy, along with which new methods of financing have come to educational organizations. We assume that along with them, the widespread practice of imitation of the results of labor activity has spread among the teaching staff, one of the factors of which has become the use of effective contracts. The purpose of the study: to establish the readiness of the teaching staff for labor activity through its financing according to the achieved quantitative indicators (based on an effective contract).

Methods. The methodological foundations of the article are built on the platform of managerial theory, according to which university management is carried out with an orientation towards quantitative indicators. Their implementation is identified with the achievement of social efficiency, and therefore the viability of the general management concept. An expert survey and document analysis were used as specific applied methods.

Results and its discussion. The teaching staff does not show due readiness to perform labor functions under the stimulating influence of an effective contract. At best, the performance of actions for which payments are provided is considered as a way to earn additional income. However, science focused exclusively on monetary values loses social usefulness. This follows from the loss of subjectivity by the community of professionals working in universities. The teacher turned out to be a tool for achieving goals that are not meaningfully correlated with traditional university goals. In the new management conditions, efficiency is measured through imitation actions that have become commonplace.

Key words: university; management efficiency; imitation; university goals; effective contract; academic community; managerialism.

For citation: Rakitina I.S. (2025). Effective contract as a tool for financial support of universities. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 22-31. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.2>.

Введение

Государственная поддержка российских университетов в настоящее время осуществляется в соответствии с принципом финансирования по результатам. Этот принцип означает, что государство дает образовательной организации лишь то количество финансовых ресурсов, которое соответствует итоговым результатам конкуренции с другими университетами. Безусловным преимуществом данной модели является наличие возможности у любой образовательной организации контролировать свой финансовый потенциал. Представленное правило распространяется не только на организацию целиком, но и на отдельные аспекты ее функционирования. Прежде всего, это касается оплаты работы преподавательского сообщества. В соответствии с

традиционными правилами ППС получает заработную плату согласно собственному академическому статусу, который верифицируется через должности ассистента, преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора. Но по новым менеджеристским правилам любой сотрудник благодаря эффективному контракту способен увеличить свой оклад равноценно вкладу в достижения образовательной организации. Для этого он должен проявлять активность и обеспечивать результаты в научной и образовательной деятельности университета. Однако есть опасения, что к работе в условиях конкуренции и коммерциализации современный профессорско-преподавательский состав не готов. Это означает, что предписанные по эффективным контрактам и регулируемые через инструмент университетского рейтинга количественные показатели будут выполняться формально и даже имитационно. В этом таится угроза снижения качества результатов профессиональной работы. И если это так, то действующая модель управления эффективностью окажется несостоятельной. В контексте всего сказанного цель представленной статьи определим как установление готовности профессорско-преподавательского состава к трудовой деятельности через ее финансирование по достигаемым количественным показателям (на основе эффективного контракта).

Методология и методы

Методологические основания статьи выстроены на платформе менеджеристской теории, в соответствии с которой управление университетами происходит с ориентацией на количественные показатели (Володарская, 2020; Тузиков, 2016; Pollitt, 1990). Их выполнение отождествляется с достижением социальной эффективности, а значит, и состоятельности общей концепции управления.

В качестве конкретно-прикладных методов применялись экспертный опрос и анализ документов.

Экспертный опрос осуществлялся в форме анкетирования по теме «Роль количественных показателей в обеспечении эффективности управления высшей школой». Он проводился как инициативное исследование рабочей группой в составе В.В. Ковалева, А.В. Дятлова и И.С. Ракитиной. Авторский вклад состоит в совместной с указанными учеными разработке социологического инструментария и проведении опроса в г.г. Шахты и Новочеркасск. Объект исследования – преподаватели. Место проведения – университеты Ростовской области. Выборочная совокупность насчитывает 460 экспертов: из Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону) – 55 экспертов, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Таганрог) – 210 экспертов; Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Шахты) – 89 экспертов, из Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасск) – 106 экспертов.

Для поиска эмпирической информации анализировались официальные сайты университетов и нормативные акты органов государственной власти.

Результаты исследования и обсуждение

Правила об эффективных контрактах в нормативных положениях университетов Ростовской области. Нормативные основы регулирования практики применения эффективных контрактов изучались в тех же вузах, где проводился

социологический опрос. Каких-либо существенных различий в методике измерения эффективности и присуждении поощрительных баллов не выявлено. В основу положено несколько принципов. Во-первых, эффективный контракт фактически отождествляется с трудовым договором. Его выполнение приравнивается к разновидности трудовых обязательств работника перед работодателем. Во-вторых, исполнение обязательств связывается с академическим статусом работника. Поэтому эффективные контракты заключаются на началах добровольно-принудительного исполнения должностных функций: от ассистента к профессору в индивидуализированном порядке в привязке к должности. В-третьих, эффективные контракты интегрируют в себе два компонента: экономический и административный. Каждому сотруднику начисляются баллы за эффективность. Объем баллов произведен от вида выполненной трудовой обязанности. Имеется минимальный предел, который позволяет занимать должности в иерархии преподавательского сообщества, и все, что свыше предписанного минимума, поощряется экономически в виде надбавки к основному окладу.

Если не принимать во внимание незначимые детали, то виды деятельности, за выполнение которых ожидается финансовое поощрение, в основном одинаковые. Они производны от федеральных документов, посредством которых регулируются эффективные контракты руководителей образовательных организаций, а также проводится конкурс по контрольным цифрам приема обучающихся на образовательные программы. В связи с этим эффективные контракты ППС – лишь средство для решения стратегически значимых для государственного финансирования университетов задач. Иначе говоря, преподаватели получают поощрения за то, чтобы поощрение получал ректор, а сам университет – возможность обучать студентов за государственный счет. В науке обычно не оспаривается тот факт, что цели университетов можно свести в универсальную триаду: научные инновации – профессиональное обучение – приобщение к культуре (Колесникова, 2023). Обычно именно эти позиции и отражаются в эффективных контрактах. Однако более детальное наблюдение позволяет заключить, что приоритетом для начисления финансовых надбавок выступает все же научная деятельность, а воспитание и профессиональное обучение оказываются аутсайдерами с точки зрения перспектив зарабатывания финансовых средств для ППС. Разумеется, такое положение не может не сказываться крайне негативным образом на достижении вузами социально значимых целей. Профессиональное обучение имеет меньшую релевантность для руководства университетов, чем научная работа. Следовательно, возникшие перекосы уже сами по себе способны закладывать дисфункциональность в деятельность образовательных организаций. Постепенно из образовательных университеты превращаются в псевдонаучные организации (Ковалев, 2024a), что едва ли правильно.

В принципе за более чем десять лет применения системы индивидуального рейтинга к оценке работы ППС он абсорбировал в себя практически все направления деятельности вузовских работников. Баллы можно получить практически за все, что признано имеющим социальную ценность в системе науки и образования. Это публикации (ВАК, РИНЦ), участие в конференциях, работа с аспирантами, организация студенческих обществ и управление ими, участие в работе диссертационных советов, редакционных коллегий, руководство образовательной программой и т.п. Но вопрос, разумеется, не в этом, а в общественной, более узком смысле – экономической

целесообразности траты больших финансовых средств на стимулирование трудовой активности. Проблема здесь очевидна: не приведет ли гонка за показателями и стремление на них заработать к снижению качества исполнения профессиональных обязанностей? Если же говорить о дальних перспективах – то и к возникновению устойчивых имитационных практик и полной профанации работы университетов?

Обращаясь к академическому сообществу с поставленными выше вопросами, мы затронули лишь некоторые из видов деятельности, за которые в положениях об индивидуальном рейтинге ДГТУ, РГЭУ, ЮРГПУ и ЮФУ предусмотрены поощрительные выплаты. Избирательность связана с тем, что все виды премирования невозможно пропустить через анкету в силу их многочисленности. Например, в ЮФУ оценочных позиций в 2023 г. было 57, в РГЭУ – 76, в ДГТУ – 78, в ЮРГПУ – 83. Следовательно, нужно было остановиться на каких-то или самых значимых (по объему вознаграждения), или наиболее резонансных. Мы выбрали научные показатели, так как они преобладают, высоко оцениваются и устойчиво существуют независимо от властной конъюнктуры, на которую рейтинги реагируют принятием или упразднением тех или иных показателей.

Восприятие количественных показателей из эффективных контрактов как значимых для профессиональной деятельности. Особое внимание уделим публикациям в научных журналах, включенных в базы Scopus или Web of Science. В социогуманитарной науке этот показатель подвергается критике с момента его появления в эффективных контрактах и рейтингах (Орлов, 2021). Но инициаторы этого КРІ, благодаря которым он вот уже почти два десятка лет выступает оценочным индикатором состоятельности региональной науки, до сих пор, даже в условиях международных санкций, сохраняют его во всех федеральных документах, что делает невозможным исключение его из эффективных контрактов ППС.

Нетрудно заметить, что возраст является значимым индикатором. В табл. 1 четко видны различия по двум возрастным полюсам: «24–30 года» и «60 лет и старше». На первом из них молодежь, позиция которой в отношении Scopus и Web of Science разделилась примерно пополам. Одна часть молодых ученых разделяет установки Минобрнауки на то, что в Scopus и Web of Science включены действительно рейтинговые журналы, где печатаются выдающиеся ученые с талантливыми исследованиями. Другая группа молодых ученых выбрала отрицательные варианты ответов, склонившись к мнению, в соответствии с которым большая часть журналов из международных баз создана для коммерческих целей и к науке не имеет отношения, а публикации в них, соответственно, не повышают академическую репутацию ученого.

Таблица 1

Сопряжение переменных: «Выскажите ваше мнение о публикациях в журналах из международных баз Scopus и Web of Science» (не более двух вариантов ответа) / «Укажите, пожалуйста, ваш возраст», %

Выскажите ваше мнение о публикациях в журналах из международных баз Scopus и Web of Science	Укажите, пожалуйста, ваш возраст, лет				
	24–30	31–45	46–59	60 и старше	Всего
Публикация в таких журналах свидетельствует о том, что	36,5	24,1	20,9	13,7	22,8

ученый получил международное признание					
Публикации сотрудников университета в таких журналах – показатель того, что вуз получил международное признание	26,9	17,5	12,8	15,1	16,6
Большая часть журналов из международных баз Scopus и Web of Science создана для коммерческих целей и к науке не имеет отношения	34,6	44,6	49,3	45,2	45,1
Большинство публикаций в журналах Scopus и Web of Science платные и не повышают академическую репутацию ученого	28,8	42,2	45,3	52,1	43,3

На втором полюсе разместились ученые из наиболее возрастной группы с доминантно отрицательными выборами. Остальные возрастные когорты в большей степени склоняются к выбору позиции ученых в возрасте 60 лет и старше. То есть их мнение, сложившееся при оценке статуса Scopus и Web of Science, в большей степени является отрицательным, нежели медианным.

Опрос позволяет нам сделать два вывода. Первый состоит в том, что основная часть респондентов не считает публикации в Scopus и Web of Science имеющими научную ценность. Второй вывод связан с дополнительными уточнениями той группы респондентов, в которой Scopus и Web of Science рассматривают как индикатор международного признания. Установки на признание научной ценности публикаций в журналах из международных баз Scopus и Web of Science типичны для молодых и не имеющих ученой степени преподавателей. Значимость данного вывода считаем высокой. Среди ученых, реально занимающихся наукой или, во всяком случае, имеющих подтвержденный ученой степенью опыт научной деятельности, отношение к публикациям в журналах Scopus и Web of Science в основном негативное. Следовательно, подавляющее большинство ученых с высокой академической репутацией рассматривает поощрительные выплаты за публикации в международных базах как нерациональное расходование денежных средств. Этот вывод имеет подтверждение и в специальной литературе (Ковалев, 2024б; Протасов, 2017).

Рост публикационной активности поощряется не только в журналах из Scopus и Web of Science. Руководство вузов заинтересовано в увеличении числа публикаций любого научного жанра и во всех источниках: журналы из списка ВАК, РИНЦ, монографии, тезисы конференций и пр. При поверхностной оценке ситуации эта политика не вполне понятна, так как все перечисленное ни в одном из документов не фиксируется как индикатор развития образовательной организации и, следовательно, напрямую не поощряется финансово от государства. Тогда возникает вопрос: почему ректоры университетов готовы выделять на любую научную и даже псевдонаучную активность

достаточно крупные финансовые инвестиции? Ответ, как нам представляется, простой. Один из главных «ректорских» показателей из Приказа Минобрнауки РФ от 01.02.2022 № 92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» – доля ППС с заработной платой 200% и более от средней по региону (в процентах от штата). Однако как его выполнить? Большинство преподавателей гранты не выигрывают, в государственных заданиях и хозяйственных договорах не участвуют, ДПО не проводят. Именно для них единственный способ повысить свои доходы – получать премиальные выплаты за разные формы активностей. В ДГТУ эти выплаты могут проводиться два раза в год; в ЮФУ, ЮРГПУ и РГЭУ премии за показатели начисляются ежегодно. Наука дает в этом плане наибольшие возможности. Однако вновь возникает вопрос о качестве подобного рода публикаций, выполненных не ради высокой науки, а для того, чтобы «подзаработать».

Отношение ППС к стимулированию публикационной активности отражено в табл. 2. Наиболее популярным оказалось заданное значение по второй строке. Преподаватели отнеслись к идее стимулирования публикационной активности отрицательно, но вынуждены следовать тем правилам игры, которые устанавливаются действующей управленческой моделью (36,3%). Категорично отрицательное и однозначно положительное отношение выразились примерно в равных долях (около 25%). Негативная позиция обосновывается ухудшением качества научных публикаций, а положительная – возможностью улучшить свое материальное положение.

Таблица 2

Сопряжение переменных: «Как вы относитесь к резкому увеличению публикационной активности преподавателей в последние шесть-семь лет» (не более двух вариантов ответа) / «Укажите, пожалуйста, ваш возраст», %

Как вы относитесь к резкому увеличению публикационной активности преподавателей в последние шесть-семь лет	Укажите, пожалуйста, ваш возраст, лет				
	24–30	31–45	46–59	60 и старше	Всего
Отрицательно, это имитация научной деятельности, качество публикаций резко ухудшилось	27,5	21,8	21,2	32,4	24,0
Отрицательно, но вынужден следовать тем правилам игры, которые устанавливаются действующей управленческой моделью	23,5	39,4	39,0	32,4	36,3
Положительно, это результат действия новых форм стимулирования научной работы (внутривузовский рейтинг,	35,3	24,1	19,2	21,1	23,3

эффективный контракт и т.п.)						
Положительно, высокая публикационная активность поднимает престиж вуза на рынке образовательных услуг	13,7	14,7	20,5	14,1	16,4	

Несмотря на то, что правило о стимулировании публикационной активности было принято в интересах преподавателей, большинство ППС не показало явной заинтересованности в том, чтобы воспользоваться новыми перспективами. Объяснение видим следующее. С одной стороны, если мы говорим о «чистой» коммерции от науки, то она на самом деле для многих преподавателей монетарных перспектив не имеет. Если рукопись не обладает научной ценностью, то разместить ее в высокорейтинговом журнале, в котором не взимается плата за публикацию, невозможно. Она не пройдет рецензирование. Следовательно, остается только платный ресурс. Но его стоимость выше той компенсации, которую преподаватель получает от университета в качестве поощрительной выплаты. Поэтому из инструмента финансового поощрения в российских условиях менеджизм трансформируется в инструмент административного давления. Отсюда и негативные оценки респондентов. С другой стороны, сам факт тотального «приобщения» всех преподавателей к науке противоречит историческим традициям российского высшего образования. Особенно той его части, которая была ориентирована на профессиональное обучение (педагогические, политехнические, народнохозяйственные институты и т.п.). Нельзя насильно или за деньги стать ученым. Следствием подобного принуждения становится резкое снижение качества научных публикаций в последние годы.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, достигаются ли в применяемой менеджеристской модели цели, которые общество традиционно ставит перед высшим образованием (табл. 3).

Таблица 3

Сопряжение переменных: «Достигаются ли цели университета при управлении на основе количественных показателей?» (не более двух вариантов ответа) / «Укажите, пожалуйста, ваш возраст», %

Достигаются ли цели университета при управлении на основе количественных показателей	Укажите, пожалуйста, ваш возраст, лет				
	24–30	31–45	46–59	60 и старше	Всего
Нет, произошла деградация качества науки и образования из-за роста имитационных практик	40,4	47,6	55,8	47,1	49,5
Нет, финансовые вложения государства в науку и образование себя не оправдывают, так как ресурсы получает в основном администрация вузов	34,0	23,5	25,9	44,3	28,8

Да, качество науки (образования) если и снизилось, то несущественно	29,8	28,8	25,9	28,6	27,9
Да, благодаря переходу на управление по показателям значительно выросло количество и качество научных публикаций, повысились индексы цитирования, улучшилась успеваемость студентов	14,9	14,1	6,1	5,7	10,1

О той или иной степени снижения качества научной и образовательной деятельности говорят примерно 90% всех опрошенных. И именно с этим следует связывать целевые дисфункции в работе современных университетов. Легко можно провести аналогию с работой производственного предприятия. У него тоже есть свои показатели. Но брак в них включать не принято. Бракованная продукция традиционно не учитывается в валовом производстве, отсеиваясь контрольными органами (среди которых не последнюю роль играет конечный потребитель). Также должно быть и в университете. Еще не так давно некачественные диссертации, не имеющие научной ценности статьи, неуспевающие студенты отвергались как не обладающие социальной полезностью единицы. Студентов отчисляли, диссертации проваливали на защите, статьи не принимали к печати. Сейчас все это затруднено потерей академическим сообществом своей субъектности (Ковалев, 2024в).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что профессорско-преподавательский состав не проявляет должной готовности для исполнения трудовых функций под стимулирующим воздействием эффективного контракта. В лучшем случае выполнение действий, за которые предусмотрены выплаты, рассматривается как способ получения дополнительного дохода. Однако наука, ориентированная исключительно на монетарные ценности, теряет социальную полезность. В нее вливается поток псевдоученых, которые готовы «зарабатывать» любой ценой, даже нарушая правила профессиональной этики и стандарты, выработанные высокой наукой. Причин тому, вероятно, много. Но главная из них, по нашему мнению, – потеря сообществом профессионалов, работающих в университетах, субъектности. Преподаватель постепенно превращается в инструмент для достижения целей, которые содержательно не коррелируются с традиционными университетскими целями. Внешнее сходство, формальное тождество, безусловно, имеются. Но внешними проявлениями все и ограничивается. В новых управленческих условиях эффективность измеряется через ставшие обыденностью имитационные действия. Не имеет значения, известно об имитациях менеджменту университетов или не известно, – политика принятия решений в любом случае будет ориентирована на необходимость строгого и буквального исполнения предписанных показателей. Ибо их достижение – это не просто способ финансирования образовательных организаций, а одновременно выживание в борьбе с другими вузами за распределение благ от государства.

Литература

- Володарская, Е.А.* Системы количественных показателей эффективности исследовательских работ / Е.А. Володарская // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2020. – № 6. – С. 158–171. – <https://doi.org/10.24411/2414-9241-2020-10011>. – EDN: XSHCVM.
- Ковалев, В.В.* Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Oriental Studies*. – 2024а. – Т. 17, № 4. – С. 849–869. – <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. – EDN: TKARIN.
- Ковалев, В.В.* Ресурсообеспеченность преподавателей российских университетов в условиях реализации менеджеристской политики / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2024б. – № 4. – С. 196–217. – <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217>. – EDN: GOVYBK.
- Ковалев, В.В.* Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Наука. Культура. Общество. – 2024в. – Т. 30, № 2. – С. 37–51. – <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. – EDN TDOEUA.
- Колесникова, Е.Ю.* Три миссии классического университета в пространстве цифровых технологий: проблемы и противоречия реализации / Е.Ю. Колесникова // *Caucasian Science Bridge*. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 94–102. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.9>. – EDN: WLHKTF.
- Орлов, А.И.* Вред ориентации на базы данных Scopus или Web of Science / А.И. Орлов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – Вып. 16. – С. 835–840. – EDN: GKQJAI.
- Протасов, В.Н.* Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных форм управления / В.Н. Протасов // Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 55–61. – EDN: ZMJCJH.
- Тузиков, А.Р.* Высшее образование и «скрытое обаяние» менеджериума / А.Р. Тузиков // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2016. – № 2. – С. 132–141. – EDN: YRCEGV.
- Pollitt, C.* Managerialism and the public service: the Anglo-American experience. – Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990. – 214 p.

References

- Kolesnikova E.Yu.* Three missions of the classical university in the space of digital technologies: problems and contradictions of implementation. *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(4):94-102. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.9>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V.* Professional culture of teachers in the context of managerial management (on the example of universities in the south of Russia). *Oriental Studies*. 2024;17(4):849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V.* Resource provision of teachers of Russian universities in the context of the implementation of managerial policy. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024;4:196-217. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-4-32-196-217>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V.* Subjectivity of the academic community in the context of managerial management. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2024;30(2):37-51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. (In Russ.)
- Orlov A.I.* The Harm of Focusing on Scopus or Web of Science Databases. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: Development Trends and Prospects*. 2021;16:835-840. (In Russ.)
- Pollitt C.* Managerialism and the Public Service: the Anglo-American experience. Cambridge, MA: Basil Blackwell; 1990. 214 p.
- Protasov V.N.* Irrational methods of power as an instrument of self-preservation and expansion of bureaucratically organized forms of governance. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2017;10:55-61. (In Russ.)
- Tuzikov A.R.* Higher education and the “hidden charm” of managerialism. *Problemy deyatel'nosti uchenogo*

i nauchnykh kollektivov = Problems of the Activities of Scientists and Research Teams. 2016;2:132-141. (In Russ.)

Voldarskaya E.A. Systems of quantitative indicators of the effectiveness of research work. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov = Problems of the Activities of Scientists and Research Teams*. 2020;6:158-171. <https://doi.org/10.24411/2414-9241-2020-10011>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 6.07.2025

Дата окончания рецензирования: 10.08.2025

Дата принятия к публикации: 13.08.2025

Информация об авторе

Ракитина Инна Сергеевна – аспирант, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: rakitina.inna@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Rakitina Inna Sergeevna – Postgraduate student, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: rakitina.inna@list.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354.2; 316.473; 65.015.3

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.3>

EDN DGFWQY

Отношение к организации и ее менеджменту: гендерная дифференциация оценок работников (на примере г. Таганрога)**Андрей В. Рачипа¹**¹Донской государственной технической университет,
Политехнический институт (филиал) ДГТУ в г. Таганроге

г. Таганрог, Россия

e-mail: rachipa@sfedu.ru

Ирина А. Янкина²²Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

e-mail: i.yankina@tmei.ru

Аннотация

Введение. Негативные демографические тенденции приводят к изменениям на российском рынке труда. В связи с этим актуализируются исследования, обращающие внимание на гендерное восприятие респондентами организации как среды, в которой происходит трудовая деятельность. Новизна исследования заключается в проведении сравнительного анализа мужского и женского отношения к элементам организационной среды, руководству и управлению организацией. Подобная оценка позволяет зафиксировать точки совпадения и расхождения в оценках элементов организационной среды в зависимости от гендера, выделить области максимального расхождения в оценках.

Методы. Исследование проводилось в форме анкетного опроса (2023–2024 гг.) и вторичного анализа результатов исследований 1996, 2007, 2024 гг., проводившихся в г. Таганроге. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью индексного метода (расчет проводился по 19 элементам внутриорганизационной среды), коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Исследование показало отсутствие существенных различий в мужских и женских оценках по большинству элементов организационной среды. Самые существенные отличия зафиксированы по следующим позициям: «соблюдение менеджерами субординации»; «соотношение наказаний и поощрений в организации»; «тип мышления руководителя в своей организации»; «применяемая в организации модель успеха». Данные показали, что мужчины воспринимают внутриорганизационную среду и руководство более позитивно, чем женщины. Логика развития событий позволяет прогнозировать, что российский рынок труда со временем все больше и больше будет становиться женским. Вследствие этого как отдельные организации, так и в целом государственные органы управления будут вынуждены решать проблемы женского рынка труда, поэтому должны учитывать особенности женского взгляда на организационную среду и менеджмент.

Ключевые слова: гендерная дифференциация; внутриорганизационная среда; социологическое исследование; оценки работников; менеджмент; государственное управление.

Для цитирования: Рачипа А.В., Янкина И.А. (2025). Отношение к организации и ее менеджменту: гендерная дифференциация оценок работников (на примере г. Таганрога). *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 33-44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.3>.

Attitude to the organization and its management: gender differentiation of employee assessments (using the example of Taganrog)

Andrey V. Rachipa¹

¹ Don State Technical University,
Polytechnic Institute (branch) of DSTU in Taganrog
Taganrog, Russia
e-mail: rachipa@sfedu.ru

Irina A. Yankina²

²Taganrog Institute of Management and Economics,
Taganrog, Russia
e-mail: i.yankina@tmei.ru

Abstract

Introduction. Negative demographic trends lead to changes in the Russian labor market. In this regard, studies that pay attention to the respondents' gender perception of the organization as an environment in which labor activity takes place are updated. The novelty of the study lies in the comparative analysis of male and female attitudes toward elements of the organizational environment, management and governance of the organization. Such an assessment allows us to record points of coincidence and divergence in assessments of elements of the organizational environment depending on gender, and to highlight areas of maximum divergence in assessments.

Methods. The study was conducted in the form of a questionnaire survey (2023–2024) and a secondary analysis of the results of studies in 1996, 2007, 2024, conducted in Taganrog. The obtained data were processed using the index method (the calculation was carried out for 19 elements of the intra-organizational environment), the Spearman rank correlation coefficient.

Results and its discussion. The study showed the absence of significant differences in "male" and "female" assessments for most elements of the organizational environment. The most significant differences were recorded for the following positions: "compliance with subordination by managers"; "the ratio of punishments and rewards in the organization"; "the type of thinking of the manager in his organization"; "the model of success used in the organization". The data showed that men perceive the intra-organizational environment and management more positively than women. The logic of the development of events allows us to predict that the Russian labor market will become more and more "female" over time. As a result, both individual organizations and government bodies as a whole will be forced to solve the problems of the "women's" labor market, and therefore must take into account the peculiarities of the "women's" view of the organizational environment and management.

Keywords: gender differentiation; intra-organizational environment; sociological research; employee assessments; management; public administration.

For citation: Rachipa A. V., Yankina I. A. (2025). Attitude to the organization and its management: gender differentiation of employee assessments (using the example of Taganrog). *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 33-44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.3>.

Введение

Сокращение населения страны и технологическое отставание от мировых тенденций диктуют необходимость поиска внутренних источников повышения производительности труда российских организаций. Одним из таких источников является корректный учет гендерной специфики трудовых ресурсов организации. Соответствие внутриорганизационной среды и системы менеджмента организации интересам работников обуславливает повышение их трудового потенциала и гарантирует вовлеченность и лояльность персонала. В связи с этим в данном

исследовании обращается внимание на гендерное восприятие респондентами организации как среды, в которой происходит трудовая деятельность.

Современные исследователи, обращаясь к проблеме гендера в организационной среде, чаще всего делают акцент на гендерной асимметрии и дискриминации (Брострем, 2021; Вилкова, 2020; Денисова, 2024; Рудченко, 2020; Social cognitive factors..., 2023). В данном исследовании не ставится задача выявить, является ли гендер дискриминирующим признаком. На наш взгляд, не менее важными представляются исследования, раскрывающие гендерную специфику восприятия элементов организационной среды. Учет гендерной специфики позволит внести вклад в совершенствование процесса принятия управленческих решений и системы мотивации персонала. Цель работы состоит в сравнительном исследовании гендерной дифференциации восприятия организации и ее менеджмента.

Традиционный подход к анализу гендерных различий связан с оценкой гендерной асимметрии и дискриминации на рынке труда. Новизна нашего исследования заключается в смещении акцента анализа в сторону диагностики отличий мужского и женского восприятия происходящих в организации процессов и ее менеджмента, в проведении сравнительного анализа (в том числе методом ранговой корреляции) мужского и женского отношения к элементам организационной среды, руководству и управлению организацией. Подобная оценка позволяет зафиксировать точки схождения и расхождения в оценках элементов организационной среды в зависимости от гендера, выделить области максимального гендерного расхождения в оценках. Практическая значимость полученных результатов обусловлена возможностью повышения эффективности управленческих решений, принимаемых с учетом выявленных гендерных различий.

Методология

Фактически сравнительный анализ осуществляется на основе диагностики мужского и женского взгляда на свою организацию, на ее менеджмент и определения их расхождений или схожести. В ходе выполнения профессиональных обязанностей человек оценивает сложившуюся вокруг него ситуацию в организации, поведение представителей руководства. При этом он не только объект управленческого воздействия, но и субъект трудовых отношений, результаты которых формируют оценку внутриорганизационной ситуации. В целом нужно отметить, что «обозначается роль человека не только как наблюдателя и аудитора жизненного пространства, но и как его активного конструктора и преобразователя» (Рачипа, 2011, 77). В центре данной работы лежит отношение работающего населения к своей организации и работе, анализ которого и оценка факторов, детерминирующих удовлетворенность трудовой деятельностью, хорошо изучены отечественными учеными (Здравомыслов, 2003). Также не утихает интерес исследователей по поводу неравенства в оплате труда, условий занятости и безработицы (Брострем, 2021; Вилкова, 2020; Гапонова, 2023; Клюева, 2023; Козырев, 2015; Козьмина, 2022; Полтавская, 2018; Руденко, 2020; Хузиева, 2017). В исследованиях Е.А. Черных поднимается вопрос о качестве рабочих мест мужчин и женщин, которое «различается в пользу первых» (Черных, 2023, 88). Изучению проблемы формирования баланса труда и семьи, влияющего на удовлетворенность трудовой деятельностью, посвящена работа Г.В. Белеховой и А.Л. Ивановской (Белехова, 2022).

В данном исследовании оценка гендерной дифференциации восприятия элементов организационной среды проводится в рамках субъективистского подхода посредством определения субъективного отношения работающих к организации и работе (интерпретируемой как оплачиваемая занятость). Исследование проводилось в форме анкетного опроса (2023–2024 гг.) и вторичного анализа результатов исследований 1996, 2007, 2024 гг., проводившихся в г. Таганроге. В ходе анализа

используются данные исследований, проведенных в Таганроге с 1996 по 2024 г., в том числе: в 1996 г. опрошено 1143 человек, руководитель – д.с.н., профессор В.В. Чичилимов (Энергия социального бытия..., 1999), в 2004 г. опрошено 2800 человек, руководитель – д.с.н., профессор В.В. Чичилимов (Чичилимов, 2011), в 2007 г. опрошено 2700 человек, руководитель – д.с.н., профессор А.В. Рачипа; в 2024 г. опрошено 500 человек, в том числе 225 мужчин и 275 женщин, руководитель – д.с.н., доцент И.А. Янкина. В анкете опроса, проводившегося в 2023–2024 гг., использовалась модифицированная методика исследования организационных патологий, созданная на основе работы Е.Ю. Плешаковой (2016). Тип выборки: квотная по полу и возрасту. В ходе опроса респондентам было предложено оценить ряд параметров по пятибалльной шкале (шкала типа Лайкерта). Обработка полученных данных осуществлялась с помощью индексного метода (индекс равнения групп, ИРГ), вычисляемого по методике расчета, которая приводится в А.Г. Здравомысловым (Здравомыслов, 2003, 64), расчета t-критерия Стьюдента, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Результаты опроса в 2024 г. показали, что подавляющая часть опрошенных удовлетворена своей работой. Динамика данных демонстрирует, что с 1996 по 2024 г. наблюдается положительная тенденция: в 1996 г. были удовлетворены 54,5%, в 2000 г. – 69%, в 2004 г. – 62%, в 2007 г. – 66% (Янкина, 2009, 148–149), а в 2024 г. – 73%. Аналогичную положительную динамику (с 1987 по 2021 г.) показывает исследование Д.А. Гугуевой. Как пишет исследователь, «за 37 лет между опросами удовлетворенность содержанием своей работы существенно выросла, более чем на 20 %» (Гугуева, 2024, 128). Для определения гендерной дифференциации восприятия элементов организационной среды был рассчитан ИРГ для мужчин и женщин по 19 элементам внутриорганизационной среды (табл. 1). В целом отметим, что восприятие организационной среды и руководства у мужчин и женщин несколько отличается. В частности, самые позитивные оценки мужчины делают в ответах на вопросы об удовлетворенности своей работой, адекватности реакции руководителя на реальные изменения внешней среды, отношении руководства к возможности проявления самостоятельности сотрудниками.

Таблица 1

Гендерная специфика индекса равнения групп по элементам внутриорганизационной среды

Оцениваемые элементы внутриорганизационной среды	Мужчины	Женщины
Удовлетворенность своей работой	0,47	0,415
Адекватность реакции руководителя на реальные изменения	0,46	0,42
Отношение руководства к возможности проявления самостоятельности сотрудниками	0,425	0,42
Соблюдение менеджерами субординации (установленных правил взаимоотношений между подчиненными и начальником)	0,36	0,61
Возможность руководителя управлять конфликтами в организации	0,34	0,335
Ориентация менеджмента организации на качественный рост	0,3	0,195
Соотношение наказаний и поощрений в организации	0,27	0,065

Склонность руководства организации делегировать свои полномочия подчиненным	0,26	0,36
Конкурентоспособность организации	0,22	0,16
Стимул к переменам в организации	0,2	0,085
Восприятие работниками процессов цифровизации в организации	0,195	0,15
Тип мышления руководителя в своей организации	0,16	-0,04
Инициатива организации работниками	0,15	0,03
Характеристика своей организации работниками	0	0,085
Отношение в организации к переменам	-0,015	0
Модель успеха организации	-0,02	-0,26
Ориентация организации во времени	-0,04	-0,095
Характеристика способов решения проблем руководителем организации	-0,08	-0,1
Готовность организации к риску	-0,27	-0,365
Итого (суммарная оценка)	3,385	2,247

У женщин самые позитивные оценки связаны с вопросами соблюдения менеджерами субординации, отношения руководства к возможности проявления самостоятельности сотрудниками, адекватности реакции руководителя на реальные изменения, удовлетворенности своей работой.

Суммирование индексов по всем проанализированным элементам внутриорганизационной среды показывает, что мужчины ее воспринимают более позитивно. Например, женщины дают более сдержанные оценки в отношении типа мышления руководителя, модели успеха организации, негативно отзываются о готовности организации к риску. Самые существенные отличия в оценках мужчин и женщин зафиксированы по следующим позициям: соблюдение менеджерами субординации; соотношение наказаний и поощрений в организации; тип мышления руководителя в своей организации; применяемая в организации модель успеха. По остальным вопросам мнения опрошенных женщин и мужчин мало расходятся, что подтверждают результаты ранговой корреляции. Расчет коэффициента Спирмена показал, что $p = 0,9$. Таким образом, связь между оценками мужчин и женщин по поводу элементов внутриорганизационной среды сильная и прямая.

По таблице Стьюдента определено:

$$t(\alpha/2, k) = (0,05/2; 17) = 2,458; T_{кр} = 0,26.$$

Поскольку $T_{кр} < p$, то можно констатировать значимую ранговую корреляционную связь. Фактически это говорит о схожести восприятия мужчинами и женщинами своей организации и своей работы. Этот же факт отметила Е.А. Черных, которая в ходе исследования определила, что нет существенных «статистически значимых различий между характеристиками, вносящими свой вклад в общую удовлетворенность работой для мужчин и женщин» (Черных, 2023, 100). Однако, как указывалось ранее, несмотря на общее сходство оценок, есть ряд характеристик, в которых наиболее существенно проявляется гендерная специфика. Одной из таких характеристик является тип мышления руководителя (рис. 1).

Рис. 1. Гендерная дифференциация характеристики типа мышления своего руководителя

Законы рыночной экономики обуславливают ситуацию, при которой тип мышления руководителя определяет не только настоящее, но и будущее состояние организации. Его стратегичность и инновационность обеспечивают организации высокие конкурентные позиции, а традиционность и ригидность обрекают организацию на позицию аутсайдера и стагнацию. Интересно, что мужская часть респондентов описывает чаще всего тип мышления руководителя своей организации как «ориентированный на долгосрочный курс, на гибкость». Если среди мужчин на это указал каждый второй, то среди женщин так же считает только каждая четвертая. Чаще всего женщины полагают, что руководитель «ориентируется на изучение возможных путей» (30%). Данные показывают, что с 2004 по 2024 г. произошло снижение доли тех респондентов, кто считает, что тип мышления руководителя ориентирован на «создание всего нового (технологий, изделий, рынков)»: в 2004 г. – 13% (Янкина, 2009), а в 2024 г. – 7%. Нужно отметить, что результаты исследования А.В. Булгакова с соавт. приводят к выводу, что (по мнению респондентов) руководители отечественных компаний грешат «отсутствием продуманной стратегии эффективности» (Булгаков, 2022, 148). Это косвенно согласуется с полученными данными в нашем исследовании по г. Таганрогу.

Еще один элемент организационной среды, по которому зафиксирована гендерная дифференциация, – это оценка модели успеха, которая применяется в организации (рис. 2). Модель успеха организации тесно связана с видением ее будущего и принимаемым в связи с этим управленческим решением. Данные показывают, что, по мнению респондентов, за 20 лет менеджеры организаций переключились со стратегии оптимизации внутренних процессов (эффективной в случае стагнирующего рынка) на использование стратегического анализа, обеспечивающего выявление и реализацию перспективных возможностей за счет имеющихся ресурсов. В результате ИРГ увеличился с $-0,305$ в 2004 г. до $-0,155$ в 2024 г. Однако, с точки зрения мужчин, организации, в которых они работают, достаточно активно используют инструменты стратегического анализа (на «вложения в выгодные возможности» указал каждый четвертый, а на «баланс внутренних и внешних возможностей» – 46%).

Рис. 2. Гендерная дифференциация оценки модели успеха организации

Женщины реже оценивают свои организации как адаптирующиеся под изменения внешней среды (на «вложения в выгодные возможности» указали 16%, на «баланс внутренних и внешних возможностей» – 29%). Подобная ситуация может быть объяснена тем, что женщины часто работают в таких организациях, где победа в конкурентной борьбе не является основной целью. По этому поводу Е.А. Черных пишет: «В России женщины с большей вероятностью работают в бюджетном секторе, чем мужчины» (Черных, 2023, 91). В бюджетных организациях женщинам проще приобрести «социальное уважение и удовлетворение от процесса и результата работы (Гапонова, 2023, 83–84). В итоге сама специфика работы НКО исключает необходимость занимать более выгодные конкурентные позиции. Даже если женщины работают в коммерческой сфере, то, согласно исследованиям А.А. Вилковой, они «бескорыстно предлагают консультации, обучение, часто жертвуя временем и занижая оплату труда» (Вилкова, 2020, 514). С другой стороны, для мужчин, как показывают результаты исследования С.А. Гапоновой, наиболее важную роль играют интересная работа, уровень собственных достижений, стремление к продвижению по службе (Гапонова, 2023, 83–84), что легче всего реализовать в инновационных, быстро развивающихся организациях, действующих на конкурентном рынке. По-видимому, гендерная дифференциация оценки модели успеха организации обусловлена отраслевой принадлежностью организаций, гендерной особенностью выбираемой профессии и модели поведения на работе.

Данные табл. 2 показывают, что 55% женщин и 38% мужчин считают, что их менеджеры «осуществляют руководство в соответствии с правилами субординации».

Таблица 2

Гендерная дифференциация оценки процесса соблюдения менеджерами субординации (данные 2024 г.), %

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины
Менеджер полностью игнорирует правила субординации	1	1	1
Менеджер в двух из трех случаев игнорирует правила субординации	15	25	8
Менеджер игнорирует правила	13	13	13

субординации в половине случаев			
Менеджер иногда игнорирует правила субординации	23	23	22
Менеджер осуществляет руководство в соответствии с правилами субординации	47	38	55
ИРГ	0,5	0,36	0,61

Источники подобной гендерной дифференциации показывают результаты исследования В.П. Ключевй и Э.Ф. Хузиевой, посвященного отношению руководителя-мужчины к женщинам-подчиненным. Авторы полагают, что причиной соблюдения правил субординации в коллективе является гендерный фактор и заключается он в том, что «при женщинах мужчины не позволяли себе “опускаться”» (т.е. держались в рамках делового этикета и установленных правил) (Ключева, 2023, 140). Кроме этого, доминирующим критерием выбора работы у мужчин является «престиж профессии, тогда как у женщин – хороший коллектив» (Хузиева, 2017, 179). Фактически женщина изначально выбирает то место работы, где гарантируются хорошие (устраивающие ее) отношения, в том числе с руководителем. Поэтому только 22% респонденток попадают в ситуацию полного или частого игнорирования правил субординации. У мужчин, для которых хороший коллектив и комфортные отношения с коллегами не являются доминирующими критериями при выборе работы, с подобной ситуацией сталкивается 39%. Указанные выше гендерные особенности приоритизации в профессиональной деятельности порождают отличия в оценке соотношения наказаний и поощрений в организации (табл. 3).

Таблица 3

Гендерная дифференциация характеристики соотношения наказаний и поощрений в организации (по данным 2024 г.), %

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины
Репрессивное управление: поощрения отсутствуют, эмоциональное подавление	6	0	10
Наказаний существенно больше, чем поощрений	16	20	12
Наказаний и поощрений приблизительно равное количество	31	21	40
Поощрений больше, чем наказаний	36	42	31
Управление основано только на поощрениях	11	16	7
ИРГ	0,15	0,27	0,065

Для мужчин организационная среда, в которой они работают, чаще связана с поощрениями, чем с наказаниями. Для женщин такой перевес незначителен, очень близок к паритету позитивных и негативных санкций. Это совпадает с данными, которые получили С.А. Гапонова, Н.А. Воронина и А.Ш. Широкова. Они указывают, что «женщины, по сравнению с мужчинами, значительно чаще стремились избежать возможных наказаний или неприятностей» (Гапонова, 2023, 82). Помимо этого, согласно А.А. Подольской, женщинами более болезненно воспринимается каждое конкретное несправедливое отношение. В то же время мужчины ориентированы в своей профессиональной деятельности на уровень собственных достижений, стремление к продвижению по службе, что их приводит к более частым поощрениям, чем это происходит у женщин (Подольская, 2019).

Заключение

Исследование отличий мужского и женского восприятия организационной среды и происходящих в ней управленческих процессов выявило отсутствие существенных

различий по большинству исследованных элементов организационной среды, позволило определить составляющие организационной среды, имеющие максимальное гендерное расхождение в оценках. Самые существенные отличия в оценках мужчин и женщин зафиксированы по следующим позициям: соблюдение менеджерами субординации; соотношение наказаний и поощрений в организации; тип мышления руководителя в своей организации; применяемая в организации модель успеха. При общем сходстве мужчины воспринимают внутриорганизационную среду и руководство более позитивно, чем женщины. Например, женщины дают более сдержанные оценки в отношении типа мышления руководителя, модели успеха организации, негативно отзываются о готовности организации к риску. Видимо, гендерная дифференциация оценки элементов среды организации обусловлена гендерной спецификой выбора человеком профессии, модели поведения на работе и самой организации. Личные цели и профессиональные амбиции определяют восприятие происходящих внутриорганизационных и управленческих процессов.

Подводя итоги, необходимо отметить: несмотря на то, что отношение мужчин к организации лучше согласуется с правилами игры рыночной экономики, российский рынок труда все больше и больше становится женским. Это обусловлено повышением пенсионного возраста, высокой смертностью мужчин зрелого возраста и развитием технологий, облегчающих домашний труд и уход за детьми. Современные тренды эффективности деятельности базируются на разнообразии социодемографической структуры персонала и максимальном использовании сильных сторон каждого сотрудника (Mukherjee, 2015). Однако, исходя из особенности поведения компаний в рамках рыночных отношений, подобные изменения предполагают более активное вмешательство в систему трудовых отношений государственных органов. В целом государственные органы власти в обозримом будущем будут вынуждены решать проблемы женского рынка труда, поэтому должны учитывать особенности женского взгляда на организационную среду и менеджмент. Исследуя негативные тенденции в системе организационного поведения, А.А. Козырев и Д.А. Горячева отмечают, что гендерное неравенство влияет на эффективность административного управления (Козырев, 2015) и, следовательно, снижает жизнестойкость и конкурентоспособность российских организаций. Таким образом, процесс создания наиболее благоприятных рабочих мест и условий для женщин способствует повышению производительности труда и в силу этого уже сейчас попадает в поле коммерческих интересов руководителей российских организаций.

Литература

- Белехова, Г.В. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) / Г.В. Белехова, А.Л. Ивановская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 209–222. – <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.11>.
- Брострем, В.О. Гендерное неравенство в социально трудовой сфере как общемировая проблема / В.О. Брострем // Труд и социальные отношения. – 2021. – Т. 32, № 2. – С. 80–89. – <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-2-80-89>.
- Булгаков, А.В. Мудрая человечность в организациях различного типа: методология и методика исследования / А.В. Булгаков, Н.Ю. Андреева, М.Н. Бережная // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Психологические науки. – 2022. – № 2. – С. 135–155. – <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-2-135-155>.
- Вилкова, О.В. Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков / О.В. Вилкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – С. 490–516. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>. – EDN NGYHXZ.
- Гапонова, С.А. Гендерные особенности профессиональной мотивации и удовлетворенности трудом у сотрудников налоговой службы / С.А. Гапонова, Н.А. Воронина, А.Ш. Широкова //

- Психолого-педагогический поиск. – 2023. – № 1. – С.79–85. – <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.65.1.010>.
- Гугуева, Д.А. Восприятие труда в 80-х годах в СССР и современной России. Сравнительное исследование / Д.А. Гугуева // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 124–131. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.10>. – EDN JZKHLT.
- Денисова, Е.Г. Удовлетворенность трудом и мотивация профессиональной деятельности женщин – работников сферы образования / Е.Г. Денисова, Н.В. Сылка // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 83–93. – <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-6>.
- Здравомыслов, А.Г. Человек и его работа в СССР и после: учеб. пособие / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 485 с.
- Клюева, В.П. Не женское это дело или работа на равных? Нарративы геологов о работе в поле / В.П. Клюева // Уральский исторический вестник. –2023. – № 1. – С. 133–141. – [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-133-141](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-133-141). – EDN CBZYVR.
- Козырев, А.А. Ценностные ориентации государственных служащих: гендерный аспект / А.А. Козырев, Д.А. Горячева // Управленческое консультирование. – 2015. – № 9. – С. 8–19. – EDN VDACSXZ.
- Козьмина, Л.Б. Особенности психологического благополучия и удовлетворенности трудом женщин разных возрастных групп / Л.Б. Козьмина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 2. – С. 116–121. – <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.15>.
- Плешакова, Е.Ю. Патологии менеджмента современных организаций / Е.Ю. Плешакова // Эффективное антикризисное управление. – 2016. – № 6. – С. 72–75. – EDN XSOCTD.
- Подольская, А.А. Восприятие баланса жизни и работы женщинами, работающими в STEM-отраслях (на примере ракетно-космической отрасли) / А.А. Подольская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 3. – С. 192–210. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.12>. – EDN UNDXQO.
- Полтавская, М.Б. Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) / М.Б. Полтавская // Logos et Praxis. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 48–64. – <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5>. – EDN: VNFHXK.
- Рачипа, А.В. Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретические и методологические аспекты / А.В. Рачипа, И.А. Янкина // Казанская наука. – 2011. – № 6. – С. 76–78. – EDN NYJGSJ.
- Рудченко, А.В. Анализ ситуации гендерной асимметрии на рынке труда: теоретический аспект / А.В. Рудченко // Вестник Международного института рынка. – 2020. – № 2. – С. 44–53. – EDN LABMBS.
- Хузиева, Э.Ф. Гендерный аспект трудового поведения в современных экономических условиях (на материалах социологического исследования) / Э.Ф. Хузиева // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 177–179. – <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5522>. – EDN YKGQXP.
- Черных, Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность работой российских женщин и мужчин: сравнительный анализ / Е.А. Черных // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3. – С. 87–103. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103>. – EDN GATTPJ.
- Чичилимов, В.В. Живой капитал России / В.В. Чичилимов. – М.: Логос, 2011. – 430 с. – EDN QOMLHT.
- Энергия социального бытия населения среднего города России на пороге XXI века: социологическая инфомодельная энциклопедия / В.В. Чичилимов, С.Н. Чичилимова, С.В. Коробок [и др.]. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 1999. – 1200 с.
- Янкина, И.А. Диагностика социальных проблем на рынке труда провинциального города (на примере Таганрога) / И.А. Янкина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 1. – С. 148–152. – EDN KPYXLB.
- Mukherjee, B. Socio-demographic characteristics of managers and employees attitude towards managing the workplace diversity / B. Mukherjee, D. Gambhir, A. Yaswi // Journal of Social Science Studies. – 2015. – Vol 2, № 2. – P. 329–343.
- Social cognitive factors affecting working mothers' career advancement in the service industry in Klang valley, Malaysia / R.B. Munap, A.A. Bawazir, A. Manoharan [et al.] // International Journal of Human Resource Studies. – 2023. – Vol. 13, № 2. – P. 51–68.

References

- Belekhova G.V., Ivanovskaya A.L. Satisfaction with the work-life balance: Working women's view (regional aspect). *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(1):209-222. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.11>. (In Russ.)
- Brostrom V.O. Gender inequality in the social and labor sphere as a global problem. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya = Labor and social relations*. 2021;32(2):80-89. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2021-32-2-80-89>. (In Russ.)
- Bulgakov A.V., Andreeva N.Yu., Berezhnaya M.N. Wise humanity in organizations of different types: methodology and research techniques. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psikhologicheskiye nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*. 2022;2:135-155. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-2-135-155>. (In Russ.)
- Chernykh E.A. Quality of working life and job satisfaction of Russian women and men: a comparative analysis. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya = Social and Labor Research*. 2023;3:87-103. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103>. (In Russ.)
- Chichilimov V.V. Living capital of Russia. Moscow: Logos; 2011. 430 p. (In Russ.)
- Chichilimov V.V., Chichilimova S.N., Korobok S.V. et al. The energy of social existence of the population of an average Russian city on the threshold of the 21st century: Sociological infomodel encyclopedia. Taganrog: Publishing house of Taganrog State Radio Technical University, 1999. 1200 p. (In Russ.)
- Denisova E.G., Sylka, N.V. Job satisfaction and professional motivation of women in education. *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2024;10(1):83-93, <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-6>. (In Russ.)
- Gaponova S.A., Voronina N.A., Shirokova A.Sh. Effects of gender on job motivation and labour satisfaction in tax specialists. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk = Psychological and Pedagogical Search*. 2023;1:79-85. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.65.1.010>. (In Russ.)
- Gugueva, D.A. Perception of labor in the 80s in the USSR and modern Russia: Comparative study. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2024;3(3):124-131. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.3.10>. (In Russ.)
- Khuzieva E.F. Gender aspect of labor behavior in modern economic conditions (based on sociological research). *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2017;1:177-179. <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5522>. (In Russ.)
- Kliueva V.P. Not for women or work on an equal footing? Geologists' narratives about field works. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik = Ural Historical Journal*. 2023;1:133-141. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-133-141](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-133-141). (In Russ.)
- Kozmina L.B. Features of psychological well-being and job satisfaction of women of different age groups. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;2:116-121. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.15>. (In Russ.)
- Kozyrev A.A., Goryacheva D.A. Value orientations of civil servants: gender aspect. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye = Management Consulting*. 2015;9:8-19. (In Russ.)
- Mukherjee B., Gambhir D., Yaswi A. Socio-demographic characteristics of managers and employees attitude towards managing the workplace diversity. *Journal of Social Science Studies*. 2015; 2(2):329-343.
- Munap R.B., Bawazir A.A., Manoharan A. et al. Social cognitive factors affecting working mothers' career advancement in the service industry in Klang valley, Malaysia. *International Journal of Human Resource Studies*. 2023;13(2):51-68.
- Pleshakova E.Yu. Pathologies of management of modern organizations. *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye = Effective Anti-Crisis Management*. 2016;6:72-75. (In Russ.)
- Podolskaya A.A. Perceptions of work-life balance by women working in STEM industries (a rocket-and-space industry case study). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;3:192-210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.12>. (In Russ.)
- Poltavskaya M.B. Social activity of citizens of the "third age": gender aspect (on the example of Volgograd). *Logos et Praxis*. 2018;17(2):48-64. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5>. (In Russ.)
- Rachipa A.V., Yankina I.A. Sociological approach to the analysis of the quality of life of young people: theoretical and methodological aspects. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2011;6:76-78. (In Russ.)
- Rudchenko A.V. Analysis of the situation of gender asymmetry in the labor market: theoretical aspect.

Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka = Bulletin of the International Institute of the Market. 2020;2:44-53. (In Russ.)

Vilkova O.V. Gender as a discriminatory indicator of professional success among Russian IT freelancers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2020;5: 490-516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>. (In Russ.)

Yankina I.A. Diagnostics of social problems in the labor market of a provincial city (on the example of Taganrog). *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences.* 2009;1:148-152. (In Russ.)

Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. Man and his work in the USSR and after: Textbook for universities. Moscow: Aspect Press; 2003; 485 p. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 22.06.2025

Дата окончания рецензирования: 30.07.2025

Дата принятия к публикации: 04.08.2025

Информация об авторах

Рачипа Андрей Валерьевич – доктор социологических наук, профессор, Донской государственный технический университет, Политехнический институт (филиал) ДГТУ в г. Таганроге, г. Таганрог, Россия, e-mail: rachipa@sfedu.ru

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления, Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия, e-mail: i.yankina@tmei.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Rachipa Andrey Valeryevich – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Don State Technical University, Polytechnic Institute (branch) of DSTU in Taganrog, Taganrog, Russia, e-mail: rachipa@sfedu.ru

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia, e-mail: i.yankina@tmei.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>

EDN YJSNRO

Институциональные ресурсы молодежного экстремизма как фактор воспроизводства и роста экстремистских практик**Антон В. Сериков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: aserikov@inbox.ru

Татьяна Д. Скуднова²²Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),

г. Таганрог, Россия

e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Аннотация

Введение. Для российского общества молодежный экстремизм можно квалифицировать как внутреннюю угрозу, и связано это с тем, что в условиях социальной неопределенности и социальной диспропорциональности территориальных и межэтнических различий недостаточная эффективность молодежной политики, неустроенность и маргинализация определенной части молодежи могут создавать благоприятный фон для развития молодежного экстремизма.

Теоретическое обоснование. Многообразие работ, посвященных молодежному экстремизму, особенностям его развития, организации, перспективам и целям в современном обществе, свидетельствует о том, что молодежный экстремизм является актуальной темой социальной и социально-гуманитарной мысли. В связи с этим стремление исследователей сфокусировать внимание на проблемах молодежного экстремизма как системных и глубоких по степени влияния на современные общественно-политические процессы заслуживает внимания.

Методы. Исследование является теоретическим размышлением на тему институциональных ресурсов молодежного экстремизма и опирается на процедуры структурного, функционального и неинституционального подходов в качестве расширения исследовательского спектра субъектно-деятельностного подхода, в котором молодежный экстремизм интерпретируется в рамках выявления его деятельностно-организационного контура, характеризуемого определенными социальными практиками в контексте социального позиционирования групп социального риска в молодежной среде.

Результаты и их обсуждение. Молодежный экстремизм в современной России является системным, многоуровневым явлением, порождающим социальные и политические вызовы обществу, способные перейти в стадию внутренних вызовов национальной безопасности России. Несмотря на относительную малочисленность в молодежной среде, сторонники молодежного экстремизма составляют активное меньшинство, хотя и характеризуются внутренними расколами и низким уровнем сплоченности, конкуренцией и давлением со стороны политики государства, направленной на предупреждение, выявление и репрессии по отношению к экстремизму. Предполагается, что молодежный экстремизм в современной России эволюционирует от классических форм (панки, скинхеды), заимствованных на Западе, к возвращенным на российской почве и связанным с этнокультурной, этноконфессиональной и региональной спецификой

российского общества. Так как в российском обществе не преодолен эффект социальных и социально-территориальных диспропорций, находятся в замороженном состоянии межнациональные конфликты и возрастает роль этноконфессионального фактора, молодежный экстремизм повышает уровень социальной и политической рискогенности, поскольку характеризуется высокой степенью эксклюзии в молодежную среду через молодежные субкультуры.

Основные положения:

- молодежный экстремизм формируется на основе спонтанности, самоорганизации молодежи и включения неформальных регуляторов;
- интернет-технологии являются мобилизационной основой для экстремистских организаций;
- для профилактики экстремизма молодежная политика должна регулярно работать со всеми группами молодых людей.

Ключевые слова: молодежь; социальные институты; экстремизм; радикализм; молодежная политика; субкультура; профилактика.

Для цитирования: Сериков А.В., Скуднова Т.Д. (2025). Институциональные ресурсы молодежного экстремизма как фактор воспроизводства и роста экстремистских практик. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 46-58. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>.

Institutional resources of youth extremism as a factor of reproduction and growth of extremist practices

Anton V. Serikov¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: aserikov@inbox.ru

Tatiana D. Skudnova²

²Taganrog Chekhov Institute (branch) Rostov State University of Economics (RINH)

Taganrog, Russia

e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Abstract

Introduction. The youth extremism can be classified as an internal threat for Russian society, due to the fact that social uncertainty and social disproportionality of territorial and interethnic differences in combination with the insufficient effectiveness of youth policy, insecurity and marginalization of a certain part of youth can create a favorable background for the development of youth extremism.

Theoretical justification. The variety of works devoted to youth extremism, the specifics of its development, organization, prospects and goals in modern society indicate that youth extremism is an urgent topic in social and socio-humanitarian thought. The desire of researchers to focus on the problems of youth extremism, both systemic and profound, and the degree of its influence on modern socio-political processes deserve special scientific attention.

Methods. The study is a theoretical reflection about the resources of youth extremism. It is based on structural, functional and neoinstitutional approaches. It helps to expand the research spectrum of the subject-activity approach which interprets youth extremism within the framework of its activity-organizational contour, characterized by certain social practices in the context of social positioning of social risk groups in the youth environment.

The results and its discussion. Youth extremism in modern Russia is a systemic, multilevel phenomenon that generates social and political challenges to society that can transform into internal challenges to Russia's national security. Despite their number among young people is relatively small, the supporters of youth extremism constitute an active minority. They are characterized by internal divisions and low levels of cohesion, competition, and pressure from government policies aimed at preventing, detecting, and repressing extremism. Youth

extremism in modern Russia is evolving from classical forms (punks, skinheads), borrowed from the West, to those cultivated on Russian soil and associated with the ethno-cultural, ethno-confessional and regional specifics of Russian society. Since the effect of social and socio-territorial imbalances has not been overcome in Russian society, interethnic conflicts are in a frozen state and the role of the ethno-confessional factor is increasing, youth extremism increases the level of social and political risk in Russian society, as it is characterized by a high degree of exclusion into the youth environment through youth subcultures.

The main provisions:

- youth extremism is formed based on spontaneity, self-organization of youth and the inclusion of informal regulators;
- Internet technologies are the mobilization basis for extremist organizations;
- the youth policy should regularly work with all groups of young people to prevent extremism.

Keywords: youth; social institutions; extremism; radicalism; youth policy; subculture; prevention.

For citation: Serikov A.V., Skudnova T.D. (2025). Institutional resources of youth extremism as a factor of reproduction and growth of extremist practices. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 46-58. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.4>.

Введение

Институциональная система российского общества характеризуется парадоксально. С одной стороны, проявляется иерархия институтов, сконцентрированных вокруг института президента, их вертикальная интегрированность, с другой – есть основания считать, что институциональная система находится до сих пор в турбулентном состоянии. На первый взгляд, институты в российском обществе действуют в привязке к государству, различаются по степени влияния и ресурсности. Если на верхушке институциональной иерархии находятся традиционные институты порядка (армия – как реальный порядок, церковь – как символический), то говорить о базовых институтах, создающих алгоритмы повседневности и преемственность развития, сложнее.

Институты молодежного развития и политики взаимосвязаны между собой. Точнее, в России молодежная политика определяет развитие молодежи, поскольку самоорганизация молодежи, общественные движения и ассоциации имеют меньшее влияние. Получается, что некоторые институты молодежной политики являются нефункциональными, т.е. формально выполняют предписанные функции.

Важно, чтобы молодые люди видели эффективность работы этих социальных институтов, понимая, что они работают на всю молодежь. Необходима доналадка негласных контрактных отношений между государством, общественными институтами и молодежными организациями, чтобы ограничить вовлечение молодых россиян в субкультурные практики, малые группы, действующие сами по себе.

Очевидно также, что институциональные системы российского общества, институты молодежной политики и молодежного развития опираются на поддержку государства. Одновременно выросло поколение молодых людей, для которых культ государства не является безусловным, что подтверждается числом молодых людей, занятых нелегальными практиками, уклоняющихся от уплаты налогов или от других гражданских обязанностей.

Теоретическое обоснование

Молодежный экстремизм в контексте социологической мысли прошел три этапа осмысления. Первый, в рамках классической социологии, связан с пониманием молодежного экстремизма как следствия социальной аномии, кризиса ценностных

оснований общества и в целом перехода от традиционного общества, где молодежь рассматривается как группа обучения, вступающая во взрослую жизнь через стадию обязательного ученичества и принятия опыта старших поколений. Второй был связан с акцентом на интеграции молодежи в общество на основе определения ее социально-профессиональных ниш и нейтрализации отклонений в молодежной среде как социальной патологии, что актуализировало рассмотрение молодежного экстремизма в рамках требований социальной стабильности, социального порядка и социальной безопасности. Третий этап связан с неклассической социологией и определяется отношением к молодежному экстремизму, признающим особенности поведения и сознания молодежи как социально-демографической и социокультурной группы.

Методы

В российском обществе изучение молодежного экстремизма можно подразделить на два методических этапа. Первый определяется наследием советской социологической школы и связан с изучением структурных и функциональных параметров молодежи в обществе, с тем, что российскую молодежь составляют новые постсоветские поколения, которые вынуждены самостоятельно создавать адаптивные схемы, а молодежный экстремизм является следствием невнимания, дисфункциональности институтов развития молодежи, отсутствия диалога между молодым поколением и обществом, структурных диспропорций и разрывов, создающих условия для возникновения социально маргинализированных групп молодежи. Второй этап определяется наступлением эпохи создания массовых молодежных движений, стремлением государственных и общественных институтов включить молодежь в процесс социальной и политической интеграции и актуализирует обращение к молодежному экстремизму в контексте исследования феноменов лидерства в молодежной среде, факторов стихийности и самоорганизации, влияния интернет-сетей.

Результаты и их обсуждение

Еще в 60–70-х гг. XX в. американские социологи функционалисты, описывая роль молодежи в современном обществе, отмечали, что важным институтом ее социального развития является образование (Американская социология..., 1972), а современная система образования не всегда удовлетворяет запрос молодежи на самостоятельность, на развитие качеств и способностей, направленных на быстрое и, по возможности, результативное вступление во взрослую жизнь. Для российского общества эта проблема актуальна, в 1990-х и 2000-х гг. институт образования практически выпал из системы социального развития молодежи. Активно проходил процесс формирования образовательного неравенства, деления образования на обычное и элитное. Мы наблюдали кризис высшей школы, особенно в сфере подготовки специалистов опережающего цикла, формирования практических качеств выпускников, и, как следствие, – затруднения при их трудоустройстве.

В контексте вышесказанного уместно говорить о том, что в рамках института образования закладывалось недоверие части молодежи к государству, навязывавшему ей ненужный или вызывающий социальную фрустрацию образовательный процесс. Речь идет о том, что система образования в России (хотя и является формально доминирующей в социализации молодежи) не стимулирует молодежь к тому, что К. Манхейм назвал «демократической культурой» (Манхейм, 1993). Важно отметить, что феномен образовательного неравенства, подробно и всесторонне исследовавшийся Д.Л. Константиновским и его школой, еще в советский период показывал риски сегрегации в молодежной среде (Константиновский, 2008). Возможно, параллельная социальная карьера начинается с неприятия образования как обязательного атрибута.

По разным данным, в России 10–15% молодых людей практически не получают

базовое образование. Здесь срабатывает комплекс причин: начиная с бедности, социально-психологического благополучия в семье и заканчивая тем, что молодые люди, как отмечал Э. Гидденс (Климов, 2000), испытывают скуку по отношению к теоретическому знанию, их практическое знание, основанное на алгоритмах жизни, убеждает в том, что образование кардинально не меняет ничего в судьбе. Превращаясь в процедуру формальной номинации, система образования рискует зародить в них фрустрацию по поводу изначального неравенства шансов или их обделенности способностями и знаниями.

Нельзя напрямую сделать вывод, что «двоечники» представляют потенциал молодежного экстремизма. Но можно сказать точно, что в случае построения системы молодежной политики вокруг молодых «карьеристов» мы укрепим почву молодежного экстремизма в группах молодежи, которые испытывают дистанцирование от общества и государства уже в системе образования, воспринимая последнее как ненужную трату времени и средств.

Какая альтернатива может быть предложена, чтобы молодежный экстремизм не имел широкой стартовой площадки? При ответе на этот вопрос следует обратить внимание на то, что существует угроза институционального вакуума. То есть институты молодежной политики и развития ни в коем случае не должны быть оторваны от институтов семьи, образования и культуры. Они должны действовать, опираясь на фундамент социализации, формируемый в детском и подростковом периодах.

Нужно понимать, что именно подростков используют как социальных статистов при организации различных несистемных акций, и причина не только в подростковой социальной незрелости и невнимании со стороны семьи; но и в том, что на улицы переносится негативный опыт общения со школой как с государственным институтом.

Российский исследователь В.Г. Федотова, анализируя своеобразие русского анархизма в 1990-х гг. (Федотова, 2000), отметила, что сложившаяся в ранний постсоветский период анархическая конструкция взаимодействия между обществом и государством содержала принципиальные предпосылки для роста молодежного экстремизма. Введение новых институтов (рыночных и демократических) было вызвано усталостью от гиперинституционализации и гиперномии, предельной нормированности жизни советского человека, не позволявших объединять людей в целом на основе концепта гражданских и общих интересов наряду с частными.

В начале 2000-х гг., когда было заявлено о запуске официальной молодежной политики, так и не был создан базис взаимодействия молодежи с государством в том виде, который бы соответствовал новым реалиям. Что это означало? Для молодежи был важен учет многообразия интересов и распознавание того общего, что ее объединяет. Официальная молодежная политика в то время не работала с основной массой молодежи – как раз там, где действовали экстремистские группы и течения, которые, в отличие от официальной молодежной политики, нацелены на создание квазиорганизаций, на правила игры, которые позволяют учитывать интересы молодых людей и дают простые ответы на мировоззренческие вопросы. Попытка государства каким-то образом упорядочить отношения с молодежью вызвала недовольство, беспокойство и агрессию со стороны возникающих экстремистских организаций.

Сформировав привычку действовать в условиях слабого государства, пользоваться правилом вседозволенности и уповать на то, что государству нет дела до молодежи, клубы фанатов, этнонациональные ассоциации, арт-группы заняли глухую оборону по отношению к государству.

В современных условиях открытые уличные акции и конфликты ушли в прошлое, но на смену пришел не менее опасный по своим последствиям интернет-экстремизм. Государство пытается контролировать экстремистские интенции в интернет-пространстве, работает плотно с сайтами, блогами и социальными сетями, но, к

сожалению, виртуальные институты и виртуальные сообщества продолжают развиваться и значительно опережают реальные по потенциалу мобилизованности, развитости коммуникаций, чем пользуются внешние и внутренние деструктивные силы. Интернет и здесь «плодотворно» используется зарубежный опыт, стал основным каналом распространения пропаганды и экстремистских взглядов и убеждений. Ярким примером такой деструктивной экстремистской мобилизации в интернете можно назвать события вокруг аэропорта Махачкалы, произошедшие в октябре 2023 г., когда толпа радикально настроенной молодежи была собрана за считанные часы с помощью мессенджеров и социальных сетей.

Институты молодежной политики активно осваивают информационные и коммуникативные технологии, но пока находятся в позиции догоняющих по отношению к радикальным ресурсам, сумевшим сформировать свою аудиторию. Проблема состоит не только в том, чтобы бороться за умы и настроения молодежи, – есть реальный риск того, что от публикаций на страницах интернет-форумов и социальных сетей участники перейдут к экстремистским акциям, используя технологию флешмоба. Есть основания полагать, что в отличие от институтов молодежной политики молодежные экстремистские структуры имеют преимущество, обусловленное тем, что у них отсутствует занормированность и заорганизованность, нет никаких ограничений, они часто работают по принципу «главное – действие, а результат – покажет время». По отношению к молодежной среде в российском обществе сложилась парадоксальная ситуация: экстремистские структуры компенсируют дефицит институциональных ресурсов государства импровизацией и спонтанностью (Сериков, 2018а).

Здесь следует учитывать еще одно важное институциональное обстоятельство. Профилактика молодежного экстремизма определяется тем, насколько институты молодежной политики закрепляют у молодежи взаимоуважение и осознание единства (ценности, которые входят в 809-й Указ Президента РФ). В российской институциональной системе главенствуют институты порядка, но этот порядок основывается на лояльности к государству, любви к Родине, нацеленности на принятие законности как должного. А институты молодежной политики в каком-то смысле конфликтуют с институтами порядка. Конфликтуют в том смысле, что внутри иерархии статусов в институциональной системе исторически сложилось так, что институты молодежной политики являются производными, негласно и по ресурсным показателям институты порядка заметно превосходят институты молодежной политики и развития. Это могло бы восприниматься как ситуация, требующая постепенного исправления институциональных перекосов, однако есть предположение, что неравенство статусов определяется вертикально интегрированным характером институтов и институты молодежной политики и молодежного развития были объективно ограничены. Это приводит к тому, что из спектра внимания выпадает целый ряд общественных движений и формирований, которые обладают рискованным потенциалом самостоятельности для властных структур. Можно также говорить о том, что институты молодежной политики, следуя в институциональном фарватере, не склонны подчеркивать собственный самостоятельный статус и показывать, что подход к молодежи может быть несколько более широким, чем с точки зрения порядка, контроля и лояльности.

Для экстремистских структур такая институциональная иерархия выгодна, так как отдает на откуп экстремизму то, что называется проблемным полем молодежной среды. Также есть основания считать, что институты порядка, несмотря на высокий авторитет и ресурсность в российском обществе, имеют слабые звенья, прежде всего – по отношению к молодежи. Характер взаимодействия с молодежью не дает высоких результатов, потому что не ставится цель молодежного развития. Пределы влияния институтов порядка сужаются к тому, чтобы формировать из молодежи лояльных, законопослушных граждан. Не учитывается то, что в современном мире, как бы к ней ни

относились, высока тенденция пацификации. Эти процессы активно процветали в России вплоть до начала СВО.

Естественно, в этом содержится угроза оборонному сознанию, но логика отмирания национальных государств, диктуемая транснациональными корпорациями как акторами глобализации, содержит более сильную тенденцию, которая склоняется к тому, что национальные вооруженные силы, так же как и институты национальной безопасности, являются устарелыми, мешающими экологическому и социально-политическому развитию и свойственны в основном авторитарным отсталым режимам.

Естественно, в данном утверждении есть проявление интеллектуального колониализма, двойственность стандартов, если вспомнить роль США, выполняющих функцию если не «мирового жандарма», то смотрителя за глобальным порядком. Для институтов молодежной политики и молодежного развития в российском обществе не созданы соответствующие условия, чтобы согласовать идею порядка и идею развития молодежи. Молодежная политика до недавнего прошлого работала в режиме государственного патриотизма, взывала к оборонному сознанию молодежи и опиралась исключительно на исторический опыт старших поколений, отстаивавших независимую страну.

Эти идеи разделяются молодыми россиянами, которые испытывают гордость за великие исторические свершения, но для которых приоритетным является актуализм, возможность проявить себя, добиться успеха в жизни, и институты молодежной политики и молодежного развития не до конца реализовывали эту функцию. Под видом борьбы с патернализмом, иждивенчеством в стране выросли сообщества, которые действительно равнодушны к государству и патриотизму, в то же время синдром равнодушия распространяется и на святые для традиционного общества идеалы, на базисные ценности, без которых невозможно согласие в обществе.

Таким образом, институциональные ресурсы молодежного экстремизма выглядят как продолжение проб, ошибок и заблуждений молодежной политики предыдущих периодов. 1990-е и 2000-е годы характерны тем, что институты молодежной политики в эти периоды не считали нужным презентовать себя как институты молодежи. В условиях падения роли государственного патриотизма в тот период их функционирование воспринимается критически, вызывает вопросы о том, что делается для молодежи и почему молодежь должна служить обществу и государству. Поэтому современный слоган молодежной политики «ничего для молодежи без молодежи» был так активно поддержан и пользуется популярностью.

Хотя российская молодежь и демонстрирует стремление к самостоятельности и успешности, в молодежной среде не сложилось современного модернистского большинства, так как молодые люди не мечтают о возврате назад и не надеются на государство, но одновременно и не желают быть участниками модернизационных процессов. «Одобрять» не означает в данном случае «содействовать», и такая особенность характерна для большинства молодых россиян. Отсюда появилось понятие «деятельного патриотизма»: это не только декларативная «любовь к Родине», но и то, в чем она выражается, – участие в СВО, волонтерство, уплата налогов и т.д.

Деятельностная составляющая важна в любой сфере, она является защитой от того, что те, кто внешне заявляет о поддержке принципов взаимоуважения, светскости, милосердия, могут в определенный момент переменить жизненную позицию под влиянием различных внешних и внутренних обстоятельств. Данная позиция не является аскриптивной (наследственной), она может иметь место только при постоянной, длительной, согласованной работе государственных и властных институтов. Молодежный экстремизм, формирующийся на основе спонтанности, самоорганизации молодежи, включения неформальных регуляторов и конструирования лидерства, выходит на уровень институционализации в зонах контроля.

Так как государство практически придерживается принципа открытой борьбы только с открытыми явлениями экстремизма, можно говорить о том, что в российском обществе позиция социальной и политической апатии содействуют оживлению и распространению экстремистских настроений. Когда вспыхивают значимые политические скандалы, возникает напряженность в этнополитических отношениях, которая в условиях умолчания этой проблемы государством смотрится возникшей неизвестно откуда, – экстремисты становятся видимыми. Они становятся активными участниками протестных акций, склонны внедрять в умы населения воинствующую, националистическую и антигосударственную риторику, задействовать весь свой неформальный потенциал, использовать коммуникацию слухов, возрастание страхов и тревог. В результате институты молодежной политики получают «щелчок», в обществе начинают разгонять точку зрения, что государство не занимается проблемами молодежи, а институты молодежной политики – это бюрократические структуры, которые занимаются чем угодно, но не плотной работой с различными молодежными сообществами.

Рассматривая институциональный дизайн молодежного экстремизма, мы уже отметили недостатки и искажения сложившейся институциональной системы, позволяющие создавать люфты для экстремистских действий в молодежной среде. Однако общие положения о том, что институты молодежной политики не всегда удовлетворяют потребности и запросы молодежи, не являются окончательным ответом на вопрос о том, каковы институциональные ресурсы экстремизма. Экстремизм, безусловно, паразитирует на трудностях диалога молодежи и общества, молодежи и государства. Но если реализовать структурно-деятельностную парадигму, мы имеем дело с феноменом, не столько поддерживающим историческую традицию, сколько обретающим новые образы.

Экстремистские организации в России существуют с конца прошлого века, и их генезис характеризуется переходом от организаций младенческого периода через заимствование зарубежных институциональных форм к покровительству заинтересованных групп в российском обществе (яркий пример – экстремистское РНЕ). Опыт же создания самостоятельных организаций, таких как экстремистская НБП, показал предел устойчивости.

Отметим, что с роспуском, демонтажем экстремистской организации сохраняются традиции, опыт, ресурсы, передача эстафеты более молодым поколениям, и со временем обнаруживается, что вроде бы оставшиеся в прошлом экстремистские структуры если и не переживают второе рождение, то появляются в новом облике. Это характеризует замкнутость институциональных ресурсов молодежного экстремизма. Характер взаимодействия внутри экстремистских организаций предполагает консерватизм, отказ от новых методов и использование идеологического организационного кредо. Таким образом, существует некая идеологическая верность принципам, провозглашенным в программных установках структур. Интересен тот факт, что экстремистские группы намеренно не стремятся к тому, чтобы стать большими, во-первых, исходя из правил конспирологии, во-вторых, действует правило управления малой массой доверенных лиц. Отсюда организационные ресурсы экстремизма проигрывают официальным большим организациям, но имеют преимущество в том, что могут быстро реструктурироваться, самораспуститься, подвергнуться делению или альянсированию с другими схожими группами.

Такая организационная игра не случайна и ведет к тому, что в организационном контексте, учитывая нынешнюю ситуацию, молодежный экстремизм с начала 2000-х гг. уходит в регионы. Это выражается в том, что в региональных центрах концентрируются и начинают действовать экстремистские группы по принципу децентрализации, максимальной самостоятельности и выдвижения на первый план единства места

организационно-финансового и структурного. Во-вторых, есть потребность в приходе новых лидеров и постоянном обновлении. Для экстремистских организаций очень важен возраст, неприемлемость того, что организацией пусть будут руководить опытные и уважаемые, но уже старые лидеры. Русские националисты потерпели крах, перестали быть заметным фактором общественно-политической жизни не потому, что в обществе сократилась их целевая аудитория. Дело в том, что стремление удержать лидерство привело к утере старыми авторитетами привлекательности для экстремистов, в среде новой поросли обнаружился кризис жанра. Националисты не готовы были перейти в подполье, в то же время, в отличие от других экстремистских организаций, имеют высокий потенциал внутренней конфликтности и идут по пути реактивного действия, отказа от программных установок. Это приводит к тому, что происходит дисперсия институциональных ресурсов, исчезает феномен лидерства. В этом смысле возможен ренессанс и консолидация подобных организаций в случае актуализации «мигрантской тематики», подобные события регулярно происходят на некотором удалении от центра.

Так как экстремистским группам не свойственен высокий образовательный и креативный ресурс, основные усилия направлены на раздувание эксцессов, возбуждение интереса молодежи к кризисным и замалчиваемым в обществе проблемам и попытку упрощения символического кода или его приближения к субкультурным интенциям (Серииков, 2018б). Действительно, сейчас наблюдается определенное стилевое сближение между националистами как консерваторами и теми, кого считали «гопниками», носителями экзотических культов. Возникает новая версия национализма, где основным институциональным моментом является переструктурирование организации по общинному принципу сектантской идеологии, с проповедью социального эксклюзива. Кроме этого, наблюдается возрождение языческих культов, которые становятся маркерами «свой – чужой» и символами «славянского патриотизма».

Внешне это может выглядеть безобидно и рассматриваться как более приемлемый для общества вариант, чем открытые выступления тех же националистов. Но в этом случае не следует заблуждаться. Напротив, можно предположить, что уход в схиму, создание малых общин приводят к тому, что возникают локальные центры экстремизма. В России сейчас модным является возвращение к истокам.

Исследователи феномена экстремизма регулярно ставят перед собой вопрос о том, какими нормами-регуляторами пользуются экстремисты. И здесь возможны два варианта ответа. Первый связан с тем, что экстремизм основывается на неформальных регуляторах (верности, сплоченности, добровольности, самопожертвовании). Это типичный набор для экстремистских организаций еще с конца XIX в. По существу, новым является то, что в экстремистские действия и процессы вмешивается современный постмодерн молодежи, в том смысле, что участие в акциях может быть неотрефлексированным, связанным со стремлением проявить себя не столько как человек, придерживающийся определенных идейных принципов, сколько как участник модной акции. Те же инструменты моды, «флешмоба», «радикального карнавала» использовались в 2014 г. на майдане в Киеве, эти же технологии переносятся на улицы Белграда, встречались на минских площадях.

Таким образом, анализ институциональных ресурсов молодежного экстремизма в российском обществе подводит к выводу о том, что наблюдается стремление к институционализации на неинституциональной основе. Такое предположение только выглядит парадоксальным: экстремисты ставят своей целью не инфильтрироваться в официальные институты, а завоевать их с боем, хотя речь может идти и о планах насаждения собственной резидентуры, особенно в молодежных организациях. Институциональный задел в их наследии не претендует на то, чтобы конкурировать с официальными институтами молодежной политики как альтернатива для молодежи. Выстраивается иная схема конфликтности: используя неформальные регуляторы

сплоченности и мобилизации, направленные на культивирование экстремистского поведения молодежи, экстремистские организации довольствуются двумя вариантами: либо работают с близкой молодежью с целью образовать устойчивое ядро (небольшое количество верных сторонников), либо стремятся работать на перспективу, с захватом вновь возникающих культурных течений.

Учитывая то, что субкультуры в той или иной степени в разные периоды жизни привлекают внимание значительного числа молодежи, есть причина для тревог. Молодежные субкультуры стремятся к автономности, не признают состояния зависимости или полузависимости от государства, хотя и идут на конструктивные контакты для того, чтобы показать свое общественное лицо через общественный дискурс.

Заинтересованные экстремистские структуры не могут предложить финансовых, информационных, юридических, правовых ресурсов. Преимуществом, по их мнению, является то, что они именно молодежные, показывают поколенческую солидарность, т.е. если и не являются совсем своими для деполитизированной молодежи, то и не подходят под определение чужих. В рамках реализации экстремистских акций упор делается на их привлекательность, информационный шум, привлечение внимания молодежи к проявлениям брутальности, крутости, жесткости по отношению к властным институтам. Своими акциями они как бы заявляют: «Да, у нас нет поддержки государства, защиты закона, мы не богаты, но у нас есть такие качества, как смелость, решительность, упорство и идейность, чего не хватает бюрократическому аппарату». Очевидно, что в этом плане важны экстремистские акции, которые со стороны выглядят как вспыхивающие спонтанно или по велению души, в реальности же являются частью плана деятелей, желающих утвердить себя в качестве пусть и не решающих, но социально значимых в молодежной среде.

Опасаясь правовых репрессий, экстремисты выверяют свои действия, действуя на грани дозволенного. Если налицо дерзость, откровенные стычки, то это может рассматриваться как долгосрочная стратегия изматывания правоохранительных структур, их дискредитации в широких слоях населения, насаждения страха перед жестокостью; создается двоякий эффект, как это было в 2014 г. на Украине. Возникает мысль о том, что силовые структуры, с одной стороны, не в состоянии обеспечить безопасность граждан, не карают коррупционеров, т.е. не поддерживают элементарный социально справедливый порядок, с другой – гонятся за молодежью. И здесь возникает второй существенный момент: появляется симпатия к борцам (не важно, за какую идею), осуществляющим справедливое возмездие по отношению к тем, кому не доверяет население. И нам важно извлекать уроки из такого рода мобилизации и героизации уличных радикалов.

Это может быть зафиксировано на описательном уровне. Аналитически, так как в России общество транзитивного полузакрытого, полуоткрытого типа, в институциональной системе, основанной на вертикальной интегрированности, доступ к институциональным ресурсам регламентирован. Рекомендацией может быть то, чтобы заинтересованные группы получали доступ к неформальным контактам с официальными институтами, тем самым включались в институциональные практики и, как следствие, фиксировался рост институционального доверия.

В отношении экстремизма действует определенное табу и доминирует репрессивная правовая направленность. Если же говорить о схемах профилактики, то важным является не столько приручение экстремистских структур, стремление сделать их подручными и ведомыми; более эффективно их разложение изнутри. Но и здесь возникают определенные трудности с тем, что в институциональной системе транзитивного типа, как в России, затруднена политика маневра ресурсами, перехода от одного способа воздействия на экстремистов к другому.

Так как институты молодежной политики ориентируются на группы молодежи, которые кажутся наиболее адаптированными и близкими для воздействия при помощи традиционных организационно-финансовых и культурно-пропагандистских акций, экстремистские тенденции могут проявиться в том, что деполитизированная молодежь, которая реально нуждается в доступе к ресурсам в рамках социальных, экономических, культурных инициатив, начинает испытывать чувство дистанцирования и фрустрации, так как формируется стереотип, что государство не доверяет молодежи или молодежь воспринимается только как группа повышенного социального риска.

Действующие в российском обществе каналы социальной мобильности характеризуются тем, что есть стопор восходящей социальной мобильности и совершенно не развиты каналы горизонтальной социальной мобильности, которые могли бы расширить доступ деполитизированной молодежи к институциональным ресурсам. Речь идет о том, что необязательным является пересмотр критериев ресурсного использования. В рамках горизонтальных социальных взаимодействий основным достижением является то, что молодые люди получают удовлетворенность от если не поддержки, то сочувствия, заинтересованности официальных структур. В этом случае экстремистские организации проигрывают, так как они не имеют образцов, интересных для деполитизированной молодежи, позволяющих избежать конфликта с законностью.

Рассматривая эту ситуацию, можно, таким образом, заключить, что институциональные ресурсы молодежного экстремизма в российском обществе опираются на два основания: во-первых, это объективная невозможность дотянуться до каждого молодого человека классическими институтами молодежной политики, а во-вторых, использование собственного потенциала самоорганизации для того, чтобы перехватывать инициативу у институтов молодежной политики в рамках создания для молодежи параллельных, автономных по отношению к общественным целям и интересам пространств.

Молодежный экстремизм как определенный тип поведения и сознания молодежи, на что указывают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров (2008), имеет определенное стратификационное измерение. Действительно, в молодежной среде российского общества отмечается концентрация экстремизма в неблагополучных районах и регионах, где реально возникли социальные гетто. Характерный пример – Капотня в Москве, которая в силу экологии, социального неблагополучия, концентрации промышленных предприятий, наплыва мигрантов приобретает черты социально эксклюзивной локации. Однако, не удовлетворяясь одним, хоть и показательным примером, можно говорить о том, что для молодежного экстремизма как традиции характерна рекрутация членов из неблагополучных по социоструктурным показателям. Бедность, безработица, неудовлетворенность условиями жизни и отсутствием допуска к социальным ресурсам приводят к тому, что социоструктурные разрывы в обществе являют собой пространство для воспроизводства и роста молодежного экстремизма.

Данное замечание относится и к России, где радикальные группы конца 1990-х гг. (например, «люберы») в основном формировались из молодежи рабочих окраин. Необходимо также подчеркнуть, что в российском обществе избыточные социальные неравенства артикулируют в общественном сознании требования социальной справедливости (Сериков, 2020). Россияне мечтают о социально справедливом, разумно организованном обществе. Социальная справедливость, которая «в разнос» критиковалась в 1990-х гг. как «шариковщина», для большинства россиян означает равенство возможностей, а это важная стартовая площадка для молодежи, которая вступает в жизнь в условиях социальной неопределенности.

Действительно, трудно ориентироваться в жизненных ситуациях, строить карьеру, если вместо критерия образования и профессионализма действуют

неформальные социальные связи, если уровень доходов измеряется не по принципу меритократии, не оценкой профессиональных, образовательных, деловых, стабилизационных качеств, а часто связан с местом работы, с отношением начальства. Такие деформации, конечно, искажают социальное восприятие молодого поколения, могут подрывать доверие к государственным социальным институтам и становятся причиной роста радикализма и распространения экстремистской идеологии.

Литература

- Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
- Зубок, Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–46. – EDN IQFTON.
- Климов, И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса / И.А. Климов // Социологический журнал. – 2000. – № 1–2. – С. 121–149.
- Константиновский, Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х) / Д.Л. Константиновский. – М.: ЦСО, 2008. – 551 с.
- Манхейм, К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры / К. Манхейм. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 89 с.
- Сериков, А.В. Радикализм и экстремизм в российской молодежной среде в контексте избыточных социальных неравенств / А.В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 6. – С. 68–79. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.6.4>. – EDN DVSSGC.
- Сериков, А.В. Субкультурные практики формирования молодежного экстремизма в российском обществе / А.В. Сериков // Социально-гуманитарные знания. – 2018а. – № 11. – С. 34–41. – EDN YXSKKL.
- Сериков, А.В. Третья генерация молодежных экстремистских организаций в российском обществе / А.В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2018б. – Т. 7, № 3. – С. 77–87. – <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.5>. – EDN XRTECD.
- Федотова, В.Г. Анархия и порядок / В.Г. Федотова. – М.: УРСС, 2000. – 144 с. – EDN UBPTBX.

References

- American sociology: prospects, problems, methods. Moscow: Progress, 1972. 392 p. (In Russ.)
- Fedotova V.G. Anarchy and order. Moscow: URSS, 2000. 144 p. (In Russ.)
- Klimov I.A. The sociological concept of Anthony Giddens. *Sotsiologicheskiy zhurnal = Sociological Journal*. 2000;1-2:121-149. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. Inequality and education. The experience of sociological research on the life start of Russian youth (1960s – early 2000s). Moscow: CSO, 2008. 551 p. (In Russ.)
- Manheim K. The problem of the intelligentsia. Democratization of culture/ Moscow: INION RAS, 1993. 89 p. (In Russ.)
- Serikov A.V. Radicalism and extremism in the Russian youth environment in the context of excessive social inequalities. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2020;9(6):68-79. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.6.4>. (In Russ.)
- Serikov A.V. Subcultural practices of youth extremism formation in Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2018;11:34-41. (In Russ.)
- Serikov A.V. The third generation of youth extremist organizations in Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018;7(3):77-87. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.3.5>. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth extremism. The essence and features of the manifestation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2008;5:37-47. (In Russ.)

Информация об авторах

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; e-mail: aserikov@inbox.ru

Скуднова Татьяна Дмитриевна – доктор философских наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического

университета (РИНХ), г. Таганрог; e-mail: skudnovatd@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: aserikov@inbox.ru

Skudnova Tatiana Dmitrievna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, A.P. Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog; e-mail: skudnovatd@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.35

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.5>

EDN WEMLVO

Терминальные и инструментальные ценности дагестанской молодежи**Мадина М. Шахбанова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

г. Махачкала, Россия

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация.

Введение. Социальный статус молодого поколения, его мировоззренческие установки, ценности и стратегия поведения в современном мире приобретают особую научно-практическую значимость по целому ряду объективных и субъективных причин. Современный мир очень динамичен, наблюдается мощная информатизация практически всех социальных сфер, возрастает интенсивность коммуникации, причем на больших расстояниях, трансформируется ценностная система, приоритетными становятся факторы благосостояния и стремление к получению максимального уровня комфорта. Следовательно, такие установки логично способствуют формированию новой иерархии терминальных и инструментальных ценностей. Объектом исследования является дагестанская молодежь, предметом – терминальные и инструментальные ценности молодого поколения дагестанцев.

Теоретическое обоснование. Изучение ценностей молодого поколения представляется актуальной по целому ряду причин: 1. молодежь является наиболее активной и подвижной частью социума; 2. дагестанское общество подвержено тем же процессам, что и российское общество в целом, соответственно, происходящие в молодежной среде процессы закономерно охватывают и молодое поколение дагестанцев. В этой связи актуализируется изучение ценностей, мотивов деятельности, специфики поведения дагестанской молодежи; 3. в сопоставлении с предыдущими поколениями молодежи, современная дагестанская молодежь демонстрирует иное поведение практически во всех социальных сферах. На изменение поведения молодого поколения дагестанцев заметную роль оказывает исламский компонент, вовлечение молодежи в религиозные процессы, результатом является подчеркнутое следование исламским постулатам, внешний облик дагестанской молодежи; 4. дагестанская молодежь, в сравнении с поколением отцов, ориентирована на обозначение личной независимости и демонстрацию своей успешности.

Методика исследования. Изучение ценностей дагестанцев базируется на модифицированной под руководством В.А. Ядова концепции ценностей М. Рокича. Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в 2024 г. в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах методом случайного отбора. N=843. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 409 чел. (48,5 %), женщины – 439 чел. (51,5 %); б) возраст: 15–17 лет – 286 чел. (33,9 %), 18–25 лет – 298 чел. (35,6 %), 26–35 лет – 259 чел. (30,5 %); в) образование: неполное среднее – 127 чел. (15,1 %), среднее – 254 чел. (30,1 %), среднее специальное – 239 чел. (28,3 %), высшее – 223 чел. (26,5 %); д) отношение к религии: убежденно верующий – 298 чел. (35,2 %), верующий – 473 чел. (55,9 %), колеблющийся – 37 чел. (4,4 %), неверующий – 21 чел. (2,8 %), убежденно неверующий – 14 чел. (1,7 %).

Результаты и их обсуждение.

Эмпирический материал позволяет выделить так называемое «ядро» и «периферию» инструментальных и терминальных ценностей; входящие в «ядро» и «периферию» ценности выполняют разную по степени значимости функцию в жизни опрошенного молодого поколения дагестанцев.

Основные положения.

- для молодого поколения дагестанцев характерно существование «ядра» и «периферии» инструментальных и терминальных ценностей;
- инструментальные и терминальные ценности в общественном сознании дагестанской молодежи не согласованы;
- анализ терминальных ценностей показывает существование гендерного различия в их обозначении, что позволяет провести условное подразделение ценностей на «мужские» и «женские».

Ключевые слова: дагестанская молодежь; межнациональная коммуникация; межэтническая сфера; этнические процессы; этнические установки

Для цитирования: Шахбанова М. М. (2025). Терминальные и инструментальные ценности дагестанской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 59-70. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.5>

Terminal and instrumental values of Dagestan youth**Madina M. Shakhbanova¹**¹ Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract.

Introduction. The social status of the younger generation, its worldviews, values, and behavior strategy in the modern world are of particular scientific and practical importance for a number of objective and subjective reasons. The modern world is very dynamic, there is a powerful computerization of almost all social spheres, the intensity of communication is increasing, and over long distances, the value system is being transformed, well-being factors and the desire to obtain the maximum level of comfort are becoming a priority. Consequently, such attitudes logically contribute to the formation of a certain hierarchy of terminal and instrumental values. The object of the research is Dagestani youth, the subject is the terminal and instrumental values of the younger generation of Dagestanis.

Theoretical justification. Studying the values of the younger generation seems relevant for a number of reasons: 1. youth is the most active and mobile part of society; 2. Dagestani society is subject to the same processes as Russian society as a whole, respectively, the processes taking place in the youth environment naturally cover the younger generation of Dagestanis. In this regard, the study of the values, motives of activity, and specific behavior of Dagestani youth is becoming relevant; 3. in comparison with previous generations of youth, modern Dagestani youth demonstrate different behavior in almost all social spheres. The Islamic component, the involvement of youth in religious processes, has a significant role in changing the behavior of the younger generation of Dagestanis, the result is a transformation of the appearance of Dagestani youth, emphasized adherence to Islamic postulates; 4. Dagestani youth, in comparison with the generation of their fathers, is focused on identifying personal independence and demonstrating their success.

Research methodology. The study of Dagestani values is based on a value model formed by a group of researchers led by V.A. Yadov: M. Rokich's value research methodology includes 18 terminal and 18 instrumental values, they were replaced and a research methodology was

formulated that includes terminal and instrumental values. A survey on the values and behavior strategies of the younger generation of Dagestanis was conducted in 2024 in Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Kazbekov, Kizlyar, Kumtorkalinsky, Levashinsky districts by random selection. N=843. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender: men – 409 people (48.5%), women – 439 people (51.5%); b) age: 15-17 years – 286 people (33.9%), 18-25 years – 298 people (35.6%), 26-35 years – 259 people (30.5%); c) education: incomplete secondary education – 127 people (15.1%), secondary education – 254 people (30.1%), specialized secondary education – 239 people (28.3%), higher education – 223 people (26.5%); e) attitude to religion: strongly religious – 298 people (35.2%), religious – 473 people (55.9%), the hesitant – 37 people (4.4%), the unbeliever – 21 people (2.8%), the convinced unbeliever – 14 people (1.7%).

Results and its discussion. Empirical material allows us to identify the so-called "core" and "periphery" of instrumental and terminal values; the values included in the "core" and "periphery" perform functions of varying importance in the lives of the younger generation of Dagestanis surveyed.

The main provisions.

- the younger generation of Dagestanis is characterized by the existence of a "core" and "periphery" of instrumental and terminal values;
- instrumental and terminal values are not coordinated in the public consciousness of Dagestani youth;
- the analysis of terminal values shows the existence of a gender difference in their designation, which allows for a conditional division of values into "male" and "female".

Keywords: Dagestan youth; interethnic communication; interethnic sphere; ethnic processes; ethnic attitudes

For citation: Shakhbanova M. M. (2025). Terminal and instrumental values of Dagestan youth. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 59-70. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.5>

Введение

Трансформация различных общественных сфер закономерно сопровождается структурными изменениями в каждой из них, проявляющиеся в перестройке модели экономического поведения, эрозии нравственных принципов, ценностных ориентаций, кризисом духовной сферы и т.д. Поэтому обоснованным является утверждение В.И. Левашова, что «в условиях глубинных структурных изменений, массовой безработицы, духовной нестабильности и неопределенности в стране население может, во-первых, утратить определенность нравственных ориентаций, во-вторых, девальвируются духовные ценности, соответственно, возникает чувство неуверенности, а нередко и безысходности... У людей старшего поколения рухнули или в значительной мере расшатаны привычные системы ценностных ориентаций; те, кто пытается их сохранить, вынуждены вступать в жесткий конфликт с новыми нормами» (Левашов, 1998, 113).

Отечественные исследователи констатируют «специфику трансформации российских ценностей с точки зрения их внутренней структуры»: «ценностей достижения (как самоутверждения, а не самореализации) и индивидуализма в ущерб ориентации на интересы группы и на сотрудничество, дрейф нормативно-ценностных систем от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам» (Российское общество и вызовы времени. Книга третья., 2016, 225–226), поэтому, в общественном сознании россиян сформировалась точка зрения, что «современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы» (Мчедлова и др., 2016, 489). Резюмируя изучение ценностей, в частности, терминальных и инструментальных, их выраженность в массовом сознании дагестанской молодежи является важной, ибо позволяет прогнозировать модель поведения, приоритетность ценностей-целей или же

ценностей-средств.

Теоретические основы исследования

В отечественной науке ведется глубокое исследование ценностей, их содержания и функций в обществе. В.А. Ядовым была разработана диспозиционная концепция, согласно которой «проблема регуляции, саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности ограничивается... областью исследования взаимосвязи конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним в виде состояний предрасположенностей (диспозиций) к оценке и поведению в данных условиях с учетом структуры диспозиций...» (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция., 2013, 22). По мнению Н.И. Лапина, изучение диспозиционной структуры личности показывает «обоснование представления о разделении терминальных ценностей на достаточно стабильное "ядро", образуемое ценностями высокого ранга, и менее устойчивую "периферию"» (Лапин, 1994, 6).

Понятие «ценности» исследовано в трудах С.Р. Аминова (Аминов, 2008), В.В. Гаврилюк и Н.А. Трикоз (Гаврилюк, Трикоз, 2002), М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (Горшков, Шереги, 2010), О.Г. Зубовой (Зубова, 2019), Н.И. Лапина (Лапин, 1994; Лапин, 2003), Т.А. Рассединой (Расседина, 2006) и др. Для исследователей интерес представляет базирующийся на позитивистской парадигме эмпирический социологический подход, в частности, разработки М. Рокича (Rokeach, 1968; Rokeach, 1970) и Д. Маклеллана (McLennan, 1972) (см. табл. № 1).

Таблица 1

Классификация ценностей в концепции М. Рокича (Rokeach, 1967)

Терминальные	Инструментальные
Активная деятельная жизнь	Аккуратность
Жизненная мудрость	Воспитанность
Здоровье	Высокие запросы
Интересная работа	Жизнерадостность
Красота природы и искусства	Исполнительность
Любовь	Независимость
Материально обеспеченная жизнь	Нетерпимость к недостаткам
Наличие хороших и верных друзей	Образованность
Общественное признание	Ответственность
Познание	Рационализм
Продуктивная жизнь	Самоконтроль
Развитие	Смелость
Развлечение	Твердая воля
Свобода	Терпимость
Счастливая семейная жизнь	Честность
Счастье других	Чуткость
Творчество	Широта взглядов
Уверенность в себе	Эффективность в делах

Группа исследователей под руководством В.А. Ядова предложила свою модель ценностей: одна треть предложенных М. Рокичем ценностей была замещена и представлена методика исследования, куда вошли терминальные и инструментальные ценности.

Н.И. Лапин изучение ценностей проводит с учетом существования 3-х культурных типов (1. современные – модернистские, либеральные, 2. традиционные, 3. общечеловеческие), выделяя 14 базовых ценностей, с существенным уточнением, что данная «дифференциация относительна... различаем терминальные ценности-цели и инструментальные ценности-средства» (Лапин, 2010, 28).

Методы исследования

Опрос по изучению ценностей и стратегии поведения молодого поколения дагестанцев проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кумторкалинском, Левашинском районах в 2024 г. методом случайного отбора. N=843. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 409 чел. (48,5 %), женщины – 439 чел. (51,5 %); б) возраст: 15–17 лет – 286 чел. (33,9 %), 18–25 лет – 298 чел. (35,6 %), 26–35 лет – 259 чел. (30,5 %); в) образование: неполное среднее – 127 чел. (15,1 %), среднее – 254 чел. (30,1 %), среднее специальное – 239 чел. (28,3 %), высшее – 223 чел. (26,5 %); д) отношение к религии: убежденно верующий – 298 чел. (35,2 %), верующий – 473 чел. (55,9 %), колеблющийся – 37 чел. (4,4 %), неверующий – 21 чел. (2,8 %), убежденно неверующий – 14 чел. (1,7 %).

Результаты исследования

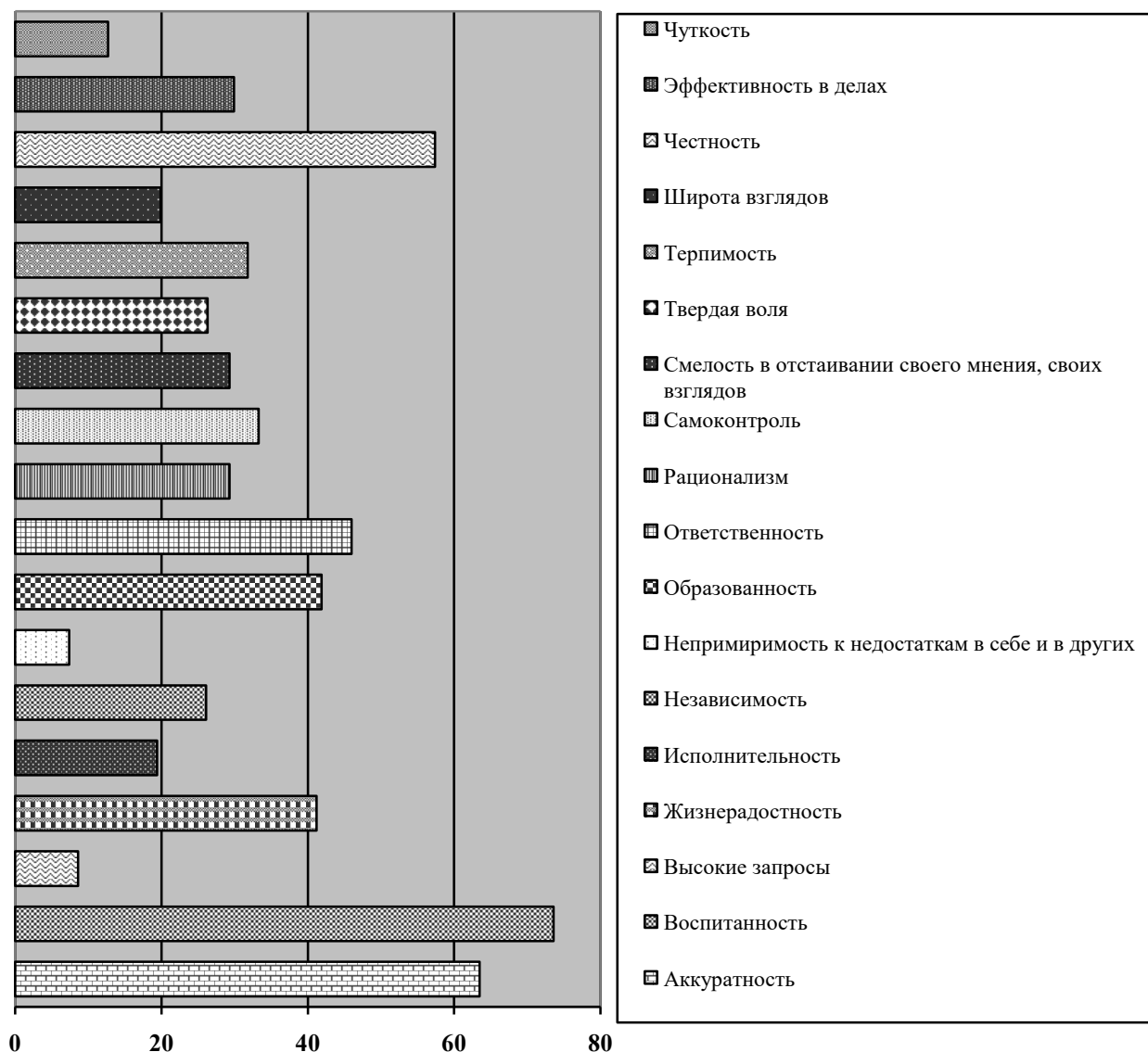
Какие ценности выражены в массовом сознании дагестанской молодежи? – один из важнейших вопросов в данном исследовании. Изучение инструментальных и терминальных ценностей молодого поколения дагестанцев осуществлено с использованием адаптированного А. Гоштаутасом, А.А. Семеновым и В.А. Ядовым варианта методики М. Рокича (см. гист. № 1).

Прежде чем перейти к анализу полученного социологического материала необходимо отметить, что ключевой задачей в данном исследовании является определение соотношения терминальных и инструментальных ценностей, то есть целей и средств. Оба вида ценностей не существуют автономно, более того, влияют и могут переходить друг в друга.

Полученные данные показывают, что для подавляющей части опрошенной дагестанской молодежи важна инструментальная ценность «воспитанность»; наблюдается снижение отметивших ее с возрастом и повышением уровня образования респондентов с 76,5 % в интервале 15–17 лет до 66,3 % в разрезе 26–35 лет, с 80,5 % имеющих базовое среднее образование до 68,9 % с высшим образованием. Второе ранговое место занимает ценность «аккуратность, чистоплотность», на которую указала 63,5 % опрошенных по всему массиву, среди них выделяются относительно молодые возрастные подгруппы и имеющие низкий образовательный статус: 62,3 % в разрезе 15–17 лет, 65,8 % 18–25 лет, меньше в подмассиве 26–35 лет (57,1 %), 65,9 % с базовым средним, 69,9 % средним, 64,1 % средним специальным образованием при существенном уменьшении респондентов с высшим образованием (49,2 %). По значимости на третье место опрошенные определили средство «честность» (57,4 %); анализ по гендерной принадлежности констатирует, что отметивших данное качество больше среди женщин (62,5 %), в сравнении с мужчинами (54,7%); с повышением возраста и образовательного статуса молодого поколения дагестанцев уменьшаются процентные параметры отметивших «честность» с 59,9 % в когорте 15–17 лет до 45,5 % в разрезе 26–35 лет, с 61,0 % имеющих базовое среднее образование до 53,3 % с высшим образованием.

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос «Какие ценности-средства имеют для Вас значение?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Полученный материал заставляет задуматься: по мнению автора, социальные группы с высоким образовательным статусом, накопившие определенный опыт взаимодействия с разными возрастными слоями, должны обладать устойчивыми нравственными установками, но аналитический материал позволяет констатировать их важность для относительно молодого возрастного подмассива и имеющих низкий образовательный статус. Для одной второй части респондентов по всему массиву значима ценность-средство «ответственность», среди них каждый второй опрошенный в возрастной подгруппе 25 лет включительно (48,9 %), процентная доля в подмассиве 26–35 лет заметно меньше (31,6 %). Такая же картина прослеживается и через образовательную призму: 51,2 % с базовым средним, 48,2 % средним, 44,3 % средним специальным и 45,1 % высшим образованием. Ценность-средство «образованность» подчеркнута 41,9 % респондентов по всему массиву, она более весома для возрастных подгрупп 15–17 лет (44,4 %) и 18–25 лет (41,6 %), по сравнению с подмассивом 26–35 лет (37,8 %). Эмпирика по уровню образования констатирует востребованность данного качества для совершенно противоположных по этому признаку групп: 52,4 % с базовым средним и 50,8 % с высшим образованием. Сопоставление результатов опроса по месту

проживания свидетельствует о том, что подчеркнувших важность образованности больше в городской среде (46,4 %), чем в сельской местности (39,1 %). Далее, 41,2 % опрошенных по всему массиву указали средство «жизнерадостность», доля женщин больше (45,5 %), по сравнению с мужчинами (38,8 %): женщины более эмоциональны, впечатлительны, поэтому логичным является их процентное превалирование. Важность самоконтроля подчеркивается одной третью респондентов по всему массиву, внутригрупповое сравнение свидетельствует о его востребованности для возрастных подгрупп 15–17 лет (37,7 %) и 18–25 лет (35,5 %), а также подмассивам с базовым средним, средним и средним специальным образованием – 36,6 %, 39,9 %, 32,8 %, соответственно. Далее суждения «трудолюбие», «рационализм (умение здраво и логично мыслить)», «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов», «независимость», «воля», «широта взглядов», «исполнительность», «чуткость», «высокие запросы» и «непримиримость к недостаткам в себе и других» отмечены 29,9 %, 29,3 %, 29,2 %, 26,3 %, 26,1 %, 19,9 %, 19,4 %, 12,7 %, 8,6 %, 7,4 %, соответственно. Внутригрупповой анализ показывает существование различий по возрасту и образовательному статусу опрошенной дагестанской молодежи: с возрастом и образованием возрастает доля отметивших «исполнительность» с 19,1 % в разрезе 15–17 лет до 28,6 % в интервале 26–35 лет, с 17,1 % имеющих базовое среднее образование до 27,0 % с высшим образованием. Иными словами, возраст и образование формируют в установках молодого поколения дагестанцев осознание ценности «исполнительность»; можно предположить, что подмассив работающих респондентов понимает значение данного параметра в достижении своей цели. Средство «независимость» больше выражено в установках возрастного разреза 15–17 лет (37,7 %) и заметно меньше в подмассивах 18–25 лет и 26–35 лет (одна пятая часть). Молодости свойственен максимализм при оценке социальной действительности и происходящих в ней перемен, поэтому отметивших ценность «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» больше в разрезах 15–17 лет (38,3 %) и 18–25 лет (28,4 %) против 20,4 % в интервале 26–35 лет, впрочем, как и в подмассиве с высшим образованием (28,7 %) против 43,9 % имеющих базовое среднее и 32,1 % среднее образование, а также 35,2 % городской молодежи, сельчан меньше (25,3 %). Средство «воля» больше востребовано для возрастных подмассивов 15–17 лет (31,5 %) и 18–25 лет (27,6 %), с повышением образовательного статуса снижается процентный показатель с 31,7 % имеющих базовое среднее образование до 18,0 % опрошенных с высшим образованием. Анализ по социально-демографическому срезу показывает возрастание отметивших средство «трудолюбие» с 25,9 % (в разрезе 15–17 лет) до 32,7 % (в интервале 26–35 лет).

При исследовании инструментальных и терминальных ценностей молодого поколения дагестанцев, к предложенным В.А. Ядовым и соавторами ценностям, были добавлены ценности, которые, по мнению автора, востребованы в массовом сознании респондентов. Речь идет о роли исламского фактора. Начало нулевых годов характеризуется интенсивностью религиозных процессов, публичной поддержкой светской властью религиозных институтов, участием в конфессиональных праздниках и мероприятиях. Данные факторы, естественно, способствовали формированию в общественном сознании значимости ценности-средства «вера», на которую указывают 47,3 % респондентов по всему массиву, среди них 50,6 % в возрастном интервале 15–17 лет и заметно меньше в подгруппе 26–35 лет (38,8 %); с повышением образовательного статуса респондентов доля отметивших ценность «веры» заметно снижается с 52,3 % имеющих среднее образование до 38,5 % с высшим образованием. Анализ через отношение опрошенных к религии показывает приоритетность ценности «вера» для 55,4 % самоидентифицирующихся как верующие, доля колеблющихся составляет 11,0 %.

Таким образом, можно утверждать, что при определении ценностей-средств выявлены отличия по гендерной принадлежности, имеет место приоритетность

определенных ценностей для мужчин и женщин, такая же картина наблюдается по возрасту и уровню образования опрошенной дагестанской молодежи: относительно молодой срез и имеющие низкий образовательный статус выделяет целый спектр разнообразных средств, в то время как более взрослое поколение, в данном контексте интервал 26–35 лет, «трезво смотрит на мир», соответственно, и расставляет ценности-средства по мере их значимости для себя.

Изучение ценностей средств, предполагает исследование ценностей-целей, то есть терминальных ценностей (см. гист. № 2).

Полученный эмпирический материал показывает, что ключевой ценностью-целью для респондентов является физическое и психическое здоровье (62,9 %). Аналитика констатирует явно выраженное отличие в обозначении данной цели по гендерной принадлежности опрошенного молодого поколения дагестанцев: 59,0 % мужчин и заметно большая часть женщин (70,1%) указывают на важность здоровья. С 2-кратным разрывом второе ранговое место занимает суждение «активная, деятельная жизнь» (38,7 %), внутригрупповой анализ свидетельствует о преобладании отметивших данное суждение в возрастном подмассиве 18–25 лет (40,8 %) и подгруппе со средним специальным образованием (42,4 %).

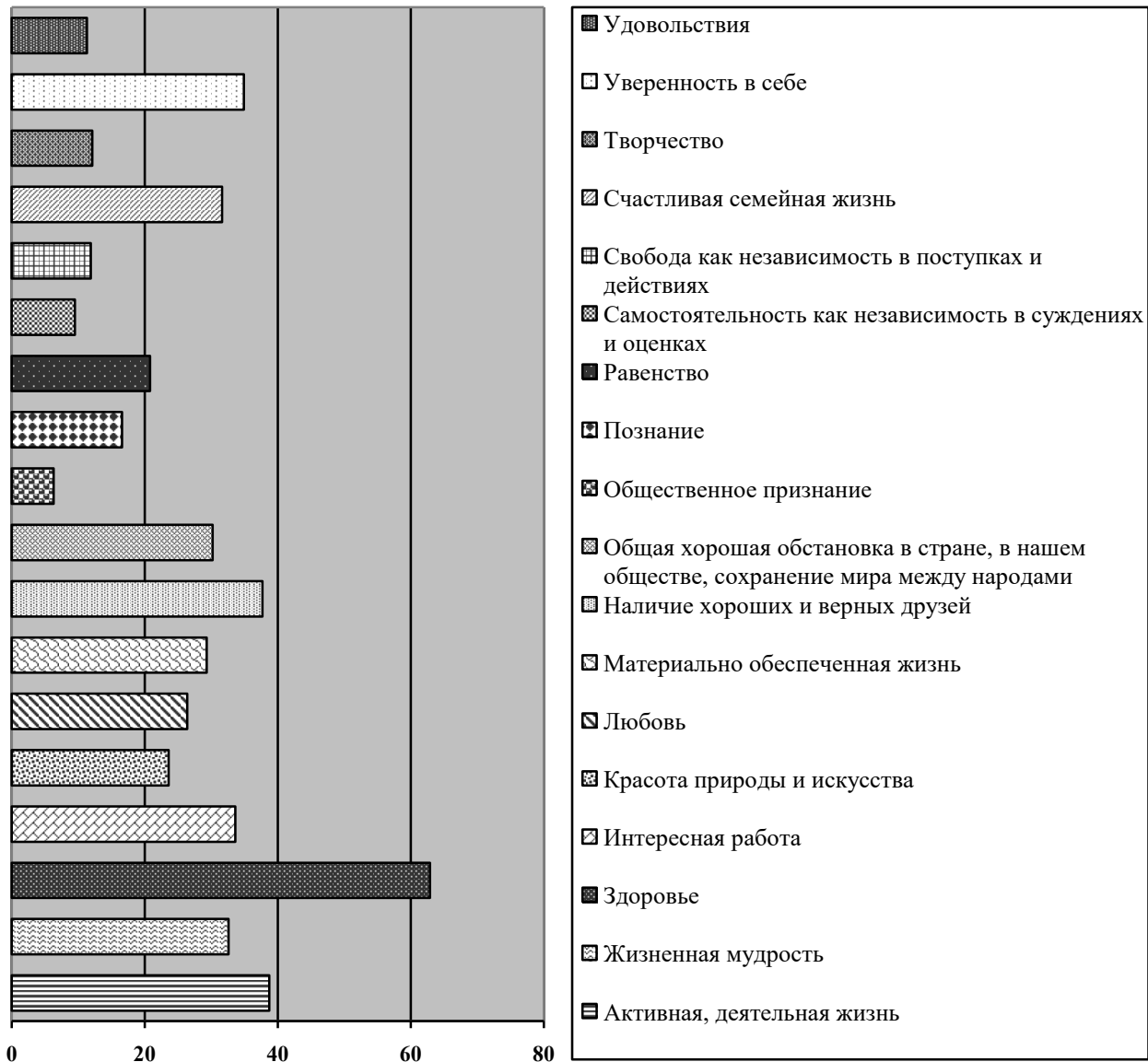
Целью для каждого третьего опрошенного по всему массиву является наличие друзей, с возрастом процентный параметр таковых уменьшается с 45,7 % в разрезе 15–17 лет до 17,3 % 26–35 лет; уверенность в себе значима для 34,9 % опрошенных по всему массиву, доля женщин больше (42,0 %), в сравнении с мужчинами (31,1 %).

Анализ по другим параметрам показывает востребованность уверенности в себе для более молодых возрастных интервалов и имеющих сравнительно низкий образовательный статус: 49,4 % в разрезах 15–17 лет, 31,6 % 18–25 лет и 26,5 % 26–35 лет, 62,2 % с базовым средним, 35,2 % средним, 28,2 % средним специальным и 30,5 % высшим образованием. Как правило, каждый человек ставит перед собой определенную цель(-и) и таковой чаще выступает получение определенной профессии. Поэтому закономерным является установка 33,6 % респондентов иметь интересную работу, среди них 40,6 % женщин, доля мужчин в 1,5 раза меньше (29,9 %). В возрастном разрезе 15–17 лет заметно больше процентный показатель ставящих личной целью иметь интересную работу (43,2 %), в сравнении с подмассивами 18–25 лет и 26–35 лет – 31,6 % и 27,6 %, соответственно. По уровню образования выделяется подгруппа с базовым средним образованием (56,1 %), в остальных подмассивах доля таковых заметно меньше: 33,2 % со средним, 29,8 % средним специальным и 27,0 % высшим образованием. Далее, «жизненная мудрость» важна для 32,6 % опрошенных по всему массиву, внутригрупповой анализ показывает отсутствие явно выраженных отличий. Целью-ценностью для 31,6 % опрошенной дагестанской молодежи является «счастливая семейная жизнь», гендерный анализ констатирует ее значимость для женщин (39,3 %), в сопоставлении с мужчинами (27,5 %). Отсутствие конфликтов различной природы обеспечивает прогрессивное развитие и сохранение стабильности социума, поэтому 30,2 % респондентов подчеркивают приоритетность позитивной обстановки в стране и сохранение мира между народами.

В исследовании неоднократно было отмечено обозначение дагестанской молодежью фактора благосостояния как средства решения комплекса вопросов, поэтому ориентация 29,3 % опрошенных по всему массиву иметь материально обеспеченную жизнь является вполне ожидаемой. Верификация материала показывает уменьшение указавших ценность «материально обеспеченной жизни» с возрастом и повышением уровня образования респондентов с 41,4 % в интервале 15–17 лет до 22,4 % в разрезе 26–35 лет, с 43,9 % имеющих базовое среднее образование до 20,5 % с высшим образованием.

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «Какие ценности-цели имеют для Вас значение?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Эмоциональное чувство «любовь», как цель-ценность, отмечена 26,4 % респондентов, а красота природы и искусства важна для 23,6 % опрошенной дагестанской молодежи. При этом 20,8 % молодого поколения дагестанцев подчеркивает ценность равенства, суть которого заключается в братстве и равных возможностях для всех. Данный фактор значим для 29,5 % женщин, мужчин почти в 2 раза меньше (16,1 %), такая же картина прослеживается и по другим анализируемым признакам: среди респондентов с базовым средним образованием и в возрастном подмассиве 15–17 лет процентный параметр больше, по сравнению с другими подгруппами – 28,4 % и 36,6 %, соответственно. Для 16,4 % участников опроса важно «познание как расширение своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития», 12,1 % респондентов подчеркивают творчество, здесь выделяется возрастной подмассив 15–17 лет (14,2 %), а также когорта с базовым средним образованием (17,1 %). Ценность «свободы как независимость в поступках и действиях» отмечена 11,9 % респондентов и она, в сравнении, более значима для возрастного разреза 15–17 лет (14,8 %) и подгруппы с базовым средним образованием (19,5 %). Далее, 9,5 % опрошенной молодежи отмечает

«самостоятельность как независимость в суждениях и оценках», среди них одна девятая часть в интервале 25 лет включительно и 6,3 % подчеркнута 6,3 % молодого поколения дагестанцев.

Как ранее было отмечено, с учетом исламского возрождения и повышения веса мусульманского учения для современного Дагестана, были предложены варианты суждений, которые позволяют установить значимость конфессионального компонента в установках опрошенных. Так, целью для 21,3 % опрошенной дагестанской молодежи является «жить по религиозным правилам» и здесь можно констатировать приверженность этой цели возрастного подмассива 25 лет включительно (одна четвертая часть), а также респондентов с базовым средним (24,4 %), средним (23,3 %), средним специальным образованием (20,6 %) против 16,4 % имеющих высокий образовательный статус. В тесной увязке с предыдущей целью-ценностью располагается суждение «получение хороших религиозных знаний» (19,4 %) и на его выбор отражается возраст и уровень образования опрошенной дагестанской молодежи: 21,0 % в интервале 15–17 лет, 21,6 % 18–25 лет, 7,1 % 26–35 лет, 20,7 % с базовым средним, 22,8 % средним, 18,3 % средним специальным и 15,6 % высшим образованием. Далее, регулярное соблюдение религиозных предписаний является целью для 18,8 % опрошенных по всему массиву, среди них 21,2 % мужчин, 21,6 % в возрасте 18–25 лет, 22,3 % со средним образованием. Анализ трех целей-ценностей «жить по религиозным правилам», «получение хороших религиозных знаний» и «регулярное соблюдение религиозных предписаний» показывает заметное отличие между городской и сельской молодежью при их обозначении: так, первое суждение отмечено 18,1 % городской и 25,6 % сельской молодежи, второе – 19,1 % городской и 21,9 % сельской молодежи, третье – 13,3 % городской и 26,3 % сельской молодежи. Естественной является приверженность сельского населения религиозным постулатам, по сравнению с городскими жителями: в городе население имеет больше возможностей для знакомства с артефактами духовной культуры, ибо наличие широкого набора достижений духовной культуры и право выбора играет заметную роль в формировании мировоззрения. Кроме того, целью-ценностью для 34,0 % опрошенной дагестанской молодежи является «процветание Дагестана» и внутригрупповой анализ показывает, что отметивших данное суждение больше среди женщин (40,1 %) против 30,1 % мужчин, одна треть в интервале 25 лет включительно и 43,9 % с базовым средним образованием.

О чем свидетельствует анализ терминальных ценностей и их расстановка в массовом сознании молодого поколения дагестанцев? Однозначно можно утверждать, что в общественном сознании опрошенных сформировалась лестница целей-ценностей, которые для них важны. Лидирующую позицию занимает цель-ценность «здоровье (физическое и психическое)», причем наблюдается гендерное различие: доля женщин заметно больше в сопоставлении с мужчинами. Второй блок составляют цели-ценности «активная, деятельная жизнь», «наличие верных друзей», «жизненная мудрость», «интересная работа», «хорошая обстановка в стране, сохранение мира между народами», «счастливая семейная жизнь», «уверенность в себе», которые с 2-кратным разрывом отстают от ценности «здоровье».

Резюме

Эмпирический материал позволяет выделить «ядро» и «периферию» инструментальных и терминальных ценностей. Полученные результаты опроса констатируют существование гендерного различия при выборе терминальных ценностей. В общественном сознании опрошенного молодого поколения дагестанцев сформированы терминальные ценности (ценности-цели), к которым они стремятся. Доминантным является здоровье, которое, в конечном счете, оказывает заметную роль в ведении активной жизни, формировании уверенности, получении престижной работы.

Респонденты ценности-цели связывают с личным благополучием, но при этом инструментальные ценности, в частности, воспитанность, аккуратность, чистоплотность, честность, ответственность, образованность, жизнерадостность являются средствами реализации жизненных планов.

Литература

- Аминов, С.Р. Эмпирический социологический подход к анализу ценностей / С. Р. Аминов // Социология культуры, духовной жизни. – 2008. – № 3. – С. 181–185.
- Гаврилюк, В.В. Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации (поколенный подход) / В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз, // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С. 96–105.
- Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги / – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
- Зубова, О.Г. Структура ценностей населения России: теоретико-методологический анализ и эмпирические результаты / О.Г. Зубова // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 182–189.
- Лапин, Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 3–8.
- Лапин, Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2010.– № 1. – С. 28–36.
- Левашов, В.И. Социальные перемены / В.И. Левашов // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 112–116.
- Мчедлова, М.М. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко, Н. Н. Кофанова // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 468–495.
- Рассади́на, Т.А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период / Т. А. Рассадина // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 95–102.
- Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Весь мир, 2016. – 400 с.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
- Rokeach, M. Beliefs, attitudes, and values / M. Rokeach / San Francisco: The Jossey-Bass behavioral science series, 1968. – 230 p.
- Rokeach, M. Long-range consequences of experimental induction / M. Rokeach // American Psychologist. – 1970. – No 26(5). – P. 453–459.
- Rokeach, M. Feedback of information about the values and attitudes of self and others as determinants of long-term cognitive and behavioral change / M. Rokeach, D.D. McLennan // Journal of Applied Social Psychology. – 1972. – Vol. 2. – No 3. P. 236–251.
- Rokeach, M. The Rokeach value survey. – In: Halgrentests, 873. Sunnyvale, Calif., 1967.

References

- Aminov S.R. An empirical sociological approach to the analysis of values. *Sotsiologiya kul'tury, dukhovnoy zhizni =Sociology of culture and spiritual life*. 2008; 3:181-185. (In Russ.)
- Gavriilyuk V.V., Trikoz, N.A. Dynamics of value orientations in the period of social transformation (generational approach). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2002; 1: 96-105. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: sociological portrait. M.: TSSPIM = M.: TSSPIM, 2010; 592 p. (In Russ.)
- Zubova O.G. The structure of values of the Russian population: theoretical and methodological analysis and empirical results. *Education and Law=Education and law*. 2019; 8:182-189. (In Russ.)
- Lapin N.I. Values as components of the socio-cultural evolution of modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 1994; 5:3-8. (In Russ.)
- Lapin N.I. Functionally oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 2010; 1:28-36. (In Russ.)
- Levashov V.I. Social changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 1998; 1:112-116. (In Russ.)

Russ.)

Mchedlova M.M., Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G., Kofanova E.N. The role of the religious factor in social adaptation in Russia. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik-2016=Reforming Russia: Yearbook [collection of scientific articles]* / Ed. by M.K. Gorshkov. M.: Novy chronograph. 2016; 14:468-495. (In Russ.)

Rassadina T.A. Transformations of traditional values of Russians in the post-perestroika period. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 2006; 9:95-102. (In Russ.)

Russian society and the challenges of the time. The third book / Ed. by M.K. Gorshkov. M.: *Ves' mir = M.: The Whole world*, 2016; 400 p. (In Russ.)

Self-regulation and forecasting of a person's social behavior: A dispositional concept. 2nd expanded edition. M.: *TSSPIM = M.: TSSPIM*, 2013; 376 p. (In Russ.)

Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values. San Francisco: The Jossey-Bass behavioral science series, 1968; 230 p.

Rokeach M. Long-range consequences of experimental induction. *American Psychologist*. 1970; 26(5):453-459.

Rokeach M., McLennan D.D. Feedback of information about the values and attitudes of self and others as determinants of long-term cognitive and behavioral change. *Journal of Applied Social Psychology*. 1972; 2(3):236-251.

Rokeach M. The Rokeach value survey. – In: Halgren tests, 873. Sunnyvale, Calif., 1967.

Дата получения рукописи: 19.06.2025

Дата окончания рецензирования: 27.07.2025

Дата принятия к публикации: 4.08.2025

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала; e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sciences in Sociology, Chief Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala; e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67)+314.146(470.67)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.6>

EDN CNJCOT

Свадебный подарок «махр»: восприятие и оценка в общественном сознании дагестанского населения (по результатам социологического опроса)**Эльвира М. Загирова¹**¹ Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

г. Махачкала, Россия

e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Аннотация.

Введение. В современном дагестанском обществе сложилось неоднозначное отношение к одному из исламских обрядов заключения брачного союза, который предполагает получение женщиной свадебного подарка (махр). Нарекания со стороны общества вызывает не следование исламским постулатам, а превращение свадебного подарка, во-первых, в предмет торга, во-вторых, формы и объем получения махра. Дискуссии в обществе относительно свадебного подарка и требования будущей супруги, вынудили Совет алимов Дагестана принять резолюцию, которая зафиксировала необходимость ответственного подхода родителей к озвучиванию объема махра.

Методика исследования. Объектом исследования является молодая дагестанская семья, предметом исследования – брачное поведение молодой дагестанской семьи. Социологический опрос по изучению социального самочувствия молодой дагестанской семьи проведен в 2025 г. в гг. Махачкала, Кизляр, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Буйнакском, Дербентском, Казбековском, Карабудахкентском, Кизлярском, Левашинском, Хасавюртовском районах Республики Дагестан методом снежного кома. N=659. Распределение по социально-демографическим признакам: пол – а) пол – мужчины 317 чел. (48,1 %), женщины – 342 чел. (51,9 %); б) семейное положение: замужем/женат – 511 чел. (77,5 %); разведен(-а) – 148 чел. (22,5 %); в) возраст: 18–25 лет – 347 чел. (56,3 %), 26–35 лет – 312 чел. (43,7 %); г) образование: среднее – 247 чел. (37,5 %), среднее специальное – 215 чел. (32,6 %), высшее – 197 чел. (29,9 %); д) отношение к религии: верующий – 552 чел. (83,7 %), неверующий – 34 чел. (5,2 %), колеблющийся – 73 чел. (11,1 %).

Результаты и обсуждение. В статье рассматриваются существующие в общественном сознании молодой дагестанской семьи отношения к свадебному подарку (махр) и полигамии. Анализ этих аспектов (махра и многоженства) обусловлен авторской гипотезой о существовании в брачном поведении дагестанской женщины непоследовательности, с одной стороны, апеллирование к мусульманским правилам в семейно-брачной сфере, с другой, нежелание следовать каждому постулату безоговорочно. Эмпирический материал констатирует несогласованность в следовании исламским положениям в поведении дагестанской женщины: при обозначении обязательности получения свадебного подарка при заключении брачного союза, согласно исламским канонам, которым будущий супруг обязан следовать, наблюдается негативное отношение к полигамии, несмотря на его религиозный (мусульманский) аспект. Молодая дагестанская женщина не готова смириться с появлением у супруга «второй жены» и рассматривает данный шаг как «предательство».

Ключевые слова: брак; брачное поведение; дагестанская молодая семья; верующие;

свадебный подарок (махр); калым.

Для цитирования: Загирова Э. М. (2025). Свадебный подарок «махр»: восприятие и оценка в общественном сознании дагестанского населения (по результатам социологического опроса). *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 72-85. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.6>

Mahr wedding gift: reaction and evaluation in the public consciousness of the dagestani population (according to the results of sociological survey)

Elvira M. Zagirova¹

¹Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Makhachkala, Russia

e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Abstract.

Introduction. In modern Dagestan society, there is an ambiguous attitude towards one of the Islamic rites of marriage, which involves a woman receiving a wedding gift (mahr). Complaints from society are caused not by following Islamic postulates, but by the transformation of a wedding gift, firstly, into a bargaining chip, and secondly, by the form and volume of receiving a mahr. Discussions in society regarding the wedding gift and the demands of the future spouse forced the Council of Alims of Dagestan to adopt a resolution that fixed the need for a responsible approach by parents to voicing the volume of mahr.

Methods: The object of the study is a young Dagestani family, the subject of the study is the marital behavior of a young Dagestani family. A sociological survey to study the social well-being of a young Dagestani family was conducted in 2025 in the cities of Makhachkala, Kizlyar, Derbent, Khasavyurt, Botlikhsky, Buinaksky, Derbent, Kazbekovsky, Karabudakhkentensky, Kizlyarsky, Levashinsky, Khasavyurt districts of the Republic of Dagestan using the snowball method. N=659. Distribution by socio-demographic characteristics: gender – a) gender – men 317 people (48.1%), women – 342 people (51.9%); b) marital status: married – 511 people (77.5%); divorced – 148 people (22.5%); c) age: 18-25 years – 347 people (56.3%), 26-35 years – 312 people (43.7 %); d) education: secondary – 247 people (37.5%), specialized secondary – 215 people (32.6%), higher – 197 people (29.9%); e) attitude to religion Believers – 552 people (83.7%), non-believers - 34 people (5.2%), hesitators – 73 people (11.1%).

Results and its discussion. The article examines the attitudes existing in the public consciousness of a young Dagestani family towards the wedding gift (mahr) and polygamy. The analysis of these aspects (mahra and polygamy) is conditioned by the author's hypothesis about the existence of inconsistency in the marital behavior of a Dagestani woman, on the one hand, appealing to Muslim rules in the family and marriage sphere, on the other, unwillingness to follow each postulate unconditionally. Empirical material states inconsistencies in following Islamic provisions in the behavior of a Dagestani woman: when indicating the obligation to receive a wedding gift at the conclusion of a marriage according to Islamic canons, which the future spouse must follow, there is a negative attitude towards polygamy, despite its religious (Muslim) aspect. A young Dagestani woman is not ready to accept the appearance of her husband's "second wife" and considers this step as a "betrayal."

Keywords: marriage; marital behavior; Dagestan young family; believers; wedding gift (mahr); kalyam.

For citation: Zagirova E. M. (2025). Mahr wedding gift: reaction and evaluation in the public consciousness of the dagestani population (according to the results of sociological survey). *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 72-85. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.6>

Введение

Семейно-брачная сфера является одной из важнейших для человека, ибо семья выступает не только как союз мужчины и женщины, а также продолжение рода, но и выполняет важные социально-значимые функции, в частности, вопросы воспитания,

сохранения семейных ценностей и традиций, их передача последующим поколениям. Более того, семья есть «ячейка общества» и чем она стабильнее, тем стабильнее общество, в целом. Исламское возрождение внесло свои приоритеты в повседневную жизнь не только верующего, но и неверующего населения. Особенно сильно данные процессы ощущают социумы, в которых религиозный компонент, независимо от официальной идеологической основы, не терял своего веса. Если обратиться к дагестанскому обществу, с полным основанием можно утверждать, что в социалистический период его развития, несмотря на господство атеистического мировоззрения, дагестанское население соблюдало религиозные обряды и традиции, особенно в семейно-брачной сфере.

Изменение политического устройства Российского государства, смена идеологии, позволило населению получить доступ к исламской литературе, появилась возможность свободно демонстрировать религиозные взгляды, имеет место широкое распространение исламского образовательного пространства, появились учебные заведения различного уровня (мактабы, медресе, исламские университеты). Для расширения своего религиозного образования люди начали выезжать за пределы республики и продолжили обучение в известных исламских центрах. Разумеется, исламское возрождение, речь идет о Дагестане, имеет не только позитивные, но и негативные последствия, в частности, распространение на территории республики ваххабизма и его идеологии, противостояние между салафитами и традиционным исламом. В настоящее время наблюдается и внутриисламский раскол, противостояние внутри дагестанских верующих. Данные факторы являются деструктивными явлениями в религиозной сфере современного Дагестана. Их злободневность и угроза дестабилизации ситуации в республике отмечается в исследованиях дагестанских социологов, в частности, З.М. Абдулагатова (Абдулагатов, 2012; Абдулагатов, 2021), Р.О. Рамазанова (Рамазанов, 2022), М.М. Шахбановой (Шахбанова, 2016; Шахбанова, 2022) и др.

Семейно-брачная сфера и происходящие в ней изменения являются предметом исследования отечественных фамилистов: А.И. Антонов (Антонов, 1998), А.В. Верещагина (Верещагина, 2009; Верещагина, Загирова, 2010), С.Ш. Гаджиева (Гаджиева, 1985), С.И. Голод (Голод, 2003) и др.; религиозный компонент и институт полигамии освещен в публикациях З.М. Абдулагатова (Абдулагатов, 2021), А.К. Алиева (Алиев, 2013), А.В. Верещагиной (Верещагина, Загирова, 2022), М.А. Габараевой (Габараева, 2020), Э.М. Загировой (Загирова, 2021), А.А. Миримовой (Миримова, 2010), С.Т. Хапчаева (Хапчаев, 2018), М.М. Шахбановой (Шахбанова, 2024) и др. В последние несколько лет актуализировался вопрос свадебного подарка (махр), который активно обсуждается среди молодого поколения по целому ряду причин. Росту интереса к махру, его религиозному аспекту, отношению людей готовых создать семью способствовали социальные сети и демонстрация в них как молодыми девушками, так и молодыми мужчинами процесса получения махра. О важности данного аспекта свидетельствует принятие Советом алимов Дагестана Резолюции, в которой «Родителям рекомендуется не завышать требования к махру и материальным условиям брака, чтобы молодёжь могла своевременно создавать семьи» (Резолюция Совета алимов Дагестана, 2025). В этой связи, представляется важным рассмотреть существующие в массовом сознании дагестанского населения отношения к махру, а также полигамии, насколько женщины последовательны в своих семейно-брачных установках.

Махр (свадебный подарок) в исламском учении

Шейх Нуруддин Итр (1356–1442 гг. х.) пишет: «Махр – это свадебный подарок женщине. Он не является ни ценой женщины, ни стоимостью наслаждения ею». Махр является обязательным правом женщины, установленное исламским правом,

обозначающим выражение желания мужчины вступить в брак, а также его уважение и забота к супруге. В прошлом исламские ученые отмечали, что махр являлся обязательным действием для того, чтобы показать серьезность намерений мужчины (Шейх Нуруддин Итр, 2023, 73). Таким образом, никто из семьи женщины, включая брата, отца, супруга не могут воспользоваться махром женщины.

В пользу значимости махра можно отметить то, что Пророк Мухаммад не заключал брак с женщиной без брачного дара. В шафиитском мазхабе (которому следуют большинство проживающих на территории Дагестана) «махр не является составной частью (рукном) шариатского брака, по этой причине допускается заключить брак без упоминания махра, однако желательно его указать» (Шейх аль-Ислам ан-Навави, 2012, 49). Другими словами, брак, заключенный без установления брачного дара является действительным, однако муж в таком случае обязан выплатить супруге махр аль-мисль (махр, не оговоренный во время или перед заключением брака из-за забывчивости или незнания, который выплачивается супруге в том размере, который дается обычно женщинам похожего социального положения и возраста.). Согласно шафиитскому мазхабу в качестве махра должно быть все то, что имеет материальную ценность, является полезной услугой или полезным навыком, к примеру, деньги, машина, дом, домашнее животное, получение каких-либо знаний и др. Но есть и другая категория женщин, позволяющая себе в качестве махра потребовать совсем незначительную вещь, например один финик или его косточку. В хадисах встречается упоминание о финиковой косточке, однако лишь в контексте золота с весом этой косточки. Брачный дар обязательно должен иметь материальную ценность, а один финик или косточка не относятся к этому, хотя это может казаться «романтичным» действием по отношению к будущему супругу, но данное действие не может быть махром и подобный вид махра сразу аннулируется. Будущий супруг обязан выплатить махр, подобающий статусу этой девушки (махр аль-мисль). В шафиитском мазхабе нет установленной суммы для минимального или максимального махра, поэтому будущая супруга имеет право требовать в качестве махра то, что она пожелает, при этом не является желательным переходить границы разумного и просить сверхъестественные подарки от жениха. Необходимо обратить внимание и на его финансовое состояние и возможности реализовать желания брачного дара невесты. В данном вопросе девушка должна подумать, прежде чем требовать от будущего супруга огромный махр, который мог бы его обременить (Шарафуддин Абу Марьям, 2024). Когда совершеннолетняя женщина изъявляет желание вступить в брак и говорит своему опекуну: «Выдай меня замуж без махра», где в свою очередь, опекун выдает ее замуж, не оговаривая махр или вовсе отмечая, что его не обязательно выплачивать. В данном случае махр становится обязательным в трех условиях: 1) когда супруг до вступления в интимную близость с женой возлагает на себя обязательство выплатить брачный дар, определяя его сумму, а супруга дает согласие для названного махра; 2) в случае, когда шариатский судья до интимной близости между супругами утвердит махр аль-мисль и сделает обязательством для супруга выплатить утвержденную сумму махра; 3) если муж или шариатский судья не определили махр, но между супругами случилась интимная близость. При таких обстоятельствах супруг обязан выплатить ей махр аль-мисль». Махр аль-мисль (соответствующий махр) – это то, что обычно дается за женщину ее уровня, где главным критерием является родство, обращают внимание на возраст, разум, благосостояние, девственность или вдовство, а также любые другие различия, влияющие на предпочтения» (Имам Яхья бин Шараф ан-Навави, 2005, 399).

Богословы отмечают необходимость избегать чрезмерного махра, вызывающего затруднения, однако нежелательно и слишком занижать его, обесценивая право женщины, устанавливая в качестве махра символическую сумму в виде 3 или 5 тыс. руб., одного финика и др. Сунной (желательным действием) является проявление

умеренности. Важно, чтобы будущие супруги пришли к общему решению еще до заключения никаха о сумме махра. Если же супруг не выплатил махр после заключения никаха, то женщина имеет право отказать ему в близости. Также, если супруг при жизни не выплатил махр своей жене, то он будет расцениваться как долг, и после его смерти может быть выплачен из его наследства. Однако, в случае смерти супруги раньше мужа, право получения брачного дара переходит к ее детям. Завышенные требования и огромные свадебные затраты влекут за собой целый ряд проблем, от которых страдают и мужчины, и женщины. Так, во-первых, высокий махр может быть финансовым барьером для вступления в брак. Либо в брак будут вступать в позднем возрасте, когда уже появится возможность выплатить брачный дар невесте; во-вторых, к браку будут относиться как к некоей финансовой сделке, иными словами состоятельному мужчине, несмотря на его скверный нрав, будет легче жениться, по сравнению, с более нравственным и порядочным мужчиной, предложение которого, скорее всего, станут игнорировать в виду отсутствия финансовых ресурсов. Например, в Египте, в связи с финансовыми проблемами, мужчина вынужден копить на брачный дар еще с юношеского возраста примерно до 35 лет. Затем с огромным трудом вступив в брак, он вынужден терпеть порой необоснованные претензии, ибо существует риск распада семьи (Шарафуддин Абу Марьям, 2024) и не каждый мужчина сможет снова собрать материальные средства на выплату свадебного подарка другой женщине.

Как же решить проблему с высоким махром? В сельских местностях имамы устанавливают определенный минимум махра, однако и это не останавливает людей. Понятие махра было всегда, но со временем люди «вытеснили» это понятие при появлении традиций и адатов, связанных с преподношением невесте ювелирных украшений, большой суммы денег, различных подарков и это понятие заменили на калым. Однако, современные невесты хотят и калым, и махр, при этом они могут требовать большую сумму денег или что-то материально дорогостоящее (социальные сети пестрят дорогими машинами, квартирами, украшениями и т.д.). Очень часто большой махр требуют девушки из материально несостоятельных семей. Помимо калыма, согласно традициям дагестанских народов, в предсвадебный период невесту на все праздники одаривают подарками, что является большими затратами. Известны случаи, когда качество и количество подарков могло не понравиться родне невесте, помолвку могли разорвать, не успев жениться. Так, получается, нет пользы в высоком махре и калыме?

Очень часто традиции и обычаи тесно сплетаются с религией, вследствие чего возникает недопонимание тех или иных постулатов ислама. Не является исключением и вопрос калыма, который принимают за часть обряда при заключении никаха. У каждого народа собственные свадебные обряды и традиции в части выплаты калыма. На его размер оказывает влияние состоятельность семьи, образование будущей невесты и др. Принимая во внимание то, что выкуп за невесту является распространенным явлением среди мусульманских народов, эта традиция в сознании людей стала ассоциироваться с мусульманским образом заключения брака – махром. Следует разграничить эти два понятия, так как они имеют отличия и свои особенности. Другими словами, калым является «платой за невесту», а махр является выплатой невесте, при этом, размер махра устанавливает сама невеста или опекун, а не ее семья, как в случае с калымом. Махр показывает решительность и серьезное отношение будущего супруга относительно брака, также он является защитой для женщины в случае ее развода. Право на распоряжение махром имеет только женщина. Калым же – это совсем другое. Размер калыма устанавливается при обоюдном решении двух семей и, только придя к общему решению, брак может быть заключен. В отношении махра договоренность семей не нужна, в этом случае решение принимает невеста. В исламском праве является нежелательным, чтобы размер брачного дара был слишком маленьким или слишком

большим. Прицелом является установление высокого размера махра, так как из-за большого размера махра мужчина не может создать семью, не имея финансовых ресурсов выплатить брачный дар невесте. Если же минимальная сумма калыма нигде не установлена, то минимальная сумма махра в ханафитском мазхабе составляет 10 дирхамов. В пересчёте на серебро – это 30,61 грамма серебра или его эквивалентная стоимость. В маликитском мазхабе сумма снижена до трёх дирхамов (9,183 г серебра) или $\frac{1}{4}$ золотого динара. Имамы Шафии и Ахмад ибн Ханбал не устанавливали наименьшую величину махра и согласно их точке зрения, мужчина может вступить в брачный союз, пообещав будущей супруге научить её Корану или, например, его части (Махр и калым: что полагается выплатить невесте?, 2017). В сельской местности встречается фиксированная сумма калыма, часто и махра. Причем его устанавливает имам, его предписаниям четко следуют верующие. Более того, при сватовстве и покупке приданого, родители как жениха, так и невесты апеллируют к решению имама и говорят «Мы следуем за своим имамом и не хотим нарушать установленные правила». Местный имам советует не отдавать больше установленного, а если же семья все-таки хочет отдать больше, то сделать это уже после брака. Калым выплачивают невесте до заключения никаха или в день свадьбы. Махр обычно передают невесте через опекуна во время заключения никаха. Данный вид махра называется «махр муаджалъ», то есть даруемый сразу. С точки зрения всех мазхабов, кроме ханафитского, никах без махра не является действительным. По мнению Абу Ханифы, такой брак нежелателен. Махр можно выплатить позже, если стороны договорились об этом, но, нельзя затягивать данный процесс. Такой вид получил название «махр муаххар» (Махр и калым: что полагается выплатить невесте? 2017).

Методика исследования

Социологический опрос по изучению социального самочувствия молодой дагестанской семьи проведен в 2025 г. в гг. Махачкала, Кизляр, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Буйнакском, Дербентском, Казбековском, Карабудахкентском, Кизлярском, Левашинском, Хасавюртовском районах Республики Дагестан методом снежного кома. N=659. Распределение по социально-демографическим признакам: пол – а) пол – мужчины 317 чел. (48,1 %), женщины – 342 чел. (51,9 %); б) семейное положение: замужем/женат – 511 чел. (77,5 %); разведен(-а) – 148 чел. (22,5 %); в) возраст: 18–25 лет – 347 чел. (56,3 %), 26–35 лет – 312 чел. (43,7 %); г) образование: среднее – 247 чел. (37,5 %), среднее специальное – 215 чел. (32,6 %), высшее – 197 чел. (29,9 %); д) отношение к религии: верующий – 552 чел. (83,7 %), неверующий – 34 чел. (5,2 %), колеблющийся – 73 чел. (11,1 %).

Результаты исследования

Ранее было отмечено, что свадебный подарок (махр), который выплачивается согласно исламским канонам, в брачно-обрядовой системе дагестанских народов претерпел трансформацию: в советский период, впрочем, и до последнего времени, имам населенного пункта устанавливал объем свадебного подарка (махр) и при заключении брачного союза по мусульманским правилам, брачующиеся (вернее, родители жениха) его строго соблюдали. В зависимости от населенного пункта, этнической принадлежности будущих супругов, объем махра мог быть различным, но, как правило, при фиксации его суммы учитывался уровень материального положения: независимости от благосостояния человека, он (махр) был одинаковым для всех. С полным основанием можно утверждать, что религиозный лидер (имам) старался создать условия для создания молодой семьи, ибо исходил из существования экономического неравенства людей, отсутствия у отдельно взятого человека возможности выплачивать большой махр, то есть ту сумму или же подарок в виде недвижимости (дом, квартира, участок земли), транспортного средства, которые могла потребовать будущая супруга с

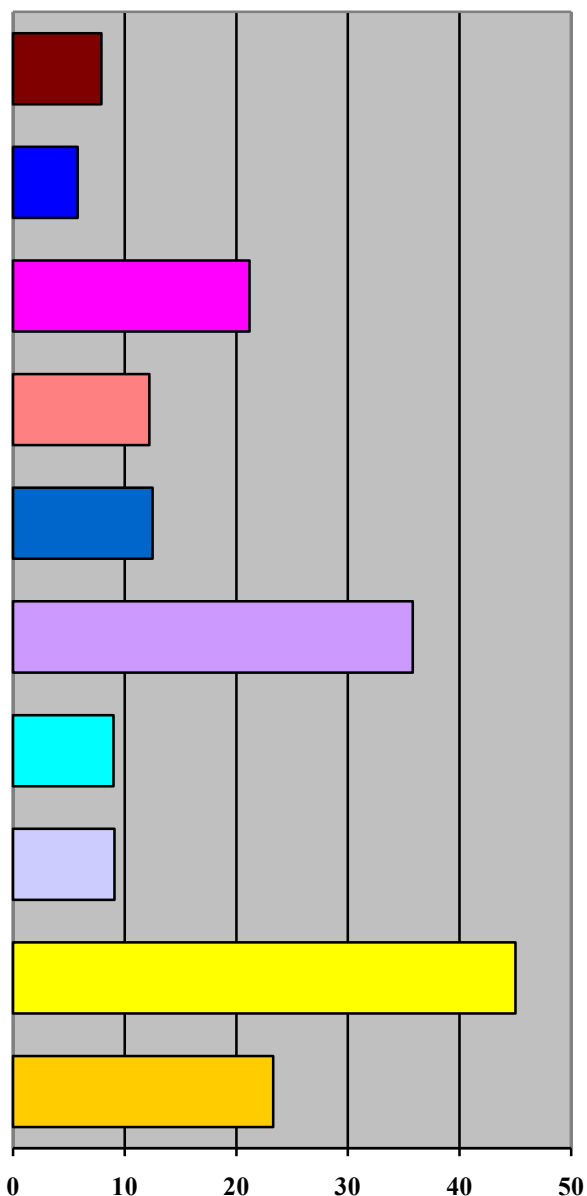
апелляцией к исламским канонам. Иными словами, последние несколько лет тема свадебного подарка (махр) стала предметом дискуссии в современном обществе, ибо возросшие, порой очень завышенные, требования невесты не позволяли создать семью. Следует отметить, что в истории семейно-брачного поведения дагестанских народов, вопрос махра вообще не подлежал обсуждению невестой, ибо он находился в компетенции родителей, которые следовали указанию имама. Расширение возможности получить глубокие исламские знания, напрямую отразились на изменении брачных установок дагестанской женщины.

Отношение дагестанского населения к свадебному подарку (махр) см. гист. № 1.

Полученный материал на вопрос «Как Вы думаете, правильно ли требовать большой размер махра от жениха?» показывает лидирование утвердительно суждения с существенным уточнением «если жених имеет финансовую возможность его выплатить» – 45,0 % опрошенных по всему массиву, среди них 47,4 % женщин, доля мужчин меньше (38,9 %).

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, правильно ли требовать большой размер махра от жениха?» (% , можно отметить несколько вариантов ответов)

- Если у мужчины есть собственное жилье и работа, то неправильно требовать с него еще отдельно что-то дорогое в качестве махра, так как самое главное уже есть
- Требуя высокий махр, невеста и сама должна быть из состоятельной и принести хорошее приданое
- Нет, это не самое главное при создании семьи, важнее порядочность, ответственность будущего супруга
- Нет, из-за «модных запросов» нынешних невест дагестанским мужчинам сложно создать семью
- Нет, должна быть умеренность (в советский период размер махра был небольшим, его размер определяли родители невесты или учитывали мнение имама населенного пункта), но в последние годы с укреплением позиций ислама в Дагестане, наблюдается стремление четко
- Нужно исходить из материального положения мужчины и просить только то, что он в состоянии дать невесте
- Да, так как часто встречаются случаи, когда калым у невесты при разводе требуют обратно, хотя по исламу это недопустимо
- Да, если невеста этого достойна (красивая, умная, образованная, состоятельная, из хорошей семьи)
- Да, если жених имеет финансовую возможность его выплатить
- Да, невеста и ее опекун имеют право требовать махр в том размере, какой посчитает

По социально-демографическим признакам процентный показатель выше в разрезе 18–25 лет (47,5 %), в сравнении, с интервалом 26–35 лет (44,2 %); далее, 46,1 % связанных брачными узами подчеркивают важность уровня материального положения брачного партнера, доля разведенных заметно меньше и составляет 35,8 %. Обращает на себя внимание, что уровень образования не влияет на обозначение отношения к махру, так отметивших допустимость требовать махр больше в подмассиве с высшим образованием и меньше в подгруппах со средним и средним специальным образованием – 48,8 % 43,3 %. 33,3 %, соответственно. Анализ через призму отношения показывает, что доля придерживающихся данной точки зрения в подгруппе верующих 45,5 % и 30,0 % колеблющихся. При этом 35,8 % опрошенных по всему массиву указали, что «нужно исходить из материального положения мужчины и просить только то, что он в состоянии дать невесте», среди них 24,1 % мужчин, женщин более чем в 1,5 раза больше (40,5 %), одна треть в обеих возрастных подгруппах, 50,7 % не состоящих в браке и 33,1 % семейных респондентов. Вместе с тем, 23,3 % «жестко» обозначают свое отношение к махру, считая, что «невеста и ее опекун имеют право требовать махр в том размере, какой посчитает» и здесь 18,5 % мужчин, 25,2 % женщин, 29,5 % в разрезе 18–25 лет, 20,2 % 26–35 лет, 24,8 % состоящих в браке, доля разведенных заметно меньше (13,4 %), 23,3 % со средним, 33,3 % средним специальным, 21,3 % высшим образованием, 23,0 % верующих и 30,0 % колеблющихся. Однако 21,2 % придерживаются позиции о недопустимости требовать махр с доводом «это не самое главное при создании семьи, важнее порядочность, ответственность будущего супруга», по гендерной принадлежности 16,7 % мужчин и 23,0 % женщин, 16,4 % в возрастной подгруппе 18–25 лет и 23,3 % в интервале 26–35 лет, 21,8 % состоящих в браке и 17,9 % не связанных брачными узами, 19,7 % верующих. Далее, 12,5 % считают, что «должна быть умеренность (в советский период размер махра был небольшим, его размер определяли родители невесты или учитывали мнение имама населенного пункта), но в последние годы с укреплением позиций ислама в Дагестане, наблюдается стремление четко соблюдать все предписания ислама в семейно-брачной сфере, при этом не учитывается материальное положение жениха и его семьи (откуда могут быть у молодого человека квартира, участок земли, большая сумма денег и т.д.): аналитический материал по половой принадлежности констатирует превалирование процентного показателя в подмассиве мужчин (20,4 %) женщин в 2 раза меньше (9,4 %); такая же картина наблюдается по возрасту – необходимость соблюдения определенных «ограничений» указана 14,7 % опрошенных в интервале 26–35 лет, таковых в разрезе 18–25 лет существенно меньше (7,7 %), а также 12,7 % верующих. Далее, 12,2 % респондентов считают, что «из-за "модных запросов" нынешних невест дагестанским мужчинам сложно создать семью», среди них мужчин больше (18,5 %) против 9,6 % женщин, впрочем, как и в возрасте 26–35 лет (14,0 %), 13,4 % не состоящих в брачном союзе, 12,4 % верующих. Варианты ответов «да, если невеста этого достойна (красивая, умная, образованная, состоятельная, из хорошей семьи)», «да, так как часто встречаются случаи, когда калым у невесты при разводе требуют обратно, хотя по исламу это недопустимо» отмечены 9,1 % и 9,0 % опрошенных, причем 1-е суждение отмечено 10,4 % женщин, доля мужчин меньше (5,6 %); далее 5,8 % считают, что «требуя высокий махр, невеста и сама должна быть из состоятельной и принести хорошее приданое» и позиция «Если у мужчины есть собственное жилье и работа, то неправильно требовать с него еще отдельно что-то дорогое в качестве махра, так как самое главное уже есть» ближе 7,9 % опрошенных по всему массиву, среди них 16,7 % мужчин и статистически незначимая доля женщин (4,4 %). Более зрело о махре рассуждает подгруппа 26–35 лет, которые акцентируют внимание на приоритетности иметь жилье и работу (10,1 %).

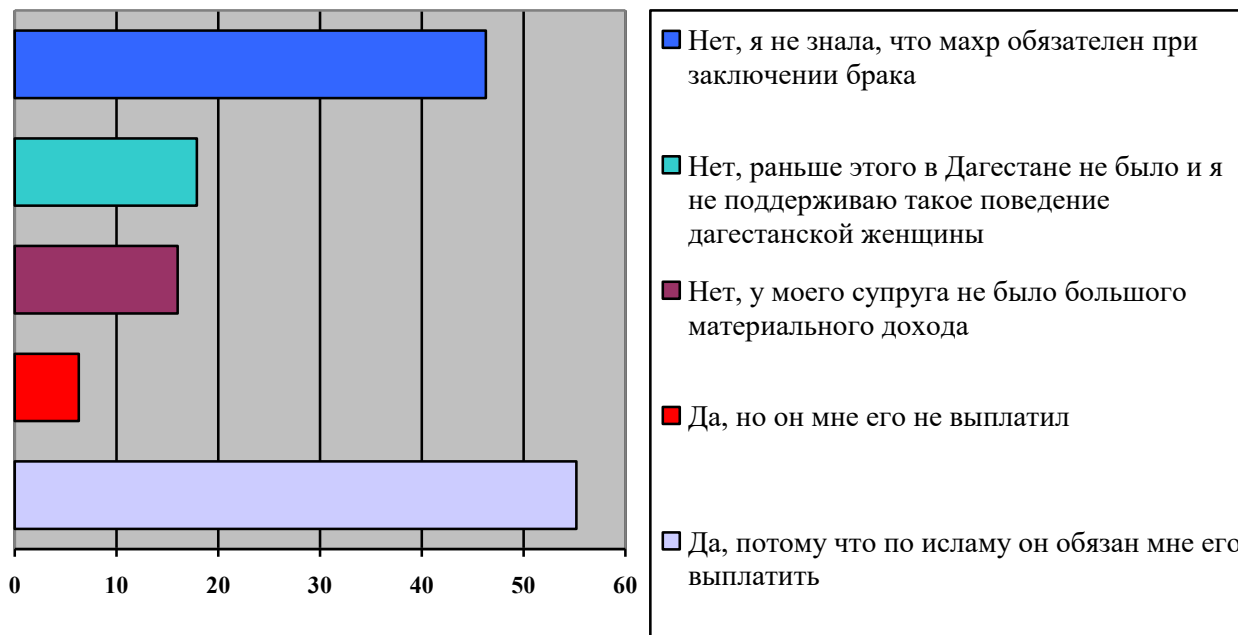
Установление отношения дагестанского населения к выплате махра предполагает выявление личного поведения дагестанской девушки, то есть ее позиция на личностном

уровне (см. гист. № 2).

Результаты на «контрольный вопрос» «Вы требовали отдельно махр от своего супруга?» показывают, что 55,2 % женщин ответили утвердительно с доводом «по исламу он обязан мне его выплатить». В разрезе отношения к религии 30,9 % верующих и 20,0 % колеблющихся, при этом с повышением уровня образования опрошенных женщин увеличивается доля одобряющих выплату махра с 26,7 % имеющих среднее образование до 33,9 % с высшим образованием. Вместе с тем, 46,3 % женщин «не требовали» от будущего супруга махра, ибо «не знали, что махр обязателен при заключении брака», среди них 27,3 % состоящих в браке и 40,3 % разведенных. Далее, 17,9 % опрошенных женщин придерживаются позиции «нет, раньше этого в Дагестане не было и я не поддерживаю такое поведение дагестанской женщины», здесь необходимо пояснить, что речь идет не о том, что раньше махр не платили, а о том, что требования дагестанской женщины и озвучиваемые ею требования не всегда выполнимы. Никто не задается вопросом «Откуда у молодого человека квартира, земельный участок, большая сумма денег, чтобы отнести будущей жене в качестве свадебного подарка?». Разумеется, выплата махра ложится на плечи родителей жениха, которые и так несут немаленькие расходы на проведение свадебного мероприятия. Доля придерживающихся данной точки зрения увеличивается с возрастом с 7,7 % в интервале 18–25 лет до 11,6 % в интервале 26–35 лет. «Понимание ситуации» демонстрируют 16,0 % опрошенных женщин, отметивших вариант ответа «нет, у моего супруга не было большого материального дохода».

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «Вы требовали отдельно махр от своего супруга?» (%)

О чем свидетельствует полученный эмпирический материал? Однозначно о трансформации брачного поведения дагестанской женщины с апелляцией к мусульманским постулатам в семейно-брачной сфере. Здесь возникает и другой вопрос «А насколько дагестанская женщина следует исламским правилам в семейно-брачной сфере?». Чтобы получить на него ответ, в анкету исследования был включен вопрос об отношении респонденток к многоженству. Эмпирический материал на вопрос «**Как Вы относитесь к многоженству?**» показывает доминирование в массовом сознании 29,6 %

респондентов суждения «отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь "вторую жену"», по гендерной принадлежности, ожидаемо, мужчин меньше, а женщин больше – 13,0 % и 36,3 %, соответственно. Аргументом негативного отношения к многоженству для 29,5 % опрошенных является отсутствие «справедливого отношения к каждой из жен со стороны мужчины, как того требует ислам»: 37,5 % женщин при заметно меньшей части мужчин (9,3 %). По мнению 25,7 % опрошенных по всему массиву, «под многоженством пытаются прикрыть безнравственность», по гендерной принадлежности данной точки зрения придерживаются 18,5 % мужчин и 28,6 % женщин. Далее, в основе отрицательного отношения к многоженству лежит установка «ни одна женщина не может быть счастлива в таком браке» (25,4 %), женщин более чем в 2 раза больше в сопоставлении с мужчинами – 30,4 % и 13,0 %, соответственно. Среди положительных установок в отношении полигамии лидирует суждение «ислам допускает многоженство», отмеченное 18,0 % опрошенных по всему массиву, среди них 31,5 % мужчин, женщин более чем в 2 раза меньше (12,6 %). При позитивном отношении к многоженству, 15,9 % респондентов «не хотят быть в таком браке, это сложно», среди них почти равные части мужчин и женщин 14,8 % и 16,3 %, соответственно. В основе положительного восприятия многоженства лежит существенное уточнение – «если мужчина не уходит из "первой" семьи и ее обеспечивает», отмеченное 10,6 % респондентов по всей выборке, по гендерной принадлежности 20,4 % мужчин, женщин заметно меньше (6,7 %). Суждения «положительно, в Дагестане мужчин меньше, чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья», «положительно, это позволит решить проблему с демографией», «положительно, если мужчина хочет много детей», «положительно, чтобы иметь детей в законном, с точки зрения ислама, браке» отмечены 7,4 %, 4,2 %, 3,2 %, 2,6 %, соответственно. На дисбаланс мужского и женского населения в республике, «а каждая женщина заслуживает счастья» указывают 18,5 % мужчин.

В настоящее время явно наблюдается приоритетность исламского учения и его роль в повседневной жизни дагестанца. Независимо от отношения к религии (верующий/неверующий), дагестанцы отмечают исламские религиозные праздники, в семейной и похоронной сферах следуют предписаниям вероисповедания. При рассмотрении института полигамии, отношения к свадебному подарку (махру) представляется необходимым показать отношение женщины к желанию мужчины иметь «вторую жену». Реалии свидетельствуют о том, что еще до женитьбы мужчины заводят речь и своем желании иметь «вторую жену. Порой складывается впечатление, что наличие «второй жены» выступает индикатором «успешности» мужчины, его самооценки и демонстрации перед окружающими собственной материальной состоятельности. Еще одним предметом обсуждения для будущих супругов, которые засватаны, но по исламским предписаниям нельзя встречаться и общаться, является заключение никяха до официальной проведения свадебной церемонии. То есть, девушка живет в доме родителей, но при этом находится в браке с исламской точки зрения, соответственно, под полным контролем своего супруга. Такое положение девушки, которую официально не выдали замуж, вызывает недовольство у родителей, тем более, когда происходит навязывание молодой жены собственного видения ее внешнего облика супругом. Интервью с девушками показывает, что молодые активно обсуждают не только свое будущее, но и мужчина «проверяет» реакцию молодой супруги на свое желание иметь «вторую жену». В исследовании был задан вопрос «Ваш супруг ведет с Вами разговоры о желании иметь "вторую жену"?», на который утвердительно ответили 5,6 % мужчин и существенно большая часть женщин (18,5 %), отрицательной позиции придерживаются 13,0 % мужчин и 79,0 % женщин. Необходимо отметить, что этот вопрос многие мужчины-респонденты пропустили.

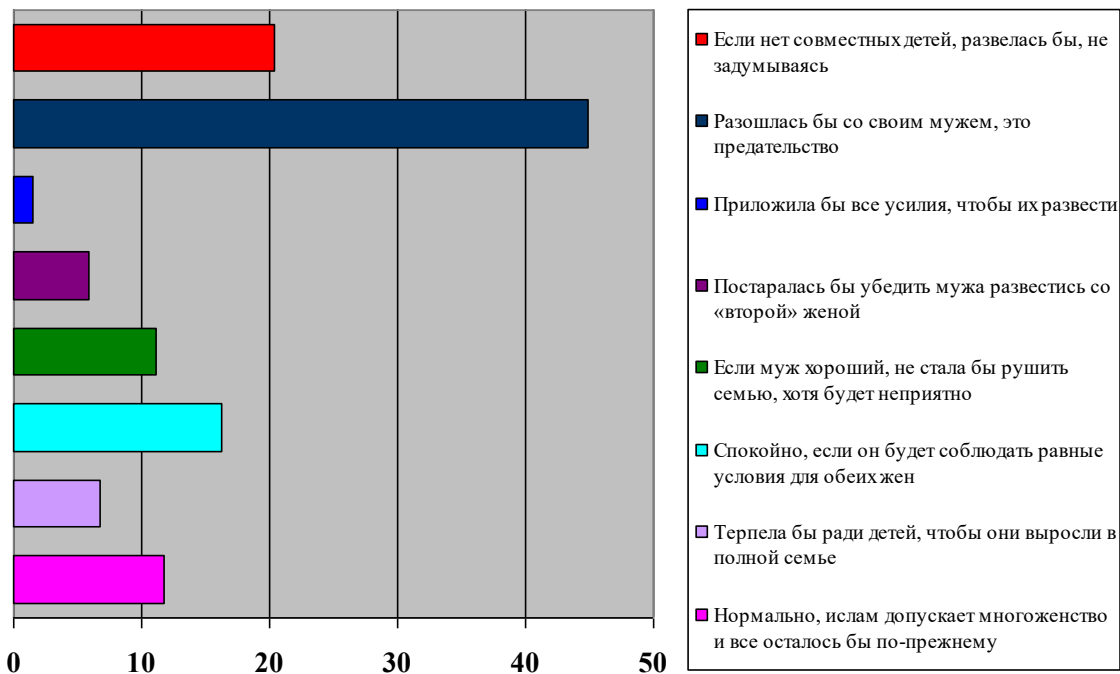
Вопрос полигамии активно обсуждается в рамках социологии семьи, ему

посвящены исследования этнографов, фамилистов. Необходимо учитывать, что абстрактная оценка института многоженства кардинально отличается от поведения самой женщины, которая столкнулась с тем, что супруг имеет «вторую жену» (можно утверждать полноценную семью, где растут дети). На этот аспект было обращено внимание в рамках исследования дагестанской молодой семьи (см.: гист. № 3).

Аналитический материал на вопрос «Если бы Вы узнали, что Ваш муж завел себе "вторую" жену, как бы Вы поступили?» показывает доминирование в установках 44,9 % опрошенных женщин суждения «разошлась бы со своим мужем, это предательство». На выбор данной позиции не влияет отношение к религии несмотря на то, что ислам допускает полигамию, поэтому 29,6 % верующих женщин настроены категорично. Обращает на себя внимание рост готовых на развод с повышением возраста с 24,0 % в разрезе 18–25 лет до 33,3 % в интервале 26–35 лет. С 2-х кратным разрывом второе место занимает вариант ответа «если нет совместных детей, развелась бы, не задумываясь» (20,4 %), то есть для опрошенных женщин наличие детей выступает преградой при принятии решения о разводе. Вместе с тем, к наличию у супруга «второй жены» относятся «спокойно» 16,3 % респонденток при условии, «он будет соблюдать равные условия для обеих жен»; анализ показывает существование внутригруппового различия, так придерживающихся данной позиции больше в возрасте 26–35 лет (11,6 %) и существенно меньше в подгруппе 18–25 лет (6,6 %), в подмассиве разведенных (17,9 %) и 9,1 % состоящих в браке.

Гистограмма 3

Распределение ответов на вопрос «Если бы Вы узнали, что Ваш муж завел себе "вторую" жену, как бы Вы поступили?» (можно отметить 2 варианта ответов, %)

Далее, 11,8 %

опрошенных наличие у супруга «второй жены»

рассматривают положительно, поэтому не готовы

предпринять какие-либо шаги и выделяется возрастной срез 18–25 лет (16,4 %).

«Терпеть» параллельное существование второй семьи с мотивацией «ради детей, чтобы

они выросли в полной семье» готовы 6,7 % женщин, при этом 5,9 % респонденток «постарались бы убедить мужа развестись со "второй" женой» и 1,5 % «приложила бы все усилия, чтобы их развести».

Заключение

В современном дагестанском обществе сложилось неоднозначное отношение к одному из исламских правил заключения брачного союза – выплате свадебного подарка (махр). По мусульманскому учению махр или садак является обязательным для выполнения правилом в семейно-брачной сфере, но его объем или сумма вызывают острые дискуссии в нашем обществе. Игнорирование уровня материального благополучия будущего супруга, при апелляции к мусульманскому предписанию, создает почву для конфликта: естественно, что молодой человек из необеспеченной семьи не в состоянии выплатить калым и махр, все тяготы ложатся на плечи родителей, что вполне может вызвать недовольство требованиями будущей жены (невестки) со стороны родственников. Результаты социологического опроса являются яркой демонстрацией избирательности опрошенных молодых дагестанских женщин в части следования исламским постулатам: при жестком обозначении своей позиции в отношении махра и его выплаты, причем именно в том объеме, который требует женщина, одновременно наблюдается «отход» от положения мусульманства допускающего полигамию. То есть, там, где есть материальная выгода и получение вознаграждения, опрошенные женщины четко обозначают свои личные интересы, а в сфере возможного ущемления их женского самолюбия, желания супруга иметь «вторую жену» наблюдается трансформация брачного поведения: респондентки показывают неприятие института многоженства, нежелание смириться с решением супруга иметь параллельно вторую семью.

Литература

- Абдулагатов, З.М.* Исламское сознание в глобализационных процессах: проблемы адаптации / З.М. Абдулагатов. – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф) (Махачкала), 2012. – 180 с.
- Абдулагатов, З.М.* Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан) / З.М. Абдулагатов. – Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2021. – 288 с.
- Абдулагатов, З.М.* Гендерные особенности исламского сознания на Северном Кавказе (результаты социологических опросов) / З.М. Абдулагатов // Женская активность: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2021. – С. 303–310.
- Алиев, А.К.* Многоженство – социальная болезнь / А.К. Алиев // Народы Дагестана. – 2013. – № 5. – С. 25–27.
- Антонов, А.И.* Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов / А.И. Антонов. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.
- Верещагина, А.В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе / А.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону, 2009. – 264 с.
- Верещагина, А.В., Загирова, Э.М.* Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения (итоги социологического опроса) / А.В. Верещагина, Э.М. Загирова // Социологические исследования. – 2022. – 2. – С. 117–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>
- Габараева, М.Р.* Отношение к многоженству в Дагестане: контент-анализ социальных сетей / М.Р. Габараева // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2020. – № 24. – С. 245–254.
- Гаджиева, С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1985. – 359 с.
- Голод, С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ / С.И. Голод // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Том VI. – № 2. – С. 106–119.
- Загирова, Э.М.* Традиционная семья в Дагестане: специфика и альтернативы институциональной трансформации / Загирова. – М.: Русайнс, 2021. – 150 с.
- Махр и калым: что полагается выплатить невесте? // Islam.Global. URL:

- <https://islam.global/semya/semeynaya-zhizn/makhr-i-kalym-chto-polagaetsya-vyplatit-neveste/>
 Миримова, А.А. Объективные и субъективные факторы возникновения полигамии в обществе / А.А. Миримова // Исламоведение. – 2010. – № 4. – С. 96–106.
- Рамазанов, Р.О. Начальный сегмент мусульманского образования в Республике Дагестан: история, современное состояние, проблемы / Р.О. Рамазанов. – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 264 с.
- Резолюция Совета алимов Дагестана (Принята 24 февраля 2025 года, г. Махачкала) // ИсламДаг.ру. URL: <https://islamdag.ru/vse-ob-islame/59102>
- Хапчаев, С.Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ / С.Т. Хапчаев // Современный ученый. – 2018. – №3. – С. 25–34.
- Шарафуддин Абу Марьям Махр в исламе // Даруль-Фикр. URL: <https://darulfikr.ru/articles/mahr-v-islame/>
- Шахбанова, М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества / М.М. Шахбанова. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 358 с.
- Шахбанова, М.М. Этноконфессиональные и языковые процессы в городском пространстве современного Дагестана / М.М. Шахбанова. – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 481 с.
- Шахбанова, М.М. Межрелигиозный брачный союз: оценка и восприятие в массовом сознании молодого поколения (на примере Республики Дагестан) / М.М. Шахбанова // Комплексное развитие сельских территорий в местах добычи природных ресурсов: материалы Всероссийской конференции с между народным участием, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Году семьи в Российской Федерации, 80-летию Алтайского района Республики Хакасия (5–6 июля 2024 г.). – Абакан: Бригантина, 2024. – С. 151–153.
- Имам Яхья бин Шараф ан-Навави Минхадж ат-талибин / Имам Яхья бин Шараф ан-Навави. – Берут: Издательство: аль-Минхадж, 2005. – 712 с.
- Шейх Нуруддин Итр Что насчет женщин? / Пер. с араб. Умм Амин аль-Азхария / Шейх Нуруддин Итр. – Махачкала: Даруль-Фикр, 2023. – 312 с.
- Имам Яхья бин Шараф ан-Навави Раудат ат-талибин Т. 5 / Имам Яхья бин Шараф ан-Навави. – Дамаск: Издательство: аль-Файха', 2012. – 631 с.

References

- Abdulagatov Z.M. Islamic consciousness in globalization processes: problems of adaptation. *Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Tipografiya Alef) (Makhachkala) = Makhachkala: IE Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Alef Printing House) (Makhachkala)*, 2012; 180 p. (In Russ.)
- Abdulagatov Z.M. Family and school in solving the problems of preventing religious extremism and terrorism (on the example of the Republic of Dagestan). *Makhachkala: Izdatel'skiy dom "Dagestan" = Makhachkala: Dagestan Publishing House*, 2021; 288 p. (In Russ.)
- Abdulagatov Z.M. Gender-specific features of Islamic consciousness in the North Caucasus (results of sociological surveys). *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Women's activism: history and modernity. Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Makhachkala, 2021: 303-310. (In Russ.)
- Aliiev A.K. Polygamy is a social disease. *Narody Dagestana = Peoples of Dagestan*. 2013; 5: 25-27. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. Transformation of the family institution and demographic processes in Russian society. Rostov-on-Don, 2009; 264 p. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion (results of a sociological survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022; 2: 117-122. <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>
- Gabaraeva M.R. The attitude towards polygamy in Dagestan: a content analysis of social networks. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh = Izvestiya SOIGSI. The School of Young Scientists*. 2020; 24: 245-254. (In Russ.)
- Gadzhieva S.S. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX century. *M.: Nauka = M.: Science*, 1985; 359 p. (In Russ.)
- Golod S.I. Prospects of a monogamous family: a comparative intercultural analysis. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003; VI; 2: 106-119. (In Russ.)
- Zagirova E.M. The traditional family in Dagestan: specifics and alternatives to institutional transformation. *Moskva: Rusains = Moscow: Rusains*, 2021; 150 p. (In Russ.)

- Mirimova A.A. Objective and subjective factors of polygamy in society. *Islamovedenie = Islamic Studies*. 2010; 4: 96-106. (In Russ.)
- Ramazanov R.O. The initial segment of Muslim education in the Republic of Dagestan: history, current state, problems. *Makhachkala: ALEF = Makhachkala: ALEF*, 2022; 264 p. (In Russ.)
- Khapchaev S.T. Polygamy in Muslim law: a comparative historical analysis. *Sovremennyj uchenyj = Modern Scientist*. 2018; 3: 25-34. (In Russ.)
- Shakhbanova M.M. Ethnic, religious, and civil-state identities of Dagestani peoples in the context of the transformation of Russian society. *Makhachkala: ALEF = Makhachkala: ALEF*, 2016; 358 p. (In Russ.)
- Shakhbanova M.M. Ethnoconfessional and linguistic processes in the urban space of modern Dagestan. *Makhachkala: ALEF = Makhachkala: ALEF*, 2022; 481 p. (In Russ.)
- Shakhbanova M.M. Interreligious marriage: assessment and perception in the mass consciousness of the younger generation (on the example of the Republic of Dagestan). *Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij v mestah dobychi prirodnih resursov: materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj Desyatiletiju nauki i tekhnologii v Rossijskoj Federacii, Godu sem'i v Rossijskoj Federacii, 80-letiju Altajskogo rajona Respubliki Hakasiya (5–6 iyulya 2024 g.) = Integrated rural development in natural resource extraction sites: proceedings of the All-Russian Conference with international participation dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation, the Year of the Family in the Russian Federation, The 80th anniversary of the Altai region of the Republic of Khakassia (July 5-6, 2024)*. Abakan: Brigantine, 2024: 151-153. (In Russ.)
- Sheikh Nuruddin Itr What about women? / Translated from Arabic. Umm Amin al-Azhariya. *Makhachkala: Darul-Fikr = Makhachkala: Darul-Fikr*, 2023; 312 p. (In Russ.)
- Imam Yahya bin Sharaf al-Nawawi. *Rawdat al-Talibin*. Vol. 5. Damascus: or-sister', 2012; 631 p.
- Imam Yahya bin Sharaf al-Nawawi *Minhaj al-Talibin*. Beirut: ili-Minhad, 2005; 712 p.
- Mahr and kalym: what is supposed to be paid to the bride? URL: <https://islam.global/semya/semeynaya-zhizn/makhr-i-kalym-chto-polagaetsya-vyplatit-neveste>. (In Russ.)
- Resolution of the Council of Alims of Dagestan (Adopted on February 24, 2025, Makhachkala). URL: <https://islamdag.ru/vse-ob-islame/59102>. (In Russ.)
- Sharafuddin Abu Maryam Mahr in Islam. URL: <https://darulfikr.ru/articles/mahr-v-islame>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 26.07.2019

Дата окончания рецензирования: 4.09.2025

Дата принятия к публикации: 7.09.2025

Информация об авторе

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН; e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sciences in Sociology, Research Associate, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 303.01:330.3

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.7>

EDN UFVQWG

Содержание социально-экономических исследований в контексте дискуссии о системных деформациях в социальных науках

Евгений В. Романов¹

¹ Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

г. Магнитогорск, Россия

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Аннотация.

Введение. В статье оценивается справедливость утверждений о системных деформациях в современных общественных науках и причинах этих деформаций. Цель исследования состоит в определении задач общественных наук на современном этапе социально-экономического развития России, формулировки актуальных направлений исследований в контексте достижения экономического и культурного суверенитета.

Методы. Информационную базу исследования составляли данные SCImago Journal & Country Rank (2012–2022 гг.), научные статьи из базы научной электронной библиотеки e-Library. Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа результатов публикационной активности США и Великобритании 2012–2022 гг. (данные SCImago Journal & Country Rank (SJR)) по 10 отраслям наук с наибольшим количеством публикаций опровергается утверждение о падении авторитета социальных наук в мире. Доказывается, что основная проблема общественных наук состоит не столько в бюрократических методах управления наукой, сколько в идеологических установках лиц, принимающих решения. Внедрение «академического капитализма», базирующегося на неолиберальной идеологии, является основной причиной этих деформаций. В контексте внедрения «академического капитализма» в России мы рассматриваем и изменение подходов к оценке продуктивности научной деятельности российских исследователей. Задачи общественных наук на современном этапе социально-экономического развития России сформулированы на основе авторского понимания экзистенциальной сути конфликта России с «коллективным Западом». В этом контексте особое значение приобретают исследования, определяющие стратегию обеспечения экономического суверенитета.

Ключевые слова: социальные науки; «академический капитализм»; неолиберализм; «академический социализм»; экономический суверенитет.

Для цитирования: Романов Е.В. (2025). Содержание социально-экономических исследований в контексте дискуссии о системных деформациях в социальных науках. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 87-103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.7>

The content of socio-economic research in the context of the discussion of systemic deformations in the social sciences

¹ Evgeny V. Romanov

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University

Magnitogorsk, Russia

e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Abstract.

Introduction. The article evaluates the validity of statements about systemic deformations in modern social sciences and the causes of these deformations. The purpose of the research is to define the tasks of the social sciences at the present stage of socio-economic development of Russia, to formulate relevant research directions in the context of achieving economic and cultural sovereignty.

Methods. The information base of the study consisted of data from the SCImago Journal & Country Rank (2012-2022), scientific articles from the database of the scientific electronic library e-Library. Theoretical research methods were used: analysis (literature on the research problem, website materials), comparison and generalization, induction, synthesis.

Results and its discussion. Based on the analysis of the results of publication activity in the USA and Great Britain in 2012-2022. (data of SCImago Journal & Country Rank (SJR)) In 10 branches of science with the largest number of publications, the claim about the decline in the authority of social sciences in the world is refuted. It is proved that the main problem of the social sciences is not so much the bureaucratic methods of managing science as the ideological attitudes of decision makers. The introduction of "academic capitalism" based on neoliberal ideology is the main reason for these deformations. In the context of the introduction of "academic capitalism" in Russia, we are also considering a change in approaches to assessing the productivity of scientific activity of Russian researchers. The tasks of the social sciences at the present stage of Russia's socio-economic development are formulated on the basis of the author's understanding of the existential essence of Russia's conflict with the "collective West." In this context, research determining the strategy of ensuring economic sovereignty is of particular importance.

Keywords: publication activity; social sciences; "academic capitalism"; neoliberalism; "academic socialism"; economic sovereignty

For citation: Romanov E.V. (2025). The content of socio-economic research in the context of the discussion of systemic deformations in the social sciences. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 87-103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.7>

Введение

Написать данную статью нас побудила важная тема, затронутая профессором НИУ «Высшая школа экономики» А.В. Оболонским в статье «Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления». Утверждая, что «за последние годы авторитет социальных наук в мире упал» (Оболонский, 2022, 114), автор сделал попытку классифицировать негативные явления в современных общественных науках и описать основные проблемы, которые порождают эти явления.

В нашей статье мы постараемся провести критический анализ логики рассуждений А.В. Оболонского в отношении рассматриваемого феномена, определить задачи социальных наук на современном этапе социально-экономического развития России, сформулировать актуальные направления исследований в контексте достижения экономического и культурного суверенитета.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляли данные:

- 1) SCImago Journal & Country Rank (2012-2022 гг.);
- 2) научной электронной библиотеки e-Library.

Использовались теоретические методы исследования: анализ (литературы по проблеме исследования, материалов сайтов), сравнение и обобщение, индукция, синтез.

Результаты

Падение авторитета социальных наук в мире: миф или реальность?

Изначально сформулированный А.В. Оболонским тезис о падении авторитета социальных наук в мире носит декларативный характер, поскольку ничем не подтвержден. Более того, по нашему мнению, это утверждение не соответствует действительности.

Мы опирались на данные SCImago Journal & Country Rank (SJR), с помощью которых проведен анализ изменения публикационной активности США и Великобритании по 10 отраслям наук, в которых за 11 лет (с 2012 по 2022 гг.) было зафиксировано наибольшее количество публикаций. Данный портал включает журналы и научные показатели, разработанные на основе информации, содержащейся в базе данных Scopus.

На момент обращения к ресурсу (июнь 2025 года) в SJR представлены данные и за 2023, и за 2024 годы. Однако данные за эти годы не являются полными, они будут еще изменяться. Например, число публикаций США по медицине (Medicine) в 2023 и 2024 гг. составило 267,25 и 276,49 тыс. единиц соответственно, что можно было бы интерпретировать как снижение публикационной активности в этой области по сравнению с предыдущими годами. Однако в

области социальных наук (Social Sciences) наблюдается устойчивый тренд по увеличению числа публикаций. Например, число публикаций США в 2023 и 2024 годах составило 84,62 и 87,29 тыс. документов соответственно. А число публикаций в Великобритании за этот же период составило 32,97 и 36,16 тыс. единиц соответственно. Через два года после коррекции показателей публикационной активности эти значения будут еще больше. Таким образом, для понимания тренда относительно публикационной активности в рассматриваемых предметных областях в период 2012–2022 гг. является вполне показательным.

Как видно из табл. 1, в США в области общественных наук наблюдается наиболее активный рост числа статей в сравнении с другими областями знаний.

Анализ динамики публикационной активности Великобритании (табл. 2) позволяет сделать аналогичный вывод.

Это свидетельствует о том, что в двух ведущих странах «коллективного Запада» исследованиям в области социальных наук уделяется особое внимание. И не случайно, что 1 и 2 место по общему числу статей в рассматриваемой области принадлежало этим странам¹. И если США сохраняет лидерство, то с 2021 года Великобритания уступила второе место Китайской Народной Республике. Примечательно, что если в 2021 году США опережали КНР по числу публикаций в области социальных наук в 2,5 раза, то к 2024 году разрыв снизился до 1,7 раза.

Таблица 1 – Количество документов США, индексируемых в Scopus (2012–2022 гг.), по областям исследований с наибольшим количеством статей*

Тематическая область	Количество документов по тематическим областям, тыс. ед. (место страны по числу статей)							
	2012	2015	2016	2018	2019	2020	2021	2022
Медицина (Medicine)	207,29 (1)	228,99 (1)	234,14 (1)	246,80 (1)	250,54 (1)	275,65 (1)	297,79 (1)	274,47 (1)
Технические науки (Engineering)	91,31 (2)	101,23 (2)	101,90 (2)	102,59 (2)	101,98 (2)	99,09 (2)	95,88 (2)	95,65 (2)
Биохимия, генетика и молекулярная биология (Biochemistry, Genetics and Molecular Biology)	84,63 (1)	83,48 (1)	82,23 (1)	85,55 (1)	86,39 (2)	89,70 (2)	95,87 (2)	89,96 (2)
Информатика (Computer Science)	62,89 (2)	75,30 (1)	79,32 (2)	80,02 (2)	82,93 (2)	81,81 (2)	81,96 (2)	82,18 (2)
Общественные науки (Social Sciences)	61,32 (1)	71,62 (1)	74,24 (1)	79,82 (1)	79,94 (1)	83,91 (1)	85,05 (1)	84,58 (1)
Физика и астрономия (Physics and Astronomy)	65,47 (1)	64,24 (2)	68,88 (2)	67,71 (2)	66,27 (2)	64,48 (2)	61,80 (2)	60,71 (2)
Материаловедение (Materials Science)	44,62 (2)	47,57 (2)	48,66 (2)	49,28 (2)	49,21 (2)	48,64 (2)	44,51 (2)	43,33 (2)
Сельскохозяйственные и биологические науки (Agricultural and Biological Sciences)	37,36 (1)	39,67 (1)	40,01 (1)	42,24 (2)	43,68 (2)	45,14 (2)	48,18 (2)	44,02 (2)
Математика (Mathematics)	34,60 (2)	38,02 (2)	41,55 (2)	43,11 (2)	43,79 (2)	43,98 (2)	42,82 (2)	44,95 (2)
Химия (Chemistry)	36,05 (2)	39,67 (2)	38,98 (2)	40,38 (2)	41,84 (2)	42,10 (2)	41,30 (2)	39,77 (2)
Общее число документов** по всем	676,24 (1)	708,97 (1)	716,27 (1)	744,31 (1)	733,09 (1)	742,76 (2)	768,10 (2)	736,87 (2)

¹ С 2021 года на второе место по общему количеству статей в области социальных наук вышла Китайская Народная Республика.

областям								
*Источник: SCImago Journal &Country Rank (SJR). United States// https://www.scimagojr.com/countrysearch.php?country=US (дата обращения: 17.06.2025)								
** Журнальные статьи, материалы книжных серий, конференций, сборников трудов, проч.								

Тот факт, что с 2021 года Китайская Народная Республика вышла на второе место в мире по общему количеству статей в области социальных наук, может свидетельствовать о возрастании роли социальных исследований в контексте обоснований концепций справедливого мироустройства и устойчивого развития.

Таблица 2 – Количество документов Великобритании, индексируемых в Scopus (2012–2021 гг.), по областям исследований с наибольшим количеством статей*

Тематическая область	Количество документов по тематическим областям, тыс. ед. (место страны по числу статей)							
	2012	2015	2016	2018	2019	2020	2021	2022
Медицина (Medicine)	57,37 (3)	64,36 (3)	65,01 (3)	68,10 (3)	70,48 (3)	78,58 (3)	87,74 (3)	81,56 (3)
Технические науки (Engineering)	21,37 (5)	26,78 (6)	28,78 (6)	29,79 (6)	31,13 (5)	30,95 (6)	31,95 (5)	32,78 (5)
Общественные науки (Social Sciences)	22,07 (2)	24,83 (2)	26,11 (2)	29,07 (2)	29,98 (2)	32,03 (2)	32,43 (3)	32,27 (3)
Биохимия, генетика и молекулярная биология (Biochemistry, Genetics and Molecular Biology)	19,48 (5)	20,90 (4)	20,93 (3)	22,11 (3)	22,52 (4)	24,27 (4)	26,85 (4)	24,53 (4)
Информатика (Computer Science)	16,95 (5)	21,26 (5)	23,12 (5)	23,49 (5)	25,32 (5)	25,73 (5)	26,34 (5)	27,55 (5)
Физика и астрономия (Physics and Astronomy)	18,01 (6)	20,69 (6)	21,86 (7)	22,02 (7)	22,39 (7)	22,18 (7)	22,37 (7)	21,90 (7)
Материаловедение (Materials Science)	10,65 (8)	12,50 (8)	12,74 (8)	13,62 (8)	14,33 (8)	14,86 (8)	14,36 (8)	14,16 (8)
Искусство и гуманитарные науки (Arts and Humanities)	10,39 (2)	11,72 (2)	12,63 (2)	13,54 (2)	13,26 (2)	13,42 (2)	13,26 (2)	12,86 (2)
Математика (Mathematics)	9,98 (5)	11,75 (5)	13,39 (5)	14,05 (5)	14,24 (5)	14,23 (5)	14,47 (5)	15,02 (5)
Наука об окружающей среде (Environmental Science)	8,20 (3)	9,89 (3)	10,76 (3)	12,56 (4)	13,31 (4)	14,64 (4)	16,55 (5)	16,25 (4)
Общее число документов* по всем областям	198,84 (3)	211,80 (3)	225,96 (3)	234,21 (3)	231,27 (3)	238,12 (3)	253,15 (3)	247,05 (4)
Составлено автором. Источник: SCImago Journal &Country Rank (SJR). United Kingdom// https://www.scimagojr.com/countrysearch.php?country=GB (дата обращения: 17.06.2025)								
** Журнальные статьи, материалы книжных серий, конференций, сборников трудов, проч.								

Системные деформации в социальных науках: существует ли феномен?

По мнению А.В. Оболонского, системные деформации в социальных науках являются результатом технократического редукционизма и социального конформизма в этих науках. Это, по мнению исследователя, приводит к неоправданному снижению общественного статуса ученого и уровня уважения к нему как творческой личности.

Утверждается, что бюрократия является общей причиной и проблемой появления негативных явлений в общественных науках – «в ее злокачественных патологических разрастаниях, в ее непомерной и агрессивной эскалации, экспансии во все сферы общественной жизни» (Оболонский, 2022, 116).

Нам представляется, что именно идеологические установки лиц, принимающих решения в совокупности с определенными личностными качествами, во многом определяют существо тех или иных бюрократических решений. Мы считаем, что между личностными качествами субъекта и идеологическими установками, которыми он руководствуется, существует корреляция².

Не случайно, что обновление политической элиты, о необходимости которого говорит Президент РФ В.В. Путин, связывается с приходом в органы власти всех уровней людей, которые на деле доказали любовь к Родине и являются носителями традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Смена экономической формации, которая, по сути, произошла в 1991 году в России, отразилась на системе образования и науки. Реформирование российского высшего образования и науки, системно начавшееся в 2012 г., связано с попыткой внедрить «академический капитализм» (Романов, 2023а). Это предполагало импортирование принципов нового государственного менеджмента (new public management) (Hood 1991) – менеджериализма – в сферу науки и образования.

Существенный вклад в развитие концепции «академического капитализма» внесли Ш. Слотер, Л. Лесли (Slaughter, Leslie 1997, 2001), Г. Роудс, Ш. Слотер (Rhoades, Slaughter 1997).

«Академический капитализм» определен как «стремление к рыночной и подобной рынку деятельности по привлечению внешних денежных средств» (Slaughter, Leslie, 1997,17) (здесь и далее перевод мой – Е.Р.), которое проявляется в межведомственной конкуренции за плату за обучение, доходы от грантов и потенциальные доходы от использования результатов интеллектуальной деятельности.

«Рыночное поведение» состоит не только в конкуренции учреждений за источники финансирования, но и конкуренции между преподавателями (Slaughter, Leslie, 2001, 154).

Таким образом, внедрение «академического капитализма» связано с развитием конкуренции как между образовательными организациями, так и между преподавателями в рамках одной образовательной организации.

«Академический капитализм» оказывает сильное влияние на профессорско-преподавательской состав университетов. Л. Гонзалес с соавторами ввел понятие «стремящегося университета» (“striving university”) – университета, который стремится к престижу (“prestige-seeking”), и единственной целью такого университета является продвижение в рейтингах и повышение престижа учреждения (Gonzales et al., 2014).

Следствием внедрения «академического капитализма» стало признание зарубежными исследователями потери университетским образованием своей сущности, его превращения в имитацию бизнеса (Donatiello, Gherardini 2019; Hall 2018). В частности утверждается, что «университеты переориентируются на служение рынку вместо служения общественному благу» (Holmwood, Marcuello Servós, 2019, 309), «теряется философия высшего образования как общественного блага, в равной степени доступного как для бедных, так и для представителей среднего класса, и для богатых студентов» (Somers et al., 2018, 37).

Это проявляется и в изменении соотношения исследовательской и собственно преподавательской деятельности в структуре рабочего времени университетских профессоров, и в подходе к определению размеров вознаграждения за профессиональную деятельность. Еще

² «Чистки» в Министерстве обороны РФ дают основание судить о справедливости данного утверждения.

в 1993 г. J. S. Fairweather отмечал, что в США происходит движение «к единой структуре вознаграждения преподавателей, зависящей от публикации, затрат времени на исследования и минимизации участия в обучении» (Fairweather, 1993, 62).

D. Bennett с соавторами установил, что преподаватели, ориентированные только на преподавание, указывают на отсутствие сценариев карьерного роста или продвижения по службе (Bennett et al., 2018). На основе анализа данных о более 4000 преподавателей, работающих на ставку в колледжах и университетах, M. Kwiek было установлено, что преподавательская деятельность редко вознаграждалась; в некоторых случаях время, затраченное на преподавание, отрицательно влияло на заработную плату (Kwiek, 2018).

Развитие «академического капитализма» неизбежно приводит к «пролетаризации» преподавателей (Ellis et al., 2014) и прекаризации преподавательского труда, связанного с неполной занятостью (Comois, O'Keefe, 2015). Сущность «пролетаризации» состоит в том, что «обычные» преподаватели «лишены возможности присваивать прибавочную стоимость от своего труда» (“deprived of the capacity to appropriate surplus-value from their labour”). В то же время преподаватели-исследователи имеют возможность «капитализировать» свой опыт – вознаграждается публикационная активность, выигранные гранты приносят новые гранты, патенты дают возможность получать роялти от заключенных лицензионных соглашений и т.д.

Нам представляется важной мысль, что менеджеристское управление не способствует кадровому воспроизводству в высшей школе России (Ковалев, Дятлов, 2024, 47): «Вузам выгодно много аспирантов и по финансовым соображениям, и с точки зрения общего контингента обучающихся. Это ведёт к росту показателей эффективности. Однако применяемая... политика «брать всех, кто платит» снижает уже другой показатель – процент защищённости аспирантов... Положение пытаются исправить, заменяя диссертацию на защиту по научному докладу, снижая общие требования к научному тексту, подменяя науку наукообразностью... В итоге менеджеристское управление начинает противоречить собственным же публичным декларациям качества и эффективности».

Зарубежными исследователями признается, что реформы образования в мире в большой степени сформированы под действием неолиберальных программ (политических, экономических, культурных) (Teng et al., 2020).

Таким образом, выявление сущности неолиберализма является «ключом» к пониманию «академического капитализма», его трансформации в современных условиях. Анализ сущности современного этапа неолиберализма мы достаточно подробно представили в нашей статье (Романов, 2023б).

Резюмируя вышеизложенное, можно признать существование феномена деформаций в общественных науках России. Эти деформации являются следствием внедрения «академического капитализма», идеологическим основанием которого является неолиберализм. Таким образом, «академический капитализм» можно рассматривать в качестве «инструмента» деформации социальных наук. Выявление того, в какой степени этот «инструмент» порождает редуционизм и социальный конформизм в академической среде, представляет собой тему отдельного исследования.

Источники профанации науки: критика аргументации

В статье А.В. Оболонского утверждается, что ученые сознательно принимают статус **«ученых приказчиков» при чиновных вельможах**. Этот статус предполагает профанацию науки. В качестве примера такой профанации автор приводит муссирование идеи «особого пути» России в научных работах, отмечая, что «оправдание настоящего через мифологизированное приукрашивание прошлого – типичный вариант апологетики авторитарных режимов» (Оболонский, 2022, 117).

Примечательно, что рассуждение о мифологеме особого пути А.В. Оболонский начал на страницах **академического журнала** еще в 2017 году, указывая, что концепт особого пути был обусловлен переменами во внутренней политике, когда «либеральные реформы 1990-х гг. сменились контрреформами путинских лет. Внешняя же политика в ее геополитическом воплощении стала своего рода переключателем для массового сознания» (Оболонский, 2017, 78). При этом обоснований, в чем состоят «контрреформы путинских лет», автор не приводит.

В более поздней статье (Оболонский, 2018), рассуждая о том, что идеологема особого пути в последнее время приобретает агрессивный характер, автор в качестве одного из примеров приводит «возвращение» Крыма (именно так – в кавычках). В ряду таких «смелых» утверждений – и утверждение о том, что «концепция суверенной демократии» имеет отнюдь не народное происхождение, «а зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями» (Оболонский, 2018, 22).

Нам представляется, что неприятие «настоящего» свойственно для многих носителей либерально-демократических убеждений, к которым себя относит и А.В. Оболонский. И это неприятие базируется либо на непонимании, либо сознательном игнорировании экзистенциальной сути конфликта России с «коллективным Западом». Более подробно об этом мы скажем ниже.

Для понимания того, кому противостоит Россия, наглядной иллюстрацией может быть статья Томаса Грэма, занимавшего должность старшего директора по России в аппарате Совета национальной безопасности при администрации Буша-младшего.

«Путин развязал короткую войну против Грузии..., чтобы предотвратить ее дальнейшее продвижение к членству в НАТО. С аналогичной целью он аннексировал Крым и спровоцировал сепаратистский конфликт на востоке Украины в 2014 году. Он отдал приказ о военном вторжении в Сирию в 2015 году...» (Graham, 2022, 1)³.

Думается, комментировать эту точку зрения бессмысленно. Достаточно лишь указать на то, что Комиссия Европейского союза (ЕС) в 2009 году пришла к выводу, что конфликт в Южной Осетии начался с агрессии Грузии, и признала ее ответственной за развязывание военных действий в августе 2008г⁴. Показательно, что в последнее время официальные лица Грузии вообще признают источником 2008 года преступные деяния М. Саакашвили.

Интересным является исторический экскурс Т. Грэма, в результате которого делается вывод о том, что в большой стратегии России в отношении Запада присутствует важнейший элемент: «политически целесообразные ограничения на приток западных идей в Россию» (Graham, 2022, 3). И во многом эта традиция была заложена Александром II, целью режима которого «всегда было заимствовать у Европы как можно меньше, чтобы сохранять, насколько это было возможно, фундаментальные и по сути антиевропейские характеристики своей автократии».

Данный тезис нам представляется совершенно несостоятельным. Конструктивные западные идеи использовались и в эпоху правления Александра II, и после него. В правление Александра III в России зарождается марксизм. Можно говорить, что Россия заимствовала у Европы конструктивные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Это привело к победе социалистической революции в октябре 1917 года, повлекшей за собой фундаментальные изменения во всем мире. После победы в Великой Отечественной войне СССР (приемником которого стала Россия) возглавил антиколониальную борьбу. И современный этап борьбы России с «коллективным Западом» – это борьба с современной версией колониализма – неоколониализмом.

Обсуждение

Мы считаем, что можно согласиться с утверждением А.В. Оболонского о существовании подмены содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями: «имеется в виду абсолютизация таких критериев оценки труда ученого, как публикационная активность (количество его статей в так называемых высокорейтинговых журналах), индекс цитируемости работ, регулярность публикаций и т.п.» (Оболонский, 2022, 120).

Здесь мы видим два аспекта. Первый состоит в том, что новые критерии оценки труда

³ Нам представляется, что понимание России и ее Президента отражается в выводе Т. Грэма о том, что «в последние годы президент России Владимир Путин отказался от реальной политики в пользу мессианского мышления. Такое мышление лежало в основе его решения вторгнуться на Украину» [Graham, 2024, p. 462]. Подобного рода вывод является наглядным подтверждением вывода, что на Западе деградируют не только представители властных элит, но и экспертного сообщества.

⁴ Косарев Д. Эксперты ЕС официально признали Грузию виновной в развязывании войны с Южной Осетией. Российская газета – Столичный выпуск: №184(5008). 30.09.2009. URL: <https://rg.ru/2009/10/01/gruzia.html?ysclid=lttlxf5d8j639023905>

ученого стали инструментами, обеспечивающими захват идейно-смыслового пространства российских общественных наук.

А.Р. Тузиков справедливо отмечает, что «в целом новейшая история российской высшей школы – это показательный кейс идеологического противоборства в понимании и отстаивании трактовок прогресса, современности, модернизации и т.п.» (Тузиков, 2020, 61). Сокращение часов на изучение социальных наук и содержание дисциплин (политология и экономика) «несут в себе идеологические дискурсы, не коррелирующие с задачей укрепления российской идентичности студенчества». Захват идейно-смыслового пространства российских общественных наук (в том числе посредством «соросовских» грантов в 90-х годах XX века)⁵ следует рассматривать в контексте изменения подходов к оценке продуктивности научной деятельности российских исследователей, которая преимущественно стала «измеряться» по публикационной активности и цитированию статей, проиндексированных в ведущих мировых наукометрических базах Web of Science (WoS) и Scopus. Вызывает сомнение, что за рубежом будут интересны статьи российских исследователей относительно неоскаженных фактов о причинах Второй мировой войны, роли СССР в победе над фашизмом, «генезиса» неонацизма на Украине и т.д. Соответственно имитационная практика будет выражаться в подготовке статей, содержание которых соответствует идеологическому дискурсу за рубежом.

Второй аспект состоит в том, что требования публикации статей, индексируемых в WoS и Scopus, имели вполне прагматическую основу. Мы склонны предполагать, что Минобрнауки (вольно или невольно) с 2012 года способствовало появлению посредников, предлагающих «помощь» по публикации статей российских авторов в зарубежных журналах (в том числе «мусорных»). Это явилось ответом на созданный спрос по «продвижению» публикаций результатов исследований преподавателей вузов (в первую очередь по гуманитарным, социально-экономическим наукам) в журналах, индексируемых в WoS и Scopus.

Соответственно актуальными представляются исследования, направленные на изучение экономических механизмов в сфере «публикационной активности» и роли бывшего руководства Министерства образования и науки РФ в этом механизме.

Следует указать на несколько существенных моментов, которые следует учитывать при рассмотрении вопросов, связанных с публикационной активностью.

Первое. Можно считать доказанным, что формализованная оценка результатов способствует искажениям в производстве научных знаний (Woelert, 2013; Тамбовцев, Рождественская, 2014; Фролов, 2016; Grimes et al., 2018; Курбатова и др., 2020; Балацкий и др., 2021). Дублирующие (избыточные) публикации вкупе с «организацией клубов цитирования» (“organization of citations clubs”) подрывают «эффективное распространение... и совместное построение новых, оригинальных форм научного знания» (Woelert 2013, 351). В работе D.R. Grimes с соавторами (Grimes et al., 2018) приводится известный пример публикации в авторитетном медицинском журнале *The Lancet* статьи о связи между вакциной против кори, паротита и краснухи с повышенным риском аутизма. Статья была отозвана журналом по причине ложной информации.

Второе. В каждом российском вузе сложилась собственная система надбавок за публикационную активность. Исследователь начинает выбирать журнал, публикация в котором принесет больше «дивидендов», а не тот, через который знание будет распространяться наиболее эффективно (Романов, 2023а, 109).

В заключение этой части следует указать на то, что пересмотр подходов к оценке эффективности научной деятельности следует осуществлять таким образом, чтобы с «водой не выплеснуть и ребенка». С одной стороны, тот факт, что в опубликованных результатах эффективности вузов за 2022, 2023 гг. среди показателей эффективности научно-исследовательской деятельности отсутствуют данные о числе публикаций и цитирований статей, проиндексированных в WoS и Scopus, может свидетельствовать о том, что государство

⁵ Помимо прочего итогом деятельности Д. Сороса явилась «утечка мозгов», которая к 2000 году составила 1,5 млн. ученых и специалистов (см. Мунякин В. Сорос вывез из России 1,5 млн. лучших академиков, ученых, инженеров. Налоги России. URL: <http://www.taxru.com/blog/2010-11-21-2886>

пересматривает подходы к оценке эффективности научной деятельности вузов⁶. В соответствии с новым приказом Минобрнауки, в котором представлены новые показатели оценки эффективности деятельности вузов и их руководителей (вступил в действие с 1 января 2025 года⁷), из показателей эффективности научной деятельности также исключены показатели публикационной активности.

В показателях мониторинга эффективности деятельности вузов за 2024 г. приводится ссылка на соответствующий приказ, объясняющий отсутствие данных, касающихся публикационной активности.⁸

С другой стороны, наша позиция относительно публикаций результатов исследований по социально-экономическим и гуманитарным наукам, индексируемых в WoS и Scopus, такова: статьи должны стать инструментом продвижения русского языка и идей «русского мира» (в широком смысле слова), формирования единого научного пространства среди республик бывшего СССР. Государство должно обеспечить финансовую поддержку российским журналам, которые уже входят в мировые базы, и способствовать увеличению их числа: эти журналы следует рассматривать в качестве инструментов «мягкой силы» государства, поэтому и вопрос их финансирования должен решаться на государственном уровне (Романов, 2023а, 112).

О задачах общественных наук на современном этапе социально-экономического развития России

Формулировка задач перед научным сообществом должна осуществляться на основе понимания каждым представителем этого сообщества экзистенциальных угроз для развития страны и целей ее развития.

Современный этап социально-экономического развития России связан с противодействием «коллективному Западу», развязавшему «гибридную войну» против нашей страны. «Гибридный» характер войны предопределен стремлением «англосаксов» обеспечить доминирование над Россией (вплоть до потери нашей страной политического суверенитета), не прибегая (до последнего времени) к прямому вооруженному противостоянию.

В этом контексте в противостоянии с Россией Украине отводилась роль «ударного кулака» «коллективного Запада» для «победы на поле боя»; европейские страны должны были обеспечить поражение России в результате экономического противостояния и противостояния в гуманитарной сфере: а) подрыв экономики России на основе использования механизма санкций; б) создание неприглядного образа (расчеловечивания) России в глазах всего мира.

При этом основным бенефициаром этой войны должны стать США и отчасти Великобритания. Очевидно, что следствием полноценного ответа России на экономические

⁶ В соответствии с принятым 01.02.2022 г. приказом Минобрнауки № 92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений», из показателей эффективности научной деятельности исключены число публикаций, индексируемых в Web of Science и Scopus, и количество цитирований публикаций, проиндексированных в этих базах (см. Портал официального опубликования правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140027?ysclid=lwkk4w782953068045>)

⁷ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 08.07.2024 № 441 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080151?ysclid=lzowub6y5w641598972>)

⁸ В результатах мониторинга эффективности деятельности вузов за 2024 г. в ссылке к таблице показателей научно-исследовательской деятельности указано: «Не применяются показатели, связанные с публикационной активностью в изданиях (научных изданиях), журналах, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science, Scopus (приказ Минобрнауки России от 06.05.2022 № 42 «О неприменении отдельных положений некоторых актов Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в части требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью»).

санкции ЕЭС станет подрыв экономического потенциала европейских стран, снижение их глобальной конкурентоспособности. Расчет «коллективного Запада» состоял в том, что Россия не успеет дать этот полноценный ответ. Объяснением политики, проводимой, например, ФРГ как флагмана европейской экономики и основного донора в бюджет ЕЭС, может быть только одно – ставилась задача «сломать» Россию в краткосрочной перспективе. После того как Россия станет более сговорчивой, должен был последовать возврат к взаимной торговле, когда Россия будет поставлять ресурсы по ценам, которые будут предельно комфортными для «западных партнеров». При использовании дешевых российских ресурсов будут обеспечены условия для «зеленого перехода».

Существует и еще одна цель, связанная с тем, что США рассматривают Китай в качестве большей угрозы, чем Россию. «Обезжиривая» Европу, подрывая ее экономический суверенитет, США косвенно наносят удар по Китаю, поскольку структура торговли Китая с Европой существенно отличается от структуры торговли США и Европы⁹. При этом США рассчитывали, что многие европейские производители будут переносить производства в Соединенные Штаты. Однако этот расчет не совсем оправдывается. Например, крупнейший немецкий химический концерн BASF принял окончательное решение по развитию своего гигантского комплекса в Чжаньцзяне на юге Китая. Это же касается и крупнейшего автомобильного концерна Mercedes-Benz, который продаёт все 80 немецких автосалонов, включая штаб-квартиру в Штутгарте, и переезжает в КНР.

Цели развития России связаны с сохранением ее суверенитета. Общественные науки должны сыграть существенную роль в обосновании стратегии развития страны в контексте достижения этой цели. Если рассматривать «академический капитализм» в качестве «инструмента» деформации социальных наук, то устранение этих деформаций в контексте достижения культурного суверенитета мы связываем с обоснованием необходимости перехода к «академическому социализму». Данная концепция основывается на отрицании тотального внедрения рыночных принципов в сферу образования и науки. Она нацелена на формирование у обучающихся традиционных российских духовно-нравственных ценностей носителями «спрессованного» человеческого опыта (преподавателями вузов) и продвижение этих ценностей в мире (в том числе посредством государственной политики в области публикационной активности) (Романов, 2023а, 110). Реализация этой концепции предполагает изменения в базисе, нацеленные на максимальную «социализацию» российского капитализма. Так, мы отмечали, что новая экономическая политика России по аналогии с НЭПом 1920-х гг. должна предусматривать переход основных командных экономических высот в руки государства. Это означает, что создаваемый в системообразующих отраслях прибавочный продукт будет распределяться в интересах всех членов общества. Особенностью современного российского НЭПа должно стать максимальное поощрение и государственное содействие частной предпринимательской инициативе при создании материальных и духовных ценностей в областях, требующих гибкости и достаточно быстрой реакции на изменения. При этом солидаризм можно рассматривать в качестве «скелета» идеологии, который будет «обрастать мясом» по мере внедрения эффективных технологий формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Романов, 2023б, 131).

Очевидно, что экономический суверенитет является фундаментом для реализации иных форм суверенитета. Экономический суверенитет начинается с правильно выбранной стратегии реформирования экономики, базирующейся на глубоких методологических исследованиях, опирающихся на принцип объективности. Как известно, данный принцип выражается во всестороннем учете порождающих то или иное явление факторов, условий, в которых они развиваются, адекватности выбранных исследовательских подходов и средств, позволяющих

⁹ В 2023 году **экспорт** товаров из Европейского союза составил: США с долей 19,4% 535 млрд. долл. США; в Китай с долей 8,64% 238 млрд. долл. США; **импорт**: Китай с долей 20% (555 млрд. долл. США), США с долей 13,4% 366 млрд. долл. (см. Годовая статистика международной торговли товарами. Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/EuropeanUnion/TOTAL> (дата обращения: 10.03.2024)). Таким образом, Сальдо торгового баланса Евросоюза: положительное с США (+169 млрд. долл. США); отрицательное с Китаем (- 317 млрд. долл. США).

получить истинные знания об объекте. Следование этому принципу предполагает исключение субъективизма, односторонности и предвзятости в выборе и оценке фактов. Зачастую в исследованиях в области экономики можно наблюдать отход от данного принципа. Мы разделяем точку зрения академика РАН А.Д. Некипелова относительно актуальной тематики экономических исследований (Некипелов, 2022, 31): «О роли промышленной политики в защите и развитии национальной экономики в условиях мощных внешних шоков, о механизмах управления государственными активами, о подходах к проведению финансово-бюджетной и денежно-кредитной политики»¹⁰.

Нам представляется, что должна была начаться активная дискуссия относительно состояния российской экономики, в частности тезиса о ее «перегреве», который активно навязывался представителями Центробанка¹¹. В процессе этой дискуссии должен быть найден ответ на ключевой вопрос: на каких методологических основаниях строится финансово-бюджетная и денежно-кредитная политика в России? Если выяснится, что это неолиберализм, то следует пояснить, как это соотносится с государственной политикой: в Концепции внешней политики Российской Федерации¹² данная идеология, по сути, признана антигосударственной.

Российские исследователи указывают, что «наряду с принятой в России практикой ограничения роста инфляции (повышение ставки процента, сдерживание эмиссии – т.е. мер, ведущих к торможению роста) существует принципиально иной китайский опыт в области антиинфляционной политики. Его особенность заключается в том, что он не приводит к торможению экономического роста, поскольку акцентирован не столько на повышении ставок процента или ограничении эмиссии, сколько на мерах по поддержке предложения» (Маевский и др., 2023, 28).

Еще в начале 2022 года на страницах Российского экономического журнала была опубликована статья М.В. Ершова с соавторами (Ершов и др., 2022), в которой на основе анализа Федерального бюджета Минфина РФ и Основных направлений денежно-кредитной политики Банка России на 2022–2024 гг. был сделан вывод о необоснованном ужесточении подходов в этих двух документах. Обозначалась важность более активного участия монетарных властей в создании благоприятных условий для бизнеса и населения в обеспечении возможностей для экономического роста. Это согласуется и с точкой зрения академика РАН С.Ю. Глазьева (Глазьев, 2022), который указывал, что проводимая Банком России денежная политика не позволит выйти России и государствам-партнерам по ЕАЭС на опережающие темпы экономического роста.

Точка зрения о том, что технологическая модернизация российской экономики в рамках существующей экономической модели не может быть реализована, аргументированно обосновывалась (Колганов, 2022) именно на страницах Российского экономического журнала.

Парадокс состоит в том, что в России люди, ответственные за выработку стратегии экономического развития страны, не могут прийти к консенсусу относительно того, в каком положении находится экономика и какова должна быть стратегия ее развития. В этом смысле показательна дискуссия на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2025)

¹⁰ Примечательно, что А.Д. Некипелов разделяет либеральных экономистов и представителей академической науки: «Либеральные экономисты связывают меры по совершенствованию прав собственности, прежде всего, с ускорением процесса приватизации активов, сохраняющихся в собственности государства. С точки зрения представителей академической науки, ключевым в этой области является вопрос об устранении деформаций в системе корпоративного управления на большинстве крупных и средних российских предприятий» (Некипелов, 2022, с. 26-27).

¹¹ Под перегревом экономики глава Центробанка Э. Набиуллина понимает состояние экономики, когда объем выпуска превышает потенциальный ВВП, т.е. то количество товаров и услуг, которое экономика может произвести, исходя из имеющихся ресурсов, технологий, производственных процессов, цепочек без быстрого роста цен или раскручивания инфляционной спирали. О перегреве говорит наблюдавшееся в первом полугодии 2024 года сочетание высоких темпов роста ВВП и ускорения инфляции (см. Набиуллина назвала масштаб перегрева экономики максимальным за 16 лет. РИА НОВОСТИ. 26.07.2024. <https://ria.ru/20240726/ekonomika-1962191442.html>).

¹² «Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям» (раздел II. Современный мир: основные тенденции и перспективы развития) (см. Указ Президента России от 31.03.2023 г. № 229 «О концепции внешней политики Российской Федерации». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

между главой Центробанка РФ Э. Набиуллиной, министром экономического развития М. Решетниковым и министром финансов А. Силуановым¹³. По мнению министра экономического развития, экономика – «на грани перехода в рецессию». По мнению министра финансов, – «похолодание». А по мнению главы Центробанка, – «выход из перегрева». При этом глава Центробанка не поясняет, каким образом можно создать экономику предложения (о необходимости создания которой говорил В.В. Путин на ПМЭФ-2023) при существующем значении ключевой ставки.

Собственно, об отсутствии указанной стратегии свидетельствует и сама дискуссия: М. Решетников считает, что нужна смена экономической модели, в основе которой учет долгосрочных трендов, обеспечивающих потенциал роста. Э. Набиуллина считает, что экономика росла из-за того, что были задействованы свободные ресурсы: это и производственные мощности, импортозамещение, накопленные ресурсы ФНБ, запас капитала банковской системы. «Исчерпанием» этих ресурсов обуславливается необходимость разработки новой экономической модели. А. Силуанов не согласен с идеей смены модели экономического роста, считая, что существующая модель «работает».

Примечательно, что выступая на Пленарном заседании Государственной Думы в связи с внесением Президентом РФ его кандидатуры на должность Председателя Правительства, М.В. Мишустин указал на необходимость «развернуть новую модель экономического роста... через дальнейшее формирование экономики предложения, создание условий для открытия новых предприятий. Объем промышленного производства предстоит нарастить на десятки процентов (выделено мной – Е.Р.)»¹⁴.

Однако уже через год, отвечая на вопросы депутатов Государственной Думы после ежегодного отчета Правительства 26 марта 2025 года¹⁵, М.В. Мишустин сказал: «Нам необходимо наращивать темпы роста экономики в той степени, в какой это не противоречит макроэкономической стабильности и качеству жизни людей... Нельзя постоянно иметь очень высокие темпы роста. Однако именно балансы в этой области и экономика предложения дадут нам соответствующий результат».

Мы считаем, что представителями экономического блока и главой Центробанка или игнорируется, или не в полной мере учитывается опыт Москвы, который может быть положен в основу модели экономического роста. Так, на встрече Президента РФ В.В. Путина с мэром Москвы С.С. Собяниным 5 мая 2025 года были озвучены следующие цифры: прирост экономики за последний год – 5,5%. «А вообще за шесть лет, во время и пандемии, и санкций, и так далее экономика Москвы выросла на четверть», – сказал С.С. Собянин. Практически во всех отраслях экономики Москвы инвестиции за шесть лет выросли практически в два раза. Особенно ощутимый рост произошел в IT-сфере: 2023 год – 222 процента, а 2024-й – 316,5.

По логике главы Центробанка, это «перегрев». Однако комментариев относительно темпов роста в Москве и динамики «раскручивания инфляционной спирали» мы не услышим¹⁶.

С учетом всего вышеизложенного нам представляется, что именно экономическая социология должна дать ответы на вопросы относительно новой экономической модели. Считается, что экономическая социология является отраслью социологической науки, изучающей взаимоотношения между экономической и социальной сферами жизни общества, а также их взаимосвязь с другими сферами. Экономические исследования должны обосновать выбор грамотной стратегии экономических преобразований, обеспечивающих достижение

¹³ Афанасьева О. Потепление следует: во что вылился спор Решетникова, Силуанова и Набиуллиной на ПМЭФ. 20.06.2025. Известия. <https://iz.ru/1906986/olga-anaseva/poteplenie-sleduet-vo-cto-vylilsya-spor-reshetnikova-siluanova-i-nabiullinoy-na-pmehf>

¹⁴ Пленарное заседание Государственной Думы 10.05.2024. Государственная Дума, Москва. URL: <http://government.ru/news/51560/>

¹⁵ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. 26 марта 2025 г. Государственная Дума ФС РФ, Москва. URL: <http://government.ru/news/54597/>

¹⁶ Мы прогнозируем, что до конца 2025 года ключевая ставка Центробанка существенно снизится (до 15% и ниже). Это обусловлено позицией Президента РФ, высказанной на ПМЭФ-2025 относительно того, что нельзя допустить рецессии. Если стагнация и даже рецессия наступит, то с большой долей вероятности можно прогнозировать, что представители финансово-экономического блока и глава Центробанка лишатся своих постов (должны лишиться, поскольку процессы имеют рукотворный характер). Отдельного исследования требует тема накоплений граждан на депозитах: как полученные проценты по вкладам скажутся на «раскручивании инфляционной спирали».

экономического и технологического суверенитета, а значит, и положительные изменения в социальной сфере – создание оптимальных условий для воспроизводства человеческих ресурсов. Экономическая социология посредством своего инструментария (социологическое моделирование, социологическая экспертиза экономических преобразований) должна способствовать получению обоснованного вывода о глубине и длительности всех процессов (как позитивных, так и негативных), оказывающих соответствующее влияние на воспроизводство человеческого ресурса.

Именно исследования на стыке экономики и социологии должны способствовать разрешению центрального противоречия: между необходимостью формирования и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в числе которых приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, и опоры на эти ценности при выработке социально-экономической политики и неолиберальными методами управления экономикой, которые противоречат этим ценностям.

Заключение

Обоснование путей развития России с целью обеспечения технологического, экономического и культурного суверенитета должно осуществляться в контексте выработки соответствующей государственной политики в сфере культуры, образования и науки. Она должна быть нацелена в первую очередь на повышение качества «человеческого капитала» работников этих сфер, что предполагает оценку их способности как формировать, так и защищать традиционные российские духовно-нравственные ценности от деструктивного идеологического воздействия (Романов, 2023в, 42).

В современных условиях особое значение приобретает разработка концепции денацификации в ее различных аспектах (политических, экономических, культурных). Именно общественные науки должны дать ответ на вопрос относительно содержания этой концепции. Это обусловлено не только событиями на Украине, но и тем, что проявления нацизма все чаще наблюдаются на Западе. Привлекательная модель экономического, политического, культурного развития России, создаваемая в процессе разработки и реализации концепции денацификации, станет основанием «прорыва» в новый технологический уклад.

Литература

- Балацкий, Е. В.* Методы оценки качества научных экономических журналов / Е. В. Балацкий, Н.А. Екимова, О.В. Третьякова // *Journal of Institutional Studies*. – 2021–Т. 13.– № 2. – С. 27–52. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.027-052>
- Глазьев, С.Ю.* Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе / С.Ю. Глазьев // *Российский экономический журнал*. – 2022. – № 2. – С. 4–20. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20>.
- Ершов, М.В.* О денежно-кредитных и бюджетных подходах в России в 2022–2024 гг. / М.В.Ершов, А.С. Танасова, М.П. Цховребов // *Российский экономический журнал*. – 2022. – № 1. – С. 32–49. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-32-49>.
- Ковалев, В. В.* Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления / В.В.Ковалев, А.В. Дятлов // *Наука. Культура. Общество*. – 2024. – Т. 30. – № 2. – С. 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. EDN TDOEUA.
- Колганов, А.И.* Смешанная экономика СССР: уроки для России / А.И. Колганов // *Российский экономический журнал*. – 2022. – № 5. – С. 101–115. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-101-115>.
- Курбатова, М. В.* «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России / М.В. Курбатова, С.Н. Левин, К.С. Саблин // *Journal of Institutional Studies*. – 2020 – Т.12. – № 4. – С. 94–111. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111>
- Маевский, В.И.* Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: уроки экономики Китая / В.И. Маевский, С.Ю. Малков, А.А. Рубинштейн. – Препринт. М.: Институт экономики РАН, 2023. – 44 с.
- Некипелов, А.Д.* Академическая наука в дискуссиях по ключевым вопросам экономического развития современной России / А.Д. Некипелов // *Проблемы прогнозирования*. – 2022. – Т.194. – № 5. – С. 21–32. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-194-21-32>.

- Оболонский, А. В. О мифологеме «особого пути»/А.В. Оболонский // *Общественные науки и современность*. –2017. – № 6. – С. 77-82.
- Оболонский, А. В. Идеологема особого пути, или «Особый путь» в цивилизационный тупик/А.В. Оболонский// *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. –2018. –№ 2. – С. 18-31.
- Оболонский, А. В. Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления/ А.В. Оболонский // *Общественные науки и современность*. –2022– № 1. –С. 113-126. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010063>
- Романов, Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму»/Е.В. Романов//*Вопросы экономики*. –2023а. – №2. – С.100-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115>
- Романов, Е. В.Ценностные основания стратегии экономического развития России/Е.В. Романов // *Экономическое возрождение России*. –2023б. –Т. 77. –№ 3. –С. 119-138. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138>
- Романов, Е. В. Стратегические ориентиры культурной и образовательной политики России/Е.В.Романов// *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. – 2023в. –Т. 14. – № 2. –С. 40-43.
- Тамбовцев, В. Л. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория/ В.Л. Тамбовцев, И.А. Рождественская// *Вопросы экономики*. –2014. –№ 5. – С. 97–108. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-5-97-108>
- Тузиков, А.Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций/А.Р. Тузиков // *Управление устойчивым развитием*. –2020. –Т. 26. – №1. –С. 60-65.
- Фролов, Д.П. Российская система университетского образования: вопросы институциональной эффективности/Д.П. Фролов // *Региональная экономика: теория и практика*. –2016. –№11. – С. 94-102.
- Bennett, D. What is required to develop career pathways for teaching academics?/ D.Bennett , L.Roberts , S.Ananthram , M. Broughton // *Higher Education: The International Journal of Higher Education Research*. –2018. –Vol. 75(2). –P. 271–286. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0138-9>
- Comois, A. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector/ A.Comois , T.O’Keefe // *Journal for Critical Education Policy Studies*. – 2015.–Vol. 13(1). –P. 43–66.
- Donatiello, D. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy/ D.Donatiello , A. Gherardini // *Higher Education Policy*. –2019.– Vol. 32(2).–P. 203-226. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>
- Ellis, V. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators/ V.Ellis, J.McNicholl, A.Blake, J.McNally // *Teaching and Teacher Education*. –2014. – Vol. 40(1).– P. 33–43.
- Fairweather, J. S. Faculty reward structures: Toward institutional and professional homogenization/ J. S. Fairweather // *Research in Higher Education*.–1993.– Vol. 34. – P. 603–623.
- Gonzales, L. D. Exploring faculty experiences in a striving university through the lens of academic capitalism/ L. D.Gonzales, E.Martinez, C. Ordu // *Studies in Higher Education*. –2014. –Vol. 39(7). – P. 1097-1115.
- Graham, T. Russia's Grand Strategy toward the West/ T. Graham // *Journal of Peace and War Studies*. – 2022. – Vol. 4. – P. 1-15.
- Graham, T. Realpolitik vs. Messianism in Russian Foreign Policy/ T. Graham // *Orbis*. – 2024. – Vol. 68(3). – P. 462-469. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.05.007>
- Grimes, D.R. Modelling science trustworthiness under publish or perish pressure/ D.R.Grimes, C.T.Bauch, J.P.A. Ioannidis // *Royal Society Open Science*.–2018. – No.5. <https://doi.org/10.1098/rsos.171511>
- Hall, H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends/ H. Hall // *Ekonomia i Prawo*.–2018. –Vol. 17(1). P. 33–42.
- Holmwood, J. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity/ J. Holmwood, C. Marcuello Servós // *Social Epistemology*. –2019. –Vol. 33(4) –P. 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>
- Hood, C. A public management for all seasons?/C.Hood // *Public Administration*. –1991. –Vol. 69(1). – P. 3–19.
- Kwiek, M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in

- European universities/M. Kwiek // *Science and Public Policy*. –2018. –Vol. 45(1). – P. 1-13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>
- Rhoades, G. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education/ G.Rhoades , S. Slaughter // *Social Text*. – 1997. –No. 51. – P. 9–38.
- Slaughter, S. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university/ S.Slaughter, L.L. Leslie // Johns Hopkins University Press, 1997. –296 p.
- Slaughter, S. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism/ S.Slaughter , L.L.Leslie // *Organization*. – 2001. –Vol. 8(2).–P. 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>
- Somers, P. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas/ P. Somers, C. Davis, J.Fry, L. Jasinski, E. Lee// *Roteiro*.–2018. –Vol. 43(1). –P. 21-42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>
- Teng, S. S. Education reforms within neoliberal paradigms: A comparative look at the Singaporean and Finnish education systems/ S. S.Teng , M. Abu Bakar, H. Layne // *Asia Pacific Journal of Education*. – 2020.–Vol. 40(4). – P. 458–471. <https://doi.org/10.1080/02188791.2020.1838884>
- Woelert, P. The “economy of memory”: Publications, citations, and the paradox of effective research governance/ P. Woelert // *Minerva*. –2013. –Vol. 51(3). –P. 341–362. <https://doi.org/10.1007/s11024-013-9232-z>

References

- Balatsky E. V., Ekimova N. A., Tretyackova O. V. Evaluation methods of scientific economic journals quality. *Journal of Institutional Studies*. 2021;13(2): 27–52. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.027-052> (In Russ.)
- Bennett D., Roberts L, Ananthram S., Broughton M. What is required to develop career pathways for teaching academics? *Higher Education: The International Journal of Higher Education Research*. 2018; 75(2): 271–286. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0138-9>
- Comois A., O’Keefe T. Precarity in the iron cage: Neoliberalism and casualisation of work in the Irish higher education sector. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2015; 13(1): 43–66.
- Donatiello D., Gherardini A. All that Glitters is Not Gold: The Surrogate Use of University Spin-Offs. Insights from Italy. *Higher Education Policy*. 2019; 32(2): 203-226. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0079-z>
- Ellis V., McNicholl J., Blake A., McNally J. Academic work and proletarianisation: A study of higher education-based teacher educators. *Teaching and Teacher Education*. 2014; 40(1): 33–43.
- Ershov M.V., Tanasova A.S., Tskhovrebov M.P. On monetary and budget approaches in Russia in 2022–2024. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022; (1): 32–49. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-32-49>. (In Russ.).
- Fairweather J. S. Faculty reward structures: Toward institutional and professional homogenization. *Research in Higher Education*.1993; 34: 603–623.
- Frolov D.P.The Russian system of University education: issues of intuitional effective strength. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*. 2016;11: 94–102. (In Russ.)
- Glaziev S.Yu. How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022; (2): 4–20. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20>. (In Russ.).
- Gonzales L. D., Martinez E. , Ordu C. Exploring faculty experiences in a striving university through the lens of academic capitalism. *Studies in Higher Education*. 2014; 39(7): 1097-1115.
- Graham T. Russia's Grand Strategy toward the West. *Journal of Peace and War Studies*. 2022; 4: 1-15.
- Graham T. Realpolitik vs. Messianism in Russian Foreign Policy. *Orbis*. 2024; 68(3): 462-469. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.05.007>
- Grimes D.R., Bauch C.T., Ioannidis J.P.A. Modelling science trustworthiness under publish or perish pressure. *Royal Society Open Science*. 2018; 5. <https://doi.org/10.1098/rsos.171511>
- Hall H. The marketisation of higher education: symptoms, controversies, trends. *Ekonomia i Prawo*. 2018; 17(1): 33–42.
- Holmwood J., Marcuello Servós C. Challenges to public universities: Digitalisation, commodification and precarity. *Social Epistemology*. 2019; 33(4): 309–320. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1638986>
- Hood C. A public management for all seasons? *Public Administration*.1991; 69(1): 3–19.

- Kolganov A.I. The mixed economy of the USSR: Lessons for Russia. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022; (5): 101–115. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-101-115>. (In Russ.).
- Kovalev V. V., Diatlov A. V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2024; 30(2): 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3> (In Russ.).
- Kurbatova M. V., Levin S. N., Sablin K. S. The "tripled failure" of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies*. 2020; 12(4): 94–111. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111>(In Russ.).
- Kwiek M. Academic top earners. Research productivity, prestige generation, and salary patterns in European universities. *Science and Public Policy*. 2018; 45(1): 1–13. <https://doi.org/10.1093/scipol/scx020>
- Maevsky V.I, Malkov SYu., Rubinstein A.A. New world economic structure and macroeconomic conditions for Russia's transition to high growth rates: Preprint. M.: Institut ekonomiki RAN = M.: Institute of Economics, RAS, 2023; 44 (In Russ.)
- Nekipelov A.D. Academic Science in Discussions on Key Issues of Economic Development in Modern Russia. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2022; 33(5): 480–487. <https://doi.org/10.1134/S1075700722050112> (In Russ.)
- Obolonsky A.V. Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence of Irrational Managerial Bureaucratization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2022; 1: 113–126. <https://doi.org/10.31857/S0869049922010063>(In Russ.)
- Obolonsky A.V. Ideologeme of a special way or "Special Way" to the Civilization impasse. *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Research*. 2018; 2:18–31. (In Russ.)
- Obolonsky A.V. On Mythologeme of a the "Special Path". *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2017; 6: 77–82. (In Russ.)
- Rhoades G., Slaughter S. Academic capitalism, managed professionals and supply-side higher education. *Social Text*. 1997; 51: 9–38.
- Romanov E.V. Publication activity of Russian universities: From "academic capitalism" to "academic socialism". *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2023a; 2:100–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115> (In Russ.)
- Romanov E. V. Value foundations of Russian economic development strategy. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2023b;77(3): 119–138. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-119-138>(In Russ.)
- Romanov E. V. Strategic guidelines of cultural and educational policy of Russia. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tekhniki i obrazovaniya = Current issues of modern science, technology and education*. 2023c; 14(2): 40–43. (In Russ.)
- Slaughter S., Leslie L.L. Academic capitalism: Politics, policies, and the entrepreneurial university. *Johns Hopkins University Press*,1997; 296.
- Slaughter S., Leslie L.L. Expanding and Elaborating the Concept of Academic Capitalism. *Organization*. 2001; 8(2): 154–161. <https://doi.org/10.1177/1350508401082003>
- Somers P., Davis C., Fry J., Jasinski L., Lee E. Academic capitalism and the entrepreneurial university: some perspectives from the Americas. *Roteiro*. 2018; 43(1): 21–42. <https://doi.org/10.18593/r.v43i1.13088>
- Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A. Higher education reform in Russia: International experience and economic theory. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2014; 5: 97–108. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-5-97-108> (In Russ.)
- Teng S. S., Abu Bakar M., Layne H. Education reforms within neoliberal paradigms: A comparative look at the Singaporean and Finnish education systems. *Asia Pacific Journal of Education*. 2020; 40(4): 458–471. <https://doi.org/10.1080/02188791.2020.1838884>
- Tuzikov A.R. Higher Education: ideologems of reforms and imitation practice. *Upravlenie ustojchivym razvitiem = Sustainable Development Management*. 2020; 26(1): 60–65. (In Russ.)
- Woelert P. The "economy of memory": Publications, citations, and the paradox of effective research governance. *Minerva*. 2013; 51(3): 341–362. <https://doi.org/10.1007/s11024-013-9232-z>

Дата получения рукописи: 3.08.2025

Дата окончания рецензирования: 5.09.2025

Дата принятия к публикации: 8.09.2025

Информация об авторе

Романов Евгений Валентинович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Romanov Evgeny Valentinovich – Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; e-mail: evgenij.romanov.1966@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.77 <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.8>

EDN LROWUH

Трансформация общественно-политической коммуникации в цифровом социуме: тенденции, риски, перспективы**Евгений А. Матвиенко¹**

¹Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Волгоград, Россия
e-mail: matvment@mail.ru

Людмила Л. Штофер²

²Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: <mailto:filosofiya327@yandex.ru>

Ольга М. Шевченко³

³Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Аннотация

Введение. Эволюция информационно-коммуникационных технологий привела к становлению цифрового общества, в котором организация и социальное взаимодействие базируются на сетевых структурах и цифровых платформах, трансформирующих все аспекты коммуникации, включая общественно-политическую. Цель статьи – выявить тенденции, риски и перспективы общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества.

Методы. Методологической основой исследования выступают трансформационный и рискологический подходы, а также положения теории «сетевого общества» (Б. Велмана, М. Кастельс, П. Бурдье), концепции социальной солидарности (Э. Дюркгейм), концепции «общества платформ» (Т. Гиллеспи, Й. Ван Дейк).

Результаты исследования. Цифровизация общественно-политической коммуникации, как и любое социальное явление, амбивалентна: с одной стороны, информация политического характера становится более доступной, наличие интернет-площадок позволяет гражданам как вести дискуссии с действующей властью, так и обсуждать социально значимые проблемы между собой, вовлекая в этот процесс практически неограниченный круг участников; с другой стороны, в Интернет-пространстве циркулирует не только достоверная информация, но и многочисленные фейки, нередко намеренная тенденциозность в изложении фактов, негативные оценки деятельности представителей власти различного уровня и др. У значительной части общества может усиливаться социальная инертность.

Ключевые слова: сетевое общество; общественно-политическая коммуникация; онлайн-солидарность; цифровые медиа; цифровые платформы; электронная демократия.

Для цитирования: Матвиенко Е. А., Штофер Л. Л., Шевченко О. М. (2025). Трансформация общественно-политической коммуникации в цифровом социуме: тенденции, риски, перспективы. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), С. 99-111. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.8>

Transformation of socio-political communication in digital society: trends, risks, prospects**Evgeniy A. Matvienko¹**

¹Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia
e-mail: matvment@mail.ru

Lyudmila L. Shtofer²

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: filosofiya327@yandex.ru

Olga M. Shevchenko³

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: olgashv2007@yandex.ru

Abstract

Introduction. The evolution of information and communication technologies has led to the formation of a digital society in which organization and social interaction are based on network structures and digital platforms that transform all aspects of communication, including socio-political. The purpose of the article is to identify the trends, risks and prospects of socio-political communication in the context of digitalization of society.

Methods. The methodological basis of the study is the transformational and riskological approaches, as well as the provisions of the theory of the "network society" (B. Wellman, M. Castells, P. Bourdieu), the concept of social solidarity (E. Durkheim), the concept of the "platform society" (T. Gillespie, J. Van Dijk).

Research results. Digitalization of socio-political communication, like any social phenomenon, is ambivalent: on the one hand, political information becomes more accessible, the presence of Internet platforms allows citizens to hold discussions both with the current government and discuss socially significant problems among themselves, involving a virtually unlimited number of participants in this process; on the other hand, not only reliable information circulates in the Internet space, but also numerous fakes, deliberate bias in the presentation of facts, negative assessments of the activities of government officials at various levels, etc. Social inertia may increase among a significant part of society.

Keywords: network society; socio-political communication; online solidarity; digital media; digital platforms; electronic democracy.

For citation: Matvienko E. A., Shtofer L. L., Shevchenko O. M. (2025). Transformation of socio-political communication in digital society: trends, risks, prospects. *Caucasian Science Bridge*, 8 (2), P. 99-111. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.2.8>

Введение

Информационное общество породило новый тип социальности, в котором наличествует и стремительно развивается информационная инфраструктура, которая обеспечивает надежность функционирования и возможность развития как самого информационного пространства, так и релевантных ему средств взаимодействия. Благодаря подобной инфраструктуре площадки для взаимодействия переносятся из физического в виртуальное пространство, что делает их более открытыми, демократичными. В частности, потенциальные субъекты коммуникации более не ограничены ни местом, ни временем. Утрачивают свое значение и объективно имеющиеся социальные различия, связанные с полом, возрастом, образовательным уровнем, имущественным цензом, культурно-цивилизационной принадлежностью участников. Основным критерием объединения людей становится сфера их интересов и потребностей.

Являясь пространством свободного (бесцензурного) обмена информацией, глобальная Сеть в то же самое время становится площадкой, на которой свою социальную активность может проявить человек любого возраста, и прежде всего - молодежь. Для данной возрастной группы Интернет-пространство давно стало основной «средой обитания», в которой протекают все наиболее значимые процессы, связанные со становлением личности (прежде всего, социализация), позиционированием себя как субъекта, нахождением единомышленников, друзей, спутников жизни и др. Поскольку основным каналом распространения информации и социального взаимодействия в настоящее время становятся социальные сети, вопросы, связанные с воспитанием активной гражданской позиции, в настоящее время необходимо соотносить с уровнем информационного развития общества, а также с его сетевым характером.

Общественно-политическая коммуникация в сетевом обществе

Автором концепции сетевого общества является М. Кастельс, который для описания его структуры использует понятие «сеть». Новая социальная структура создается и воспроизводится «... сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...» (Кастельс, 2000, 505). Принципиально новым, по М. Кастельсу, становится и экспоненциальный рост субъектов взаимодействия, вследствие чего возникают и множатся так называемые виртуальные общины – не встречавшийся прежде тип человеческого сообщества, консолидирующий людей по критерию видов деятельности (от досуговой – до образовательной и профессиональной) на Интернет-площадках.

Роль глобальной сети как основного способа структурирования социального влияния отмечает П. Бурдье (Бурдье, 2007). Общественные образования в доинформационную эпоху носили устойчивый характер и воспроизводились веками в неизменном виде. Интернет-

пространство позволило мобильно создавать социальные группы, переформатируя их по мере необходимости на основе интересов участников группы.

Отечественные авторы отмечают тот факт, что глобальное виртуальное пространство позволило спонтанно возникающим сетевым контактам приобрести устойчивость. В результате значимый сегмент Интернета составляет стихийно складывающаяся коммуникация, порождающая такие форматы общения как интернет-конференции, форумы, блоги. Её особенностью выступают добровольность и заинтересованность участников в обсуждении той или иной проблемы (Королева, 2017).

Представляя виртуально-обезличенную сферу коммуникации, Интернет формирует не встречающуюся ранее социокультурную среду, в которой революционным изменениям подверглись как используемые коммуникативные средства, так и способы распространения информации (Ильин, 2009). В Интернете происходит как формирование, так и канализация многообразных проявлений социальной активности, в которую вовлечены различные возрастные группы (прежде всего, опять таки, молодежь). Результаты социологических исследований показывают, что по состоянию на 2021 год у молодежи наиболее популярными онлайн-площадками выступали ВКонтакте (91,4%), YouTube (74,9%), WhatsApp (66,4%) и Telegram (59,2%) (Попова, 2021, 35).

Исследователи констатируют инновационное воздействие социальных сетей на развитие коммуникативных практик (Юдина, 2020). Помимо общего повышения сетевой активности (социальные сети как драйвер развития других сфер жизнедеятельности), заслуживает внимание универсальность и демократичность их использования: родственные и производственные контакты, структуры различных организационно-правовых форм (коммерческие и общественные организации), общественно-политическая сфера и др.

Как результат, сетевизация общества в сочетании с его виртуализацией способствует возникновению новых типов сообществ, основой которых выступают общность интересов и ценностей, а не территории проживания или происхождение (Wellman, 2021).

Появление Интернет-пространства и возникновение многообразных интернет-сообществ способствует преодолению ограничений, связанных с местом физического пребывания человека, а также физической невозможностью бесконечного расширения социальных контактов. Новая реальность способствует развитию принципиально новых форм социальной солидарности, а следовательно, открывает перспективы для развития гражданской культуры.

Целостная концепция социальной солидарности представлена в трудах Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1991). Согласно его теории, в архаичном (традиционном) типе общества солидарность носит механический характер, обусловленный однородностью образа жизни его членов, а также гомогенностью их ценностно-мировоззренческих установок. Данный тип солидарности возможен в небольших по численности локальных сообществах, члены которых связаны родственными отношениями. Принцип сплоченности построен на примате коллективного над индивидуальным и подчинении личности коллективу.

Развитие общества сопровождалось интенсификацией дифференциации его членов и закреплением жестких принципов социальной консолидации. Основой социальной солидарности начали выступать: социальный статус, имущественный ценз, профессиональная принадлежность и др. Эти же критерии, в свою очередь, выступали основой социальной дифференциации. Однако, начиная с эпохи возникновения национальных государств, стало понятно, что для социальной солидарности необходимы все более общие основания, а следовательно, несмотря на гетерогенность общества, требуется некий общественный консенсус. И хотя существующие между членами социума объективные различия, безусловно, значимы, в настоящее время интересы индивидов начинают согласовываться посредством создания сетевых общественных организаций как результата осознания взаимосвязи и взаимозависимости людей в рамках общественной жизни.

Онлайн-солидарность в цифровом обществе

Благодаря цифровизации в общественном и научном дискурсе возникло понятие «онлайн-солидарность» для описания сетевого взаимодействия людей. В целом напоминая привычную социальную солидарность (общность принципов, норм, правил) она обладает уникальными особенностями, связанными с использованием высокотехнологичных коммуникативных средств и цифровыми образами участников коммуникации.

Несмотря на то, что онлайн-солидарность по сравнению с реальной (физической)

солидарностью выглядит эфемерной, у нее наличествуют потенциал превращения в материальную силу. Инструментально медиасредства способны привлекать новых участников и практически бесконечно расширять их круг. Хотя символическое участие в виртуальных сообществах не связано с ответственностью и обязательствами участников, оно выступает своеобразным посредником идентификационных процессов, способных консолидировать группу общностью идей и ценностей.

Представляя качественно новый формат, онлайн-коммуникация открывает возможности для вовлечения людей в политический процесс посредством возможности публичного высказывания той или иной позиции, а также последующего контроля за решениями, принимаемыми действующей властью. Помимо способности Интернета объединять людей на основе общности политических взглядов, он интенсифицирует деятельность общественных движений в широком спектре: от сугубо инструментального до когнитивного и символического (Della Porta, Mosca, 2005).

Возникновение новых форм солидарности, складывающейся благодаря социальным сетям, не ограничено породившим их виртуальным пространством. Онлайн-солидарность способна влиять на реальные социально-политические процессы, поскольку предполагает возможность не только распространения информации, но и её дискуссионного обсуждения, следствием которого являются разнообразные по содержанию проявления общественной активности от волонтерской деятельности до гражданских акций различной степени радикальности.

Сетевизация продуцирует не только новые возможности социальной самореализации, но и многочисленные риски, связанные с пользовательской активностью. Прежде всего, серьезной угрозой подвергается приватность, поскольку значимая для пользователя информация, попадая в Интернет-пространство, приобретает публичность. Еще одной угрозой становится тотальность надзора и контроля, заставляющая вспомнить самые мрачные антиутопии – прежде всего «1984» Дж. Оруэлла – с его перманентным наблюдением, превращающим повседневную жизнь в концлагерь.

Процесс сетевизации общества сопровождается его медиатизацией. Цифровизация позволяет создать технологическую инфраструктуру, которая может «конструировать» социальную реальность посредством цифровых медиа. Последние задают параметры существования человека в Сети.

Медиатизированное общество как результат развития соответствующих технологий имеет запрос на публичное медиaprостранство (Hjarvard, 2008). Содержанием последнего являются не события, а их подача под определенным углом зрения, отражающим интересы политических акторов: создавая иллюзию погруженности в событие, современные медиа незаметно переносят акцент с произошедшего на его интерпретацию (Соловьев, Морева, 2018). Поскольку предлагаемый информационный продукт «готов к употреблению» он не предполагает критического осмысления, альтернативных позиций, дискуссионности как таковой. Закономерным следствием становится утрата потребителем контента способности к анализу и самостоятельности мышления.

Возможности цифровых медиа являются эффективным инструментом воздействия на общественное сознание в различных сферах, в том числе и в политике. Восприятие обществом различных событий во многом определяет и политические настроения людей, и их политический выбор. В связи с этим, политически акторы чрезвычайно заинтересованы не только в оперативной подаче значимой информации, но и её интерпретации. Однако медиа, особенно цифровые, – это действительно отдельная власть, способная эффективно управлять общественными настроениями, не только легитимировать, но и делегитимировать различных политических деятелей. Результатом становится медиатизация политической сферы, которая включает два основных компонента: во-первых, перенос политической активности в медийную сферу, во-вторых, зависимость политики от её представленности в медийном поле, включая интерпретационную составляющую.

Цифровые платформы в организации общественно-политической коммуникации.

Процесс цифровизации общественной жизни сопровождается появлением таких информационных ресурсов, как онлайн-платформы, предоставляющие инфраструктуру (техническую и программную), благодаря которой различные пользователи Сети

(индивидуальные и коллективные, частные и государственные) могут создавать те или иные цифровые продукты (сервисы, приложения и др.), а также виртуальные сообщества (Casilli, Posada, 2019).

В настоящее время процесс платформизации – активного внедрения онлайн-платформ в различные сферы социальной жизни – значительно интенсифицировался. По своим масштабам и последствиям он сопоставим, по мнению исследователей, с наиболее революционными изменениями в жизни общества – индустриализацией и электрификацией (Van Dijck, 2018). Под влиянием платформизации глубоким трансформациям подвергаются фундаментальные общественные практики, связанные с механизмами контроля и управления, созданием норм и ценностей и др.

Цифровые платформы становятся новым инструментом в осуществлении политической деятельности. Пока преждевременно утверждать, что они вытеснили непосредственное взаимодействие между партиями и электоратом (партийными кандидатами и их потенциальными избирателями), но, безусловно, расширили целевую аудиторию, способствуя формированию позитивного имиджа партии (а равно и иных субъектов политического процесса) посредством размещения в Сети информационного, агитационного и иного значимого контента.

В качестве новых форматов общественно-политической коммуникации следует выделить порталы «Активный гражданин», «Госуслуги», «Российская общественная инициатива», ресурс Telegram и др. Основной функцией данных ресурсов является снятие бюрократических препон в коммуникации между деперсонализированной властью и гражданами. Поскольку подобные онлайн-площадки служат не только для решения частных вопросов, но и вовлекают людей в обсуждения социальных проблем более высокого уровня (местного, регионального, государственного), они объективно интенсифицируют проявление гражданской активности населения.

Многие авторы констатируют, что благодаря принципиально новым площадкам взаимодействия между властью и обществом государство, оперативно получая информацию от населения, повышает свою управленческую эффективность (Балашов, Бочанов, 2017). На основании этого делается вывод, что использование цифровых платформ в социально-политической коммуникации является шагом в направлении развития наиболее перспективной формы демократии – электронной (сетевой).

Мониторинг интереса молодежи к политической повестке дня демонстрирует, что «политическая тематика и обсуждение сопутствующих проблем актуальны примерно для 22% молодых жителей российских мегаполисов. Четверть молодых жителей городов-миллионников в интернет-пространстве не предпринимают вообще никаких действий, связанных с политикой. До 45% реагируют с помощью эмодзи на материалы, посвященные политической тематике, но более активные действия, связанные с обсуждением таких тем, совершает лишь каждый пятый» (Попова, 2021, 49).

Под впечатлением от новых технологических возможностей у части общества возникает иллюзия, что их достаточно для выхода демократии на качественно новый уровень, когда диалог между участниками политического процесса (властью и обществом) будет осуществляться напрямую, без бюрократических процедур и проволочек, приобретая электронную форму. При этом игнорируется очевидное: подобные возможности сами по себе, без должного уровня развития политической культуры всех участников процесса, автоматически не приведут к сетевой демократии. В качестве причин следует отметить то ощущение вседозволенности, которое рождает сетевая анонимность. Пользователи забывают, что оборотной стороной свободы является персональная ответственность за совершаемые действия, в том числе и в виртуальном пространстве. В связи с этим без определенного уровня гражданской культуры, включающей виртуальные проявления политической активности, создание и устойчивое функционирование сетевой демократии невозможно.

Риски цифровизации социально-политической коммуникации

Риски, связанные с использованием цифровых технологий в социально-политической коммуникации, многообразны и включают не только намеренное искажение представленных фактов, но и отсутствие системного подхода в их подаче. Хаотичность цифрового контента затрудняет его понимание и интерпретацию, вызывая у пользователей растерянность и закономерное недоверие. Ситуацию усугубляет неконтролируемость реакций пользователей, выражающаяся, с одной стороны, в огульных обвинениях, часто беспочвенной критике власти, с

другой – в абсурдных предложениях, требующих реализации. Все это также ограничивает возможность выстроить диалог между властью и обществом на конструктивных основах. Как результат – новые коммуникативные возможности формируют у человека скорее безразличие к политическим проблемам, чем гражданскую активность.

В связи с этим можно констатировать: помимо проявлений социально-политической активности, источником которой не в последнюю очередь являются новые технические возможности, имеет место и контртенденция. Для многих людей общественно-политический процесс, разворачивающийся в Сети, становится разновидностью современного медийного продукта, вызывающего поверхностный и сиюминутный интерес (Шевченко, 2022). В этом отношении пассивное наблюдение за политическими дискуссиями, партийными дебатами и др., мало отличается от поглощения пользователями развлекательного контента.

В процессе цифровизации общественно-политическая коммуникация подвергается еще одному серьезному риску. Сеть служит не только для повышения «прозрачности» общественно-политических процессов, но и для расширения спектра манипулятивных практик, сокрытия значимой информации, её тенденциозного изложения, создания видимости принятия оперативных решений и др. Соединение подобных возможностей с традиционным недоверием россиян к действующей власти, убежденностью общества в невозможности влиять на принимаемые политические решения, не способствует повышению уровня социально-политической активности населения и развитию его гражданской культуры.

Заключение

Цифровизация позволяет повысить уровень информированности населения по различным вопросам, включая политические, детерминировать его социальную активность, вовлечь в процессы, ведущие к позитивным социальным трансформациям. Однако следует заметить, что подобное возможно лишь в рамках развитых демократических политических систем, где наличествуют институты гражданского общества, а наиболее фундаментальные права и свободы защищены законом. В тоталитарных и авторитарных системах (персоналистские автократии) подобные возможности либо отсутствуют, либо крайне ограничены. Тем не менее, общая тенденция налицо: информация, в том числе и политического характера, становится более доступной, наличие интернет-площадок позволяет гражданам вести дискуссии как с действующей властью, так и обсуждать социально значимые проблемы между собой, вовлекая в этот процесс практически неограниченный круг участников.

Цифровизация общественно-политической коммуникации, как и любое социальное явление, амбивалентна. Поскольку в Интернет-пространстве циркулирует не только достоверная информация, но и многочисленные фейки, намеренная тенденциозность в изложении фактов, негативные оценки деятельности представителей власти различного уровня у значительной части общества может усилиться социальная инертность. Интернет-пространство с его гигантскими массивами информации, неспособностью части пользователей отличить достоверную информацию от ложной или искаженной, доминирование негативной информации над позитивной способствует усилению социальной апатии. В России ситуацию усугубляет исторически низкий уровень доверия населения к институтам власти и их персонифицированным представителям.

Литература

- Балашов, А. Н.* Интернет-технологии как фактор политической активности граждан: тренды и противоречия / А. Н. Балашов, М. А. Бочанов // *PolitBook*. – 2017. – № 2. – С. 22-34.
- Бурдые, П.* Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб, Алетейя, 2007. – 288 с.
- Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
- Ильин, А. А.* Интернет-реальность как социальная актуальная и виртуальная реальности / А. А. Ильин // *Социальная политика и социология*. – 2009. – № 2. – С. 304-310. – EDN [KVENQF](#)
- Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
- Королева, А. Н.* Подходы к пониманию сетевого общества в истории социальных наук / А. Н. Королева // *Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки*. – 2017. – № 1. – С. 38-41. – EDN [VKVJBW](#)

- Попова, О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов / О. В. Попова // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2021. – № 2. – С. 28-54.
- Соловьёв, В. А. Медиатизация как фактор политического воздействия на массовую аудиторию / В. А. Соловьёв, А. Н. Морева // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. – 2018. – Вып. 1 (794). – С. 89-102. – EDN [XQWEZV](#)
- Шевченко, Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества / Л. В. Шевченко // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11 (58), – № 6. – С. 191-200. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11>.
- Юдина, Е. Н., Солидарность в социальных сетях / Е. Н. Юдина, И. В. Алексеенко // *Коммуникология*. – 2020. – Т. 8, – №1. – С. 114-127. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127>.
- Casilli, A. A. The Platformisation of Labor and Society / A. A. Casilli, J. Posada // *Society and the Internet. How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives* / Eds. M. Graham, W.H. Dutton. – Oxford University Press, 2019. – P. 287–314.
- Della Porta, D. Global-net for Global Movements? A Network of Networks for a Movement of Movements / D. Della Porta, L. Mosca // *Journal of Public Policy*. – 2005. – № 1. – P. 165–190. <https://doi.org/10.1017/S0143814X05000255>.
- Hjarvard, S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change / S. Hjarvard // *Nordicom Review*. – 2008. – Vol 29. – № 2. – P. 105–134.
- Van Dijck, J. The Platform Society: public values in a Connective World / J. Van Dijck, Th. Poell, M. De Waal. – New York: Oxford University Press, 2018. – 400 p.
- Wellman, B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking / B. Wellman // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2001. – Vol 25. – № 2. – P. 227-252.

References

- Balashov A. N. Bochanov M. A. Internet technologies as a factor in the political activity of citizens: trends and contradictions. *PolitBook = PolitBook*. 2017; 2: 22-34. (In Russ.)
- Bourdieu P. Sociology of social space. *Sankt-Peterburg: Aleteia = St. Petersburg: Aleteia*, 2007; 288 p. (In Russ.)
- Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. *Moskva: Nauka = Moscow: Science*, 1991; 572 p. (In Russ.)
- Ilyin A. A. Internet reality as social actual and virtual reality. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social policy and sociology*. 2009; 2: 304-310. (In Russ.)
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Trans. from English under scientific ed. O. I. Shkaratan. *M.: VShE = M.: HSE*, 2000; 606 p. (In Russ.)
- Koroleva A. N. Approaches to Understanding the Network Society in the History of Social Sciences. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki = Bulletin of the Vologda State University. Series: Humanitarian, Social, Pedagogical Sciences*. 2017; 1: 38-41. (In Russ.)
- Popova O. V. Political online communication of the youth of Russian megacities. *Galactica Media: Journal of Media Studies = Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021; 2: 28-54. (In Russ.)
- Soloviev V. A., Moreva A. N. Mediatization as a factor of political influence on the mass audience. *Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2018; 1 (794): 89-102. (In Russ.)
- Shevchenko L. V. Transformation of socio-political communication in the context of digitalization of society. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11 (58); 6: 191-200. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11> (In Russ.)
- Yudina E. N., Alekseenko I. V. Solidarity in Social Networks. *Kommunikologiya = Communicology*. 2020; 8; 1: 114-127. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-1-114-127> (In Russ.)
- Casilli, A. A., Posada J. The Platformisation of Labor and Society. In *Society and the Internet. How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives*. Eds. M. Graham, W.H. Dutton. *New York: Oxford University Press*, 2019: 287–314.
- Della Porta D., Mosca L. Global-net for Global Movements? A Network of Networks for a Movement of Movements. *Journal of Public Policy*. 2005; 1: 165–190. <https://doi.org/10.1017/S0143814X05000255>.
- Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review*. 2008; 29; 2: 105–134.

Van Dijck J., Poell Th., De Waal M. The Platform Society: public values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018; 400 p.

Wellman B. Physical place and cyberspace: the rise of personalized networking. International Journal of Urban and Regional Research. 2001; 25; 2: 227-252.

Дата получения рукописи: 1.08.2025

Дата окончания рецензирования: 8.09.2025

Дата принятия к публикации: 11.09.2025

Информация об авторах

Матвиенко Евгений Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Волгоград, Россия; e-mail: matvment@mail.ru.

Штофер Людмила Львовна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: filosofiya327@yandex.ru.

Шевченко Ольга Михайловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: olgashv2007@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Matvienko Evgeny Alekseevich – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia; e-mail: matvment@mail.ru.

Shtofer Lyudmila Lvovna – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Head of the Philosophy and Cultural Studies Department, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia; e-mail: filosofiya327@yandex.ru.

Shevchenko Olga Mikhailovna – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies Department, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: olgashv2007@yandex.ru.

The authors have no conflict of interests to declare

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала

«Caucasian Science Bridge»

(редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 п. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.
Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, c*, выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещает в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).
Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хо-рошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество автор-ских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в *списке литературы* размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и дату доступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRB. **Четыре автора:**

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города креативные практики конструирования: автореф. дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQNBVB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTASRAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.). **Диссертация, автореферат диссертации**

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p. Издание

под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference.* St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов¹,

¹Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:...

Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение ТЕКСТ

СТАТЬИ

Методы ТЕКСТ

СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение ТЕКСТ

СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.

5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статей в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Используемые источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.